Р А Ш И Н С А Й Н С

К А З А Н С К А Я Н А У К А

№10 2020

Казань - 2020

УДК 08
ББК 72
К4 94

К4 94 Казанская наука. №10 2020г. – Казань: Издательство Рашин Сайнс, 2020. – 166.

ISSN 2078-9955 (print)
ISSN 2078-9963 (online)

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (реестровая запись от 08.05.2019 серия ПИ № ФС 77 – 75730).

Журнал размещен в открытом бесплатном доступе на сайте www.kazanscience.ru.

Журнал включен ВАК РФ в перечень научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» № Е11209.

Главный редактор А.Р. Шагимуллин

Редакционная коллегия

Р.Ф. Бекметов – д.филол.н., доцент; *В.В. Кондратьев* – д.пед.н., профессор;
О.В. Чевела – д.филол.н., доцент; *А.М. Саяпова* – д.филол.н., профессор;
Р.Р. Хуснулина – д.филол.н., профессор.

В журнале отражены материалы по теории и практике направлений науки, наиболее интенсивно развивающихся в настоящее время. Представлены труды ученых и специалистов вузов, институтов РАН, организаций, учреждений и предприятий, представителей органов власти.

Материалы журнала будут полезны преподавателям, научным работникам, специалистам научных предприятий, организаций и учреждений, а также аспирантам, магистрантам и студентам.

УДК 08
ББК 72

ISSN 2078-9955 (print)
ISSN 2078-9963 (online)

© Рашин Сайнс, 2020 г.

СОДЕРЖАНИЕ

10.01.01 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Н.В. Бараханова ИДЕЯ ПОСТРОЕНИЯ «ГРАДА БОЖЬЕГО» В РОМАНЕ А. ПЛАТОНОВА «ЧЕВЕНГУР» 8
Ю.С. Баскова, М.В. Безрукавая СОВРЕМЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС И ПРОБЛЕМЫ ЕГО ИЗУЧЕНИЯ 11
Л.А. Берсенева, А.В. Федорова ОБРАЗ ВРЕМЕНИ В ПОВЕСТИ В.И. БЕЛОВА «ПРИВЫЧНОЕ ДЕЛО» 15
Ф.Ф. Гилемшин, А.Г. Гилемшина ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ В СКАЗКАХ «ТЫСЯЧА И ОДНА НОЧЬ» 18
Е.П. Лынова ТРАНСФОРМАЦИЯ ТЕМЫ ДВОЙНИЧЕСТВА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 22
Н.И. Николаев, Т.В. Швецова «МАРТИНГАЛ» В.Ф. ОДОЕВСКОГО В КОНТЕКСТЕ «ПЕТЕРБУРГСКОГО СБОРНИКА» 25
С.Н. Патапенко БИБЛЕЙСКАЯ ТЕМА В ПОВЕСТИ В.И. БЕЛОВА «ПРИВЫЧНОЕ ДЕЛО» 28
А.Н. Тушев ЛЕВ ТОЛСТОЙ И МЕРЕЖКОВСКИЕ: К ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ 32

10.01.10 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ЖУРНАЛИСТИКА

В.А. Гапутина, Е.А. Будник, В.В. Богуславская ХЭШТЕГ НА СТРАНИЦАХ ГЛЯНЦЕВЫХ МЕДИА 35
Т.Т. Сидельникова ФОРМИРОВАНИЕ ГЕОБРЕНДИНГА В МЕДИАСРЕДЕ 38
З.Ш. Шукурджиева ГАЗЕТА «ТЕРДЖИМАН» КАК ЯВЛЕНИЕ КРЫМСКОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРЕССЫ И ЕЕ РОЛЬ В ТЮРКО-МУСУЛЬМАНСКОМ МИРЕ 41

10.02.01 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКИЙ ЯЗЫК

Г.М. Бoваева, Т.В. Бураева, Н.Л. Овшиева, О.В. Салынова СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НОМИНАЦИЙ ПРАЗДНИЧНОЙ ПИЩИ В КАЛМЫЦКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ 44
М.В. Сунцова КОННОТАЦИЯ И ЕЕ СТРУКТУРА В ТЕКСТЕ 48
П.Е. Топорков ОЦЕНОЧНЫЕ ИМЕНА В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ ПРЕДИКАТИВА КАК КЛАССА СЛОВ 52
П.А. Якимов РЕЛИГИОЗНЫЙ ОНОМАСТИКОН В ПОЭЗИИ: УРОВНИ АНАЛИЗА (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ) 55

10.02.04 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

М.И. Аветисян КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ ПРОСТЫХ ОТГЛАГОЛЬНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ С СУФФИКСОМ-ER 58
К.Н. Антонова, Ю.В. Буль ТРАНСФОРМАЦИИ РУССКОГО ЛИНГВО-КУЛЬТУРНОГО КОНЦЕПТА БРАК И АНГЛИЙСКОГО ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО КОНЦЕПТА MARRIAGE В РОМАНЕ Л.Н. ТОЛСТОГО "АННА КАРЕНИНА" И ДИЛОГИИ Д.Г. ЛОРЕНСА "РАДУГА" И "ВЛЮБЛЕННЫЕ ЖЕНЩИНЫ" 62
Т.С. Василенко, Е.И. Шеваршинова ЯЗЫКОВОЙ КОМПОНЕНТ СОВРЕМЕННОГО АНГЛОЯЗЫЧНОГО ТЕЛЕРЕПОРТАЖА 66

А.М. Горохова, А.В. Ольнева БРИТАНСКИЙ МИКРОБЛОГИНГ КАК ИНСТРУМЕНТ ЛЕКСИКО-ИКОНОГРАФИЧЕСКОГО КАРТИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПАНДЕМИИ COVID-19 69
М.А. Кузина ОСОБЕННОСТИ АВТОРСКИХ ПРИЁМОВ РАСКРЫТИЯ СЕМАНТИКИ ЭКЗОТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В МУЛЬТИКУЛЬТУРНОМ РОМАНЕ 73
М.В. Матюхина ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕКСТОВ АНГЛИЙСКИХ ТРАНСГУМАНИСТИЧЕСКИХ БЛОГОВ С ТЕГОМ «ANTI-AGING» 76
О.А. Мелентьева СЛОВАРИ РИФМ ЧОСЕРА: ПРИНЦИПЫ ПОСТРОЕНИЯ 79
В.М. Насртдинова КАТЕГОРИИ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ И РЕЧЕВЫХ ОБРАЗЦОВ (ЛЕ И РО), РЕЛЕВАНТНЫХ ДЛЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕМ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА ВО ВРЕМЯ TEACHER TALKING TIME 82
Л.Г. Юсупова ЯЗЫКОВАЯ И КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ КАРТИНЫ МИРА СКВОЗЬ ПРИЗМУ АНТРОПОМОРФИЗМА 85

10.02.19 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

А.В. Абрегова, Р.Б. Кенетова, Р.А. Теуважукова СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ 89
Е.Н. Азначеева, А.Г-Б. Салахова АНАЛОГИЯ КАК РИТОРИЧЕСКИЙ ПРИЕМ В РЕЛИГИОЗНОЙ КОММУНИКАЦИИ 93
С.З. Анохина, Г.В. Вахитова КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ И ПРЕДСТАВЛЕНИЕ СИТУАЦИЙ ЗРИТЕЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ 97
Н.В. Арчахова, М.Ю. Дайнеко, И.И. Могилева ВЛИЯНИЕ ОБУЧЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19 НА МОТИВАЦИЮ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ ВУЗОВ 101
Р.К. Ахметгареева, М.К. Гулканян ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК КАК ФАКТОР УСПЕШНОЙ АДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ К СОВРЕМЕННЫМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМ УСЛОВИЯМ 104
Д.Р. Гайнанова ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО КОНЦЕПТА «АКЧА» (ДЕНЬГИ) В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ 107
А.Н. Гуров, А.В. Пахарь ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИСПАНСКИХ ВОЕННЫХ ТЕКСТОВ 110
Ю.И. Детинко МУЛЬТИМОДАЛЬНЫЙ ТЕКСТ КАК ПРЕДМЕТ АНАЛИЗА 113
Н.В. Зотова ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОЦИИ СТРАХА В РАССКАЗЕ R. BRADBURY «THE ELECTROCUTION» 117
Л.В. Иванова, Г.С. Стренадюк, Т.С. Талалай СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ТАКСИСНЫХ ОТНОШЕНИЙ НЕСТРОГОЙ РАЗНОВРЕМЕННОСТИ И НЕОПРЕДЕЛЕННО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА) 120
А.В. Кириллова, С.В. Маслечкина, Д.Е. Меренкова, М.В. Шурупова К ВОПРОСУ О КОМПОЗИЦИОННОЙ СПЕЦИФИКЕ НЕОЛОГИЗМОВ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСА 123
Е.А. Коломейцев ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ БИЛИНГВА: КОГНИТИВНАЯ СЛОЖНОСТЬ И ИНТЕЛЛЕКТ 126
Е.А. Линева, Е.Г. Котова, М.В. Овчинникова, Е.Б. Савельева, Т.Г. Юсупова КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТОМ ВОЗДУХ/AIR/L'AIR В РУССКОМ, АНГЛИЙСКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ 134
Б.К. Миннуллин ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ АНАЛИТИЧЕСКИХ ФОРМ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ НА *-MAQDA IDE* И *-JUR IDE* В ТЕКСТАХ ГАЗЕТ «БОРХАНЕ ТАРАККИ» И «КОЯШ» 137

Р.Ф. Мирхаев СОЦИАЛЬНАЯ ОСНОВА ТАТАРСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ. 140
Ю.Н. Науменко ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ГИПОТЕЗЫ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ И РУССКОЯЗЫЧНОМ АКАДЕМИЧЕСКИХ ДИСКУРСАХ 143
Е.Е. Сафронова ТИПЫ ЭКСПЛИКАЦИИ НАРРАТОРА В РОМАНЕ ДАНИЭЛЯ КЕЛЬМАННА «DIE VERMESSUNG DER WELT» 148
И.В. Щербак ОБРАЗ ВРАГА В ПУБЛИЧНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЯХ АМЕРИКАНСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ 151

АННОТАЦИИ 155

THE RELEASE MAINTENANCE

10.01.01 – PHILOLOGICAL SCIENCES – RUSSIAN LITERATURE

N.V. Barakhanova THE IDEA OF "THE CITY OF GOD" ESTABLISHMENT IN THE NOVEL "CHEVENGUR" WRITTEN BY A. PLATONOV 8
Y.S. Baskova, M.V. Bezrukavaya MODERN LITERARY PROCESS AND PROBLEMS OF ITS STUDY 11
L.A. Berseneva, A.V. Fedorova THE IMAGE OF TIME IN THE NOVEL BY V.I. BELOV «AN ORDINARY AFFAIR» 15
F.F. Gilemshin, A.G. Gilemshina THE IMAGE OF A WOMAN IN THE FAIRY TALES "ONE THOUSAND AND ONE NIGHTS" 18
E.P. Lynova TRANSFORMATION OF THE THEME OF DUALITY IN RUSSIAN LITERATURE 22
N.I. Nikolaev, T.V. Shvetsova THE MARTINGALE BY V.F. ODOEVSKY IN THE CONTEXT OF THE PETERSBURG COLLECTION 25
S.N. Patapenko BIBICAL THEME IN STORY OF V. BELOV "HABITUAL DEAL" 28
A.N. Tushev LEO TOLSTOY AND MEREZHKOVSKY'S: TO THE HISTORY OF THEIR RELATIONSHIPS 32

10.01.10 – PHILOLOGICAL SCIENCES – JOURNALISM

V.A. Gaputina, E.A. Budnik, V.V. Boguslavskaya HASHTAG ON GLOSSY MEDIA PAGES 35
T.T. Sidelnikova FORMATION OF GEO-BRANDING IN THE MEDIA ENVIRONMENT 38
Z.Sh. Sukurdziyeva NEWSPAPER "TERDZIMAN" IS A PHENOMENON OF THE CRIMEAN ETHNIC PRESS AND ITS ROLE IN THE TURKO-MUSLIM WORLD 41

10.02.01 - PHILOLOGICAL SCIENCES – RUSSIAN LANGUAGE

G.M. Bovaeva, T.V. Buraeva, N.L. Ovshieva, O.V. Salynova SEMANTIC FEATURES OF NOMINATIONS OF FESTIVE FOOD IN KALMYK LINGUOCULTURE 44
M.V. Suntsova CONNOTATION AND ITS MEANING IN THE TEXT 48
P.Y. Toporkov EVALUATIVE NOUNS IN THEIR RELATION TO PREDICATIVES AS A SPECIFIED CLASS 52
P.A. Yakimov RELIGIOUS ONOMASTIKON IN POETRY: ANALYSIS LEVELS (TO STATEMENT OF THE PROBLEM) 55

10.02.04 - PHILOLOGICAL SCIENCES – GERMANIC LANGUAGES

M.I. Avetisyan SEMANTIC DERIVATION OF SIMPLEX DEVERBAL NOUNS WITH–ER: COGNITIVE FOUNDATIONS 58
K.N. Antonova, Yu.V. Bool TRANSFORMATION OF THE RUSSIAN AND ENGLISH PERCEPTION OF MARRIAGE IN THE NOVEL "ANNA KARENINA" BY L.N. TOLSTOY AND THE NOVELS "RAINBOW" AND "WOMEN IN LOVE" BY D.H. LAWRENCE 62
T.S. Vasilenko, E.I. Shevarshinova THE LINGUISTIC COMPONENT OF THE MODERN ENGLISH TELEVISION REPORTAGE 66
A.M. Gorokhova, A.V. Olneva BRITISH MICROBLOGGING AS A TOOL FOR LEXIS-ICONOGRAPHIC MAPPING OF BRITISH NATIONAL IDENTITY IN THE CONTEXT OF THE COVID-19 PANDEMIC 69
M.A. Kuzina IDIOLECTAL STRATEGIES TO EXPLICATE EXOTICISMS IN MODERN ENGLISH-LANGUAGE MULTICULTURAL NOVEL 73
M.V. Matyukhina LEXICAL AND GRAMMATICAL FEATURES OF THE TEXTS OF ENGLISH TRANSHUMANIST BLOGS WITH THE TAG "ANTI-AGING" 76

O.A. Melentyeva CHAUCER RHYME DICTIONARIES: PRINCIPLES OF COMPILATION 79
V.M. Nasrtdinova THE CATEGORIES OF LEXICAL UNITS AND SPEECH PATTERNS, RELEVANT FOR BEING APPLIED BY ENGLISH LANGUAGE TEACHERS DURING TEACHER TALKING TIME 82
L.G. Yusupova LINGUISTIC AND CONCEPTUAL WORLDVIEWS THROUGH THE PRISM OF ANTHROPOMORPHISM 85

10.02.19 - PHILOLOGICAL SCIENCES – LANGUAGE THEORY

A.V. Abregova, R.B. Kenetova, R.A. Teuvazhukova VERBS OF MOVEMENT IN THE COMPARATIVE ASPECT ON THE MATERIAL OF THE RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES 89
E.N. Aznacheeva, A.G.-B. Salakhova ANALOGY AS A RHETORICAL DEVICE IN RELIGIOUS COMMUNICATION 93
S.Z. Anokhina, G.V. Vakhitova CONCEPTUALIZATION AND REPRESENTATION OF THE SITUATIONS OF VISUAL PERCEPTION IN THE SPHERE OF LANGUAGE CONSCIOUSNESS 97
N.V. Archakhova, M.Yu. Daineko, I.I. Mogileva TRAINING DURING COVID-19 PANDEMIC AND MOTIVATION IN TEACHING ENGLISH LANGUAGE FOR STUDENTS OF NON-LINGUISTIC HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTION 101
R.K. Akhmetgareyeva, M.K. Gulkanyan FOREIGN LANGUAGE AS A FACTOR OF SUCCESSFUL ADAPTATION OF STUDENTS TO MODERN EDUCATIONAL CONDITIONS 104
D.R. Gaynanova VERBALIZATION OF THE LINGUOCULTURAL CONCEPT “AKCHA” (MONEY) IN TATAR LANGUAGE 107
A.N. Gurov, A.V. Pakhar FUNCTIONAL AND STYLISTIC FEATURES OF SPANISH MILITARY TEXTS 110
Iu.I. Detinko MULTIMODAL TEXT AS THE OBJECT OF ANALYSIS 113
N.V. Zotova LINGUISTIC MEANS OF EXPRESSING THE EMOTION OF FEAR IN R. BRADBURY’S SHORT STORY «THE ELECTROCUTION» 117
L.V. Ivanona, G.S. Strenadiuk, T.S. Talalai MEANS OF EXPRESSING TAXIS RELATIONS OF NON-STRICT DIVERGENCE AND INDEFINITE-CHOROLOGICAL RELATIONS (ON MATERIAL OF THE GERMAN LANGUAGE) 120
A.V. Kirillova, S.V. Maslechkina, D.E. Merenkova, M.V. Shurupova ON THE QUESTION OF STRUCTURAL PECULIARITY OF NEOLOGISMS IN INTERNET DISCOURSE 123
E.A. Kolomeytsev THE LANGUAGE COMPLEXITY OF A BILINGUAL PERSON: COGNITIVE ADVANTAGE AND INTELLECT 126
E.A. Lineva, E.G. Kotova, M.V. Ovchinnikova, E.B. Saveleva, T.G. Yusupova COMPARATIVE ANALYSIS OF PHRASEOLOGICAL UNITS WITH LEXICAL UNIT ВОЗДУХ/AIR/L’AIR IN RUSSIAN, ENGLISH AND FRENCH 134
B.K. Minnullin FEATURES OF THE FUNCTIONING OF THE *-MAQDA IDE* AND *-JUR* IDE ANALYTICAL FORMS OF THE PAST TENSE IN THE TEXTS OF “BORKHANE TARAKKI” AND “KOYASH” 137
R.F. Mirkhayev SOCIAL BASIS OF THE TATAR LITERARY LANGUAGE OF THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES 140
Yu.N. Naumenko ‘HYPOTHESIS’ VERBAL REPRESENTATION IN ENGLISH AND RUSSIAN ACADEMIC DISCOURSES 143
E.E. Safronova TYPES OF EXPLICATIONS OF THE NARRATOR IN THE NOVEL BY DANIEL KEHLMANN "DIE VERMESSUNG DER WELT" 148
I.V. Shcherbak ENEMY IMAGE IN PUBLIC SPEECHES OF AMERICAN POLITICIANS 151

ABSTRACTS 155

10.01.01 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

10.01.01

Н.В. Бараханова канд. филол. наук

Технический институт (филиал)
Северо - Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова,
кафедра филологии,
Нерюнгри, nata.priwet@mail.ru

ИДЕЯ ПОСТРОЕНИЯ «ГРАДА БОЖЬЕГО» В РОМАНЕ А. ПЛАТОНОВА «ЧЕВЕНГУР»

В работе представлены результаты осмысления идеи построения спасительного мира на земле и ее художественного воплощения в романе А. Платонова «Чевенгур».

Ключевые слова: *спасительный мир, «Град Божий», Китеж, мифопоэтические анализ, реминисцентный фон.*

На протяжении всей истории христианства в религии, литературе, других сферах искусства периодически, в особенности в переломные для страны моменты, становится актуальным вопрос о спасительном мире для человечества, который реализуется в разных аспектах: варьируется название, местоположение, принцип отбора его обитателей. Отметим, что инвариантом различных концепций является теория построения «Града Божьего» на земле, активно разрабатываемая в религии (книги Библии - Бытие, Евангелия, Откровение Иоанна Богослова, св. Августин и др.), философии (Аристотель, Сократ, Т. Манн и др.), в литературе (Е. Замятин, Дж. Оруэлл, П. Мельников-Печерский, М. Пришвин и др.).

В творчестве Андрея Платонова идея построения «Града Божьего», сопряженная с философскими, социально-историческими и этическими основами, имеет многоплановый реминисцентный фон.

Цель исследования - выявить особенности осмысления и художественного воплощения образа «Града Божьего» в романе А. Платонова «Чевенгур». Мифопоэтический анализ, составной частью которого является прочтение художественных произведений с учетом религиозного «пласта», позволяет выявить специфику авторской картины мира и объяснить востребованность в художественном творчестве элементов, в данном случае образов и мотивов, религиозной системы. Недостаточная разработанность методологии мифопоэтического анализа, в том числе относительно творчества А. Платонова, обусловила новизну исследования.

Сюжетная канва романа «Чевенгур» позволяет выстроить определенную парадигму образа Града, реализующуюся в различных мотивно-образных ключах.

Во-первых, обозначенный образ коррелирует с образом ветхозаветного рая (см. Бытие). Платонов рисует механически созданный рай на земле, социально-бытовой, политический, культурный уклад которого является пародийным двойником небесного образа. Заметим, что с начальным образом города на протяжении всего повествования происходит постоянная трансформация: он превращается в некую субстанцию, способную принимать определенные формы в зависимости от степени и силы воздействия на него из вне.

Интересен и тот факт, что образ платоновского «рая», по своей природе, оказывается полисемантом, проецирующимся на различные религиозные и философские тексты и подспудно знаменующим сложную многоуровневую систему координат авторской картины мира. Так, например, образ города Чевенгура коррелирует с образом ковчега (ср. библейское повествование о Ное), исходным принципом отбора жителей его: в романе ими становятся мечтатели, странники, неудачники (ср.: «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное. Блаженный чистые сердцем, ибо они Бога узрят. Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царствие Небесное» Мф. 5: 3-10).

Интересна и еще одна религиозная проекция: новая жизнь начинается с идеологической «чистки» населения нового города - убийства «заблудших» (ср.: ветхозаветное повествование о всемирном потопе и апокалиптический эпизод Страшного суда). Один из главных героев, Пашинцев, мечтает перенести на общую могилу «на руках старый сад, тогда бы деревья высосали из земли остатки капитализма и обратили их, по-хозяйски, в зелень социализма» [2] (ср. смысловую нагрузку образа сада в чеховском повествовании, в произведении В. Маяковского «Город-сад»). Кстати, строителей нового мира, как и новозаветных апостолов, двенадцать (ср.: поэма «Двенадцать» А. Блока). Итак, город-рай в «Чевенгуре» - жестокая реальность, а отнюдь не светлая мечта («Солнце уже высоко взошло, и в Чевенгуре, должно быть, с утра наступил коммунизм» [2]).

Итак, координаты нового рая четко обозначены, однако возникает вопрос: какое место, согласно новой идеологии, здесь отводится Богу? Авторское решение обозначенной проблемы весьма парадоксально: идея верховного божества превращается в фантом: ожидаемый Бог просто проходит мимо (ср.: «По горизонту степи, как по горе, шел высокий дальний человек, все его туловище было окружено воздухом, только подошвы еле касались земной черты, и к нему неслись чевенгурские люди. Но человек шел, шел и начал скрываться по ту сторону видимости, а чевенгурцы промчались половину степи, потом - начали возвращаться - опять одни» [2]).

Во-вторых, образ Чевенгура соотносится с образом священного города Иерусалима (см.: Евангелия). Идейно-тематической скрепой, позволяющей связать обозначенную аллюзию с платоновским повествованием, становится мотив воскрешения мертвых.

В литературоведческих исследованиях отмечается, что «Чевенгур»- название, которое фонетически связанно с Петербургом, тогда как семантика названия города, о чем свидетельствуют диалектические словари, тесно связана со значением «могила», «кладбище», «захоронение чего-либо» ([3]). Неслучайно, в Чевенгуре герои все время помнят о мертвых, пытаются откопать могилы, оживить родных, кажется, лишь на время ушедших людей.

Однако, идея воскрешения мертвых, которую настойчиво пытаются распознать у Платонова, на самом деле, здесь не центральна. Один из строителей новой идеологии, Чепурный, хочет воскресить умершего у нищенки мальчика лишь для демонстрации принципиальной незначимости смерти, принимая тем самым на себя роль спасителя - Христа. Заметим, что разработка темы жизни-смерти, сна-яви воплощается в духе экзистенциализма: конец света есть наступление качественно нового состояния бытия.

Третья проекция связывает образ Чевенгура с образом небесного «Града Божьего» (Откровение Иоанна Богослова). В романе, как и в других произведениях А. Платонова, прослеживает попытка разрешения извечной дилеммы: совместимость мечты построения «Града Божьего» на земле и реального ее воплощения. По сути, автор оставляет проблему открытой. Более того, детальное прорисовывание жизненного уклада населения города насыщено эсхатологическими аллюзиями.

Обратим внимание на тот факт, что своеобразие платоновского осмысления образа «Града Божьего» идет в русле религиозно-философских воззрений ортодоксов рубежа XIX-XX вв. (Н. Бердяева, С. Булгакова, Н. Федорова и др.) и проецируется на сюжетную канву библейских текстов (как ветхозаветных, так и книг Нового Завета). Причем логика реализации идеи построения «Града Божьего» в платоновской концепции мировосприятия парадоксальным образом соответствует библейской «стратегии» осмысления образа.

Кроме того, в платоновском повествовании подспудно реализуется национальный культурный архетип - легенда, в которой Китеж - промежуточная станция к новому небу и новой земле. Отец Александра - первый из духовных скитальцев, странников Чевенгура, задается целью найти расположенную под небом другую губернию на дне озера, что приводит к его смерти (ср.: «Через год рыбак не вытерпел и бросился с лодки в озеро, связав себе Ноги веревкой, чтобы нечаянно не поплыть» [2]). Следует отметить, сам Александр Дванов практически полностью повторяет путь отца: после длительных скитаний он

возвращается в оставленное им прошлое. Причем на пути домой он постоянно слышит звон колоколов - лейтмотив платоновского повествования, который приводит его на берег озера, в следствие чего он уходит в озеро - то ли в смерть, то ли в невидимый Китеж, который не удалось сделать реальностью.

И снова пародийная тенденция: согласно религиозной - христианской традиции, проводниками человеческих душ в мир иной становятся ангелы, тогда как в платоновском Чевенгуре подобная функция возложена на рыб (ср.: «… он <рыбак> показывал глаза мертвых рыб Захару Павловичу и говорил: «Гляди - премудрость. Рыба между жизнью и смертью стоит… Она много видела и поэтому все знает…» [2]. Более того, становятся понятными и индивидуально-стилистические платоновские сравнения новой идеологии со специфическим религиозно окрашенным образом Града Божьего - Китежа (ср.: «…и весь в коммунизме, как рыба в воде!» [2]) .

В платоновском романе образ «воды» обретает многоплановый символический подтекст. С одной стороны, он позволяет связать на макросемантическом уровне образы Китежа и Чевенгура (именно на берегу древнерусского озера Светлояр в романе располагается город); с другой - вода становится средством перехода из земного мира в небесный и за ней закрепляется семантика смерти.

Итак, в платоновском Чевенгуре, контаминирующем вышеперечисленные образы, реализуется авторская установка на демифологизацию, поскольку в романе Андрей Платонов собственноручно описывает разрушение мечты о спасительном для человечества мире - тупик на пути народа в «Град Божий».

Список литературы

1. Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета // [Электронный ресурс] URL:https://royallib.com/read/svyashchennoe_pisanie/bibliya_knigi_svyashchennogo_pisaniya_vethogo_i_novogo_zaveta.html#0 (дата обращения 17.10.2020)
2. *Платонов А.* Чевенгур // [Электронный ресурс] URL: https://librebook.me/chevengur/vol1/1 (дата обращения 17.10.2020)
3. *Сухих И.* Русский канон // [Электронный ресурс] URL: https://mir-knig.com/read_228361-1 (дата обращения 17.10.2020)

10.01.01

[1]Ю.С. Баскова канд. филол. наук, [2]М.В. Безрукавая канд. филол. наук

[1]Краснодарский государственный институт культуры,
кафедра русского и иностранных языков и литературы,
[2]Кубанский государственный университет,
кафедра истории и правового регулирования массовых коммуникаций,
Краснодар, lecca@mail.ru, sea_pearl_@mail.ru

СОВРЕМЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС И ПРОБЛЕМЫ ЕГО ИЗУЧЕНИЯ

В работе представлены результаты изучения современного литературного процесса, который сейчас вряд ли можно представить целостно силами традиционной филологической науки. В этом плане гораздо мобильнее литературная критика, ставшая в последнее десятилетие формой фиксации, анализа и даже синтеза тех художественных явлений, до которых часто не добирается университетский ученый.

Ключевые слова: *литературный процесс, современная литература, литературная критика*

Хорошо известно, что литература, говоря современными словами, в последние столетия остается приоритетным национальным проектом, формой адаптации национального духа и трансляции в другие страны и мировоззренческие системы наших основных духовных достижений. Так было и в XIX веке, когда русская художественная словесность достигла всемирных высот, так было и в прошлом веке, когда амбивалентный характер этического потенциала советского коммунизма придавал литературным исканиям особую значительность.

В первые постсоветские годы, как и в новом столетии, российской литературе приходится строить свои миры в принципиально новых условиях. Нет четкого социально-идеологического заказа, исходящего от государства. Трудно найти писателя или группу мастеров словесности, которые обладали бы авторитетом, сравнимым с той харизматической активностью, которой в свои эпохи отличались Толстой, Горький или Шолохов. Практически все, пишущие о новой литературной ситуации, подчеркивают ее кризисный характер.

«Ситуация революционно переменилась в последние десятилетия — с исчезновением предварительной цензуры (и, увы, редактуры), с появлением Интернета и такого ранее россиянам незнакомого денежного инструмента, как грант. Теперь каждый из недавних лишенцев и лишенок может издать себя хоть собранием сочинений, получить свою порцию хулы и похвалы от ко всему готовых интернет-френдов, напечататься ну пусть даже и не в “Знамени”, но в одном из журналов-новоделов, оторвать лауреатский диплом или значок на одном из бесчисленных фестивалей, конкурсов и турниров», - пишет С. Чупринин, главный редактор журнала «Знамя» и один из главных аналитиков стратегических процессов в современной словесности [3]. Ясно, что это суждение отрицательное, делающее акцент на резком снижении уровня новейшего художественного слова, на доступности издательств, на искажении практически всех перспектив в границах литературной реальности.

Но тот же С. Чупринин в одной из своих статей признает, что новые вызовы – не очевидное зло, но возможное начало для новых форм стабилизации самой литературно-художественной деятельности: «Во-первых, избавившись от цензуры (политической и, что не менее важно, эстетической и моральной), русская литература прошла искушение вседозволенностью, радикальными языковыми, тематическими, жанровыми экспериментами — и сумела вобрать их в себя, инкорпорировать в традицию. Или, по крайней мере, достичь компромисса между преданием и новизной. Авангардистские или постмодернистские

практики, столь модные в минувшем десятилетии, воспринимаются сегодня уже не как тотальная альтернатива классическому письму, но как индивидуальная манера нескольких зрелых мастеров. Во-вторых, если в советскую эпоху главным оппонентом литературы была правящая идеология, то в девяностые, когда цензура пала и "начальство", по словам Василия Розанова, "ушло", обязанности главного оппонента, врага всего живого и подлинного, охотно принял на себя рынок с его ориентацией на самые невзыскательные вкусы и самый невысокий интеллектуальный уровень массовой публики. Привычный выбор между "советским" и "несоветским" сменился на выбор между "коммерческим" и "некоммерческим" искусством, и, ошеломленные появлением новой угрозы, едва ли не все заметные русские писатели на первых порах встали по отношению к рынку в жесткую оппозицию» [3].

Нельзя сказать, что границы, отделяющие коммерческое искусство от некоммерческого, можно описать без всяких проблем. Все очевиднее новая проблема в границах современной филологии: взаимопроникновение «массового» и «элитарного» действительно состоялось, следовательно, классический (разделяющий) взгляд на пространство может быть признан устаревшим, работающим без должной эффективности. Как изучать современный литературный процесс? С одной стороны, все известные методы, присутствующие в науке о литературе, применимы и к материалам текущей словесности. С другой стороны, характер материала, его текучесть часто отталкивают исследователей, убеждая, что это одно из самых неблагодарных дел в филологии – анализировать прозу и поэзию новейшего времени. Мы внимательнейшим образом относимся к диссертациям, посвященным литературе XXI века. Нельзя сказать, что они отличаются нежеланием авторов стремиться к широкомасштабным выводам. Но центральные позиции в изучении современной литературы занимает объемное публицистическое пространство, газетно-журнальная периодика. Достаточно часто уровень аналитической деятельности здесь не уступает непосредственно научным контекстам. Более того, превосходит его. Можно сказать, что в данном случае быстрое реагирование – важный знак качества адаптации ключевых явлений современного литературного процесса.

Правда, скорость – та категория, которая многих в словесности нового времени пугает. «В отличие от расширяющейся территории — время, отпущенное книге на полке (интернет)магазина и в клиповом сознании обозревателя, подвержено сжатию. Сокращению. Книга стареет мгновенно. Теперь, по свидетельствам книгопродавцов, больше трех-четырех месяцев книга на полке не живет — ее теснят другие, новенькие. Только что из типографии. Этот процесс — расширения пространства и сжатия времени — приводит к уменьшению масштаба произведения в глазах реципиента, к электронному мельканию книги в Интернете, заменяющему ее реальное существование. К падению стоимости. Цена жизни книги падает», - пишет Н. Иванова [1].

Здесь приходится признать, что силами традиционной филологической науки вряд ли есть шанс целостно охватывать современность. Литературная критика мобильнее. Мы считаем, что в последнее десятилетие именно она стала формой фиксации, анализа и даже синтеза тех художественных явлений, до которых часто не добирается университетский ученый.

Обратим внимание на работы, посвященные системному восприятию современной критики как определенной герменевтической задачи. Активно размышляет об этой проблеме Ю. Щербинина: «В отсутствие подлинного диалога экспертиза как особая процедура и особая технология все заметнее уклоняется от своих исходных задач — диагностики, идентификации, прогнозирования, поиска оптимальных решений в ситуациях, требующих специальных знаний и компетенций. «Филологическая» критика подменяет экспертизу *интерпретацией* — истолкованием произведения, трактовкой смыслов. Глянцевая критика подменяет экспертизу *рекомендацией* — достойной книги, талантливого автора, нового жанра и т.д. Критика ругательная подменяет экспертизу *обличением* — «графомании», «заказухи», «политкорректности», всего, чего угодно. Разумеется, такое деление критики очень условно, но если соотнести его с конкретными лицами и реальными высказываниями — многое становится очевидным…» [5].

Ю. Щербинина считает главной задачей «отказ от словесного экстремизма» и обстоятельно указывает на основные недостатки современного литературно-критического дискурса: искажение объемов, сведение сложного к простому, эгоцентризм субъекта анализа, торжество фамильярности, деградация рецензии в нотацию. Хорошо, что Ю. Щербинина не ограничивается суммированием проблемных блоков и стремится определить основную задачу (помимо «отказа от словесного экстремизма»). По ее мнению, нужна «апологетическая критика» - «занимающаяся рациональным обоснованием достоинств и недостатков произведений и литературного процесса в целом» [5].

И. Шайтанов указывает на то, что в прошлом критика покоилась на трех китах: «публицистичности, филологичности, информативности» [4]. Они находились в равновесии. Если Ю. Щербинина останавливается на процессе роста субъективности и определенной агрессивности критика, то И. Шайтанов замечает другую тенденцию – стремление авторов к наукообразию, к дискурсивности и интертекстуальности: «Критика (какая-то часть ее) усвоила филологический сленг. Она стала дискурсивной, интертекстуальной и прочая, и прочая. Критический филологизм чреват нечитабельностью собственного текста и окончательной девальвацией даже тех терминов, которые, до того как их заболтали на газетной или журнальной полосе, имели какой-то смысл» [4].

И. Шайтанов ратует за «филологическую основательность», но подчеркивает при этом: необходима «глубина знания», а не терминологически насыщенная реакция на новый художественный текст. Если Ю. Щербинина призывает критиков к «апологетике», предусматривающей наличие желания глобально оправдать произведение, увидеть его потенциал, то И. Шайтанов, как представляется нам, настаивает на культурном расширении субъекта анализа современного произведения, который не ограничивается конкретными, сиюминутными задачами реагирования, а стремится хотя бы контуром наметить контекст, в котором может состояться жизнь художественного произведения.

Е. Погорелая, молодой критик, часто взаимодействующий с тем, что называют «новым реализмом», видит проблему следующим образом: «Автор эпохи постмодерна дробит цельное на осколки; критик, напротив, проецируя каждый читаемый текст на искомую действительность, собирает мозаики целого из дробей, заметки на полях складывает в картину масштабную и, может быть, независимую от рукописи; переводит читателя в автономную область, где рожденные автором идеи, образы, смыслы начинают жить по иным законам. В смысловом поле, куда критик впускает — либо втягивает — своего автора, последний становится не субъектом, не объектом, а соучастником: автор и критик сходятся в пространстве смысла, даже если смысл оказывается у каждого свой» [2]. В этом суждении особо следует отметить креативный характер критической деятельности, возможность читателя не только вторгаться в состоявшуюся художественную реальность, но и как бы «достраивать» ее. В этом случае, отметим мы, сюжет произведения, рожденный в ходе литературно-критического осмысления, может быть шире первоначального, более инертного, докритического сюжета.

Нам близка эта позиция, так как концепция современного неомодернизма предполагает активное взаимодействие всех участников литературного процесса, объединенных задачей актуализации художественной реальности. Если критик лишь оппозиционер и ниспровергатель (частотная модель в XXI веке), то мы можем прийти к непродуктивному выводу о «конце литературы», о тщетности всех попыток повысить статус новейшего романного или поэтического слова. Стоит быть апологетом (еще раз вспомним Ю. Щербинину). В этом случае перспективы литературного процесса становятся более интересными. При этом писатель получает шанс на рассмотрение созданного им произведения как самобытного мира, заслуживающего внимания.

Список литературы

1. *Иванова Н.* Быть притчей на устах у всех. Номенклатура прозы-2011 // Знамя, 2012, № 1; http://magazines.russ.ru/znamia/2012/1/i14.html
2. *Погорелая Е.* Критика как путеводитель по сферам идей // Вопросы литературы, 2007, № 4; http://magazines.russ.ru/voplit/2007/4/po11.html
3. *Чупринин С.* Нулевые: годы компромисса // Знамя, 2009, № 2; http://magazines.russ.ru/znamia/2009/2/ch18.html
4. *Шайтанов И.* Профессия – критик // Вопросы литературы, 2007, № 4; http://magazines.russ.ru/voplit/2007/4/sh9.html
5. *Щербинина Ю.* Поиски скакуна (об экспертизе литературного творчества) // Знамя, 2014, № 12; http://magazines.russ.ru/znamia/2014/12/13sh.html

10.01.01

Л.А. Берсенева канд. филол. наук, А.В. Федорова канд. филол. наук

Вологодский государственный университет,
институт социальных и гуманитарных наук,
кафедра литературы,
кафедра русского языка, журналистики и теории коммуникации,
Вологда, bersenevala@vogu35.ru, fedorovaav@vogu35.ru

ОБРАЗ ВРЕМЕНИ В ПОВЕСТИ В.И. БЕЛОВА «ПРИВЫЧНОЕ ДЕЛО»

Статья посвящена проблеме художественного времени в повести В.И. Белова «Привычное дело». Рассматриваются особенности его представления, в том числе реальное время в биологическом и календарном аспектах, анализируется культурно-исторический контекст повести. На основании проведенного исследования сделан вывод о значимости природного и народного календаря в идейной структуре произведения.

Ключевые слова: *художественное время, В.И. Белов, «Привычное дело», народный календарь.*

Время – одна из основополагающих категорий любого художественного произведения. Способом выявления специфики художественного времени, как правило, является его соотнесение с реальностью. Этот прием особенно актуален при исследовании тех произведений, где писатель конструирует образ времени, распознаваемый читателем как имеющий прямую связь с действительностью, в которой осознает себя не только герой, но и сам и читатель [3; 4; 6; 9]. Такая модель времени характерна для реалистической литературы, в которой время, как правило, сохраняет свои метрические (количественные) и топологические (качественные) свойства.

При описании художественного времени в филологии используются следующие понятия: циклическое и линейное [9]; бытовое (повседневное) и исключительное (надбытовое); уподобленное реальному (объективному, физическому) и ирреальное (сказочное, мифологическое, фантастическое) [8]; абсолютное и относительное; календарное, событийное, перцептивное [5]; сюжетное и фабульное, соотносимое с точкой зрения повествователя и персонажей [7].

Достаточно часто категория времени прямо или опосредованно используется уже в заглавии литературного произведения, определяя ее значимость во всей идейной структуре текста. Среди современников В.И. Белова такая поэтика заглавий характерна для В. Шукшина («Далекие зимние вечера», «Из детских лет Ивана Попова» и др.), Ф. Абрамова («Всего один день», «Доживая век» и др.), В. Распутина («От солнца до солнца», «Эти белые ночи» и др.), Ю. Казакова («Двое в декабре», «Тихое утро» и др.).

Обращение к особенностям представления времени в повести «Привычное дело» не случайно, поскольку в ней, как и в других произведениях писателя – время это не просто ось, а основа для наблюдения над календарным циклом жизни крестьянства, изменениями, которые происходят в определенные временные отрезки, в моменты исторических потрясений. Достаточно вспомнить трилогию В.И. Белова о судьбах русского крестьянства, названия частей которой хронологически акцентированы: «Кануны» (1978 г.), «Год великого перелома» (1994 г.), «Час шестый» (1998 г.).

При выявлении специфики временной организации повести «Привычное дело», на наш взгляд, наиболее продуктивными являются следующие параметры его оценивания: с точки зрения реального (физического, биологического, календарного времени) и концептуального (культурно-исторического).

Время организует композицию повести: не случайно в названиях структурных частей используются слова, обозначающие длительные периоды времени (*Рогулина жизнь*); суточные отрезки времени (*Утро Ивана Африкановича*); временные промежутки, связанные

с событием, деятельностью (*И пришел сенокос*); промежутки времени, исчисляемые от любой точки отсчета (*Три часа сроку*) или от какой-либо даты (*Сорочины*); определяющие хронологическую последовательность событий с выделенной кульминацией (*Что было дальше, Последний прокос*). Временная маркировка заглавий выполняет не только сюжетообразующую функцию – акцент делается на наиболее значимых для персонажей отрезках времени, хронологии событий, что позволяет автору представить особенности восприятия мира деревенскими жителями.

Категория времени может быть рассмотрена и в контексте концепта «привычное дело», ставшего названием всей повести.

Наиболее выражена семантика привычного для крестьянина природного календаря, где каждое время года имеет особую сюжетную нагрузку: завязка приходится на весну (рождение Ванюшки), две кульминации – на лето (отъезд Ивана Африкановича и смерть Катерины), развязка – на начало осени (поход за осиной и «надмогильная беседа» на кладбище). Писатель представляет нам примерно одну ритмическую долю привычного сюжета человеческой жизни: действие движется от рождения к смерти. Прямые маркеры (названия времен года) природного календаря частотны: в общей сложности они встречаются в повести 64 раза на 126 страницах текста (слово *зима* – 20, *весна* -14, *лето* – 21, *осень* – 9).

При внешне линейном сюжете идейную структуру произведения определяет циклическая модель времени: писатель берет один год из жизни одной деревенской семьи, во многих обстоятельствах повторяющий годы предыдущие: рождению Ванюшки предшествует появление на свет восьми его братьев и сестер, каждый год приезжает в деревню шурин Митька, пятый год Евстолья грозится уехать к сыну, не говоря уже о том, что абсолютно повторяемым является ежегодный трудовой ритм.

Художественное время повести, опирающееся на календарный принцип, включает в себя множественные аллюзии на исторический контекст происходящих событий. Автор делает несколько важных хронометрических акцентов, помогающих достаточно точно определить историческое время, отраженное в повести.

Отправной точкой при расчете становится 1961 год, года, когда состоялся полет в космос Ю. А. Гагарина. В повести упоминаются такие лексические единицы, как «ракета» и «космонавт», вошедшие в речь в сразу после того, как первый человек побывал в космосе.

В тексте повести есть указания и на другие исторические реалии, позволяющие уточнить время действия. Например, упоминание о лидере кубинской революции Фиделе Кастро, популяризации которого способствовало широкое освещение его визита в СССР в апреле-мае1963 года. Мужики, называющие Фиделя Федором Кастровым, выделяют его из ряда мировых лидеров, поскольку проводимая им внутренняя политика близка и понятна простым людям [2, с. 51].

Во-вторых, конкретизировать время действия помогает отсылка к «кукурузной кампании», проводимой Н. С. Хрущовым. Возвращаясь из «бурлаков», Иван Африканович видит, что «самолучшее сосновское поле, засеянное кукурузой, было сплошь затянуто желтым молочником» [2, с. 95]. После отстранения Хрущева от должности Первого секретаря ЦК КПСС в октябре 1964 года «кукурузная кампания», приведшая в 1963 году к зерновому кризису, пошла на спад.

Советский календарь также представлен в повести, хотя большой роли в жизни деревни не играет. Из праздников упомянуто только 1 мая как день рождения Васьки. Можно предположить, что указание на точный день рождения персонажа, являющегося полным тезкой автора, имеет для В. И. Белова принципиальное значение. Его собственная дата рождения в точности неизвестна, 23 октября – условная дата, о чем писатель рассказывает в повести «Невозвратные годы».

Народный календарь представлен отсылками к христианским праздникам, с которыми тесно сплетена бытовая жизнь персонажей и старшего, и среднего поколения. Причем эти праздники обычно сопутствуют какому-то сильному эмоциональному переживанию персонажей.

Старик Куров вспоминает историю своей женитьбы: «Поставил я <…> тогда себе задачу - в лепешку разобьюсь, а плясать научусь к покрову» [2, с. 49]. Традиционно свадьбы в деревне играли действительно на Покрова (Покров пресвятой Богородицы – 14 октября), когда закончены работы и нет поста. С неудавшейся женитьбой Ивана Африкановича связано упоминание успения (Успение пресвятой Богородицы – 15 августа). Петров день – день измены Ивана Африкановича Катерине, результатом которой стало, в том числе, исчезновение дедовой Библии из дома Дрыновых.

Наконец, повествователь рисует портрет Ивана Африкановича, тоскующего по жене, так: «С того дня, как ее увезли в больницу, он похудел и оброс, брился всего один раз, на заговенье» [2, с. 47]. На основании народного календаря можно назвать точный год, с которым соотносится действие. Катерина попала в больницу в конце мая или в самом начале июня, во время посевной, ее возвращение через две недели приходится на середину июня. Согласно православному календарю, заговенье перед Петровым постом в 1963 г. выпадало на 9 июня, а в 1964 – на 28 июня, следовательно, с большой долей вероятности можно предположить, что события повести относятся к 1963 году. Наше предположение подтверждает и упомянутая выше историческая аллюзия: визит в СССР Фиделя Кастро в мае-апреле1963 г.

Итак, время в прозе Белова проявляется через соотнесенность событий с календарем христианских праздников. При этом заметим, что эти праздники в деревне середины 1960-х годов в силу объективных причин утратили связь с церковью, однако названия их и ритуальные действия, сопровождающие тот или иной праздник, сохранены в народном сознании.

Специфика художественного времени в «Привычном деле» В. И. Белова способствует выявлению авторской идеи: частная история героев обычна для всей крестьянской жизни, которая, несмотря на меняющиеся исторические условия, подчинена ритмам природы и соответствует вполне патриархальному календарю.

Художественное время, являясь важнейшей категорией в повести, организует композицию произведения, определяет его «художественное единство в отношении к реальной действительности» [1], тем самым обеспечивает целостное восприятие художественного мира автора, помогает понять его отношение к изображаемому миру.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ,
проект № 19-012-00348 «Энциклопедия «Привычного дела» В. И. Белова»

Список литературы

1. *Бахтин М.М.* Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике. – СПб.: Азбука, 2000. – С. 176.
2. *Белов В.И.* Собр. соч: в 7-ми томах. Т. 2. – М.: РИЦ «Классика», 2011.– 600 с.
3. *Галышева М.П.* Субъективное время в произведениях Достоевского // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. – 2009. – № 2. – С.74-83.
4. *Драчева С.О.* Темпоральная организация романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»: лингвистический аспект: Автореф. дис. канд. филол. наук.– Тюмень, 2007. – 27 с.
5. *Золотова Г.А.* Коммуникативная грамматика русского языка / Г.А. Золотова, Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю.– М., 2004. – С. 22.
6. *Морараш М.М.* Категория темпоральности и ее отражение в художественном дискурсе В.В. Набокова: на материале романов «Машенька», «Защита Лужина», «Приглашение на казнь»: Автореф. дис. канд. филол. наук. – Казань, 2009.– 28 с.
7. *Николина Н.А.* Филологический анализ текста: Учеб. пособие для студ. Высш. пед. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. –С. 125.
8. *Папина А. Ф.* Текст: его единицы и глобальные категории. – М.: УРСС, 2002. – С. 223-265.
9. *Салимова Д.А., Данилова, Ю.Ю.* Время и пространство как категория текста: теория и опыт исследования (на материале поэзии М.И. Цветаевой и З.Н. Гиппиус). – М.: Флинта: Наука, 2009. – 200 с.
10. *Яковлева Е.С.* Фрагменты русской языковой картины мира: (модели пространства, времени и восприятия). – М.: Гнозис, 1994.– С. 97.

10.01.01

[1]Ф.Ф. Гилемшин канд. филол. наук, [2]А.Г. Гилемшина канд. филол. наук

[1]Академия наук Республики Татарстан,
ФИЦ КазНЦ РАН,
[2]ФГБОУ Казанский ГМУ Минздрава России,
Казань, Fler.Gilemshin@yandex.ru

ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ В СКАЗКАХ «ТЫСЯЧА И ОДНА НОЧЬ»

В данной статье рассматриваются особенности изображения некоторых женских образов в произведении «Тысяча и одна ночь». В рассказах Шахрезады повествуется о различных типах женщин. Женские образы раскрываются по свойственным им чертам: это мудрость, ум, хитрость, преданность, воинственность, праведность, коварство и др. В сказках, наряду с попыткой создания оригинальных образов, прослеживается четкое следование стандартным клише.

Ключевые слова: *сказка, Шахрезада, «Тысяча и одна ночь», Харун ар-Рашид, Зумурруд, Далила.*

Испокон веков женские образы занимали значительное место в литературной арене. О них слагали поэмы, им посвящали произведения. Женские образы постоянно менялись, были не похожи друг на друга, т.к. каждый век создавал свои идеалы красоты. Но ими всегда восхищались.

Арабские поэты доисламского периода слагали касыды своим возлюбленным, воспевали их красоту и совершенство. И в более поздний период эта тема находит свое отражение в произведениях поэзии и прозы.

Особое место женским образам уделяется в сборнике арабских сказок «Тысяча и одна ночь». Находчивая и мужественная девушка Шахрезада, рассказывая царю Шахрияру занимательные истории, спасает свою жизнь и жизнь многих других девушек. В её рассказах присутствуют разные женщины, среди них есть и верные или наоборот, коварные жены; умные, образованные, талантливые дочери правителей, любящие сестры, находчивые наложницы, добрые джинны, жестокие и бессердечные старухи и т.д. Все они, наряду с мужчинами, вступают в борьбу с различными стихиями и обстоятельствами.

От современной литературы сказки «Тысяча и одна ночь» отличаются способами создания образов и их характеристик. Так, в соответствии с особенностью арабского средневекового художественного мышления, описательный элемент в «Тысяча и одной ночи» носит в основном устоявшийся, клишированный характер. Такой способ изображения прекрасного вытекает из средневекового представления о красоте как о чем-то постоянном, заранее известном, не нуждающемся в конкретизации [3, с. 17].

О самой Шахрезаде говорится лишь в начале и в самом конце книги «Тысяча и одна ночь». В промежутках читатель забывает о том, что повествование ведется девушкой, находящейся на грани смерти. Лишь между ночами упоминается её имя: «… и Шахрезаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи. Когда же настала ночь первая после тысячи и последняя в книге, царь ушел в гарем и вошел к своей жене Шахрезаде, дочери визиря». Но иногда эти упоминания и того короче. Таким образом, её словесная характеристика очень немногословна. В начале сказок «Тысяча и одна ночь» про нее говорится, что она читала книги летописи и жития древних царей и предания о минувших народах и она, говорят, собрала тысячу летописных книг, относящихся к древним народам, прежним царям и поэтам [4, с. 18]. О её внешности не упоминается вообще. Можно предположить, что удивление и восхищение царя при первой встрече могла вызвать её привлекательная внешность. Но не внешность, а ум и мудрость Шахрезады поражают своей

безграничностью, поскольку, чтобы рассказать такое количество историй из разных областей жизни нужно обладать довольно разносторонними знаниями. Конечно, рассказчики «Тысячи и одной ночи» не рассматривали их в качестве характеристики Шахрезады, но, все же подобные выводы можно считать уместными.

Проходит тысяча ночей. В конце книги становится ясно, что за это время Шахрезада родила троих детей. После тысяча первой ночи она попросила царя исполнить её желание – освободить её. Царь уже давно смягчил свой гнев и полюбил девушку. Он дарует ей свободу и берёт её в жёны. За этим следует свадьба и счастливая жизнь до самой смерти. Такова история Шахрезады.

Конечно, нельзя сказать, что образ Шахрезады до конца прорисован с точки зрения литературоведения, но все же при упоминании сказок «Тысяча и одна ночь» именно её имя звучит первым, это означает, что она занимает не последнее место в нише женских образов, как в арабской, так и мировой литературе.

Кроме образа главной героини, в сказках «Тысяча и одна ночь» имеется образ умной, ловкой, воинственной женщины, которая своими достоинствами затмевает своего возлюбленного, «…сама добивается для себя и для своего бездеятельного и изнеженного возлюбленного благополучия возникших по его вине злоключений» [2, с.19].

Примером такому типу женского образа может быть Зумурруд из сказки «Рассказ об Али Шаре и Зумурруд» [6, с. 148]. Именно Зумурруд всегда берет инициативу в свои руки и все улаживает. Она выбирает Али Шара среди пришедших на невольничий рынок и, так как он только что промотал свое состояние и полностью разорен, просто дает ему свои деньги, чтобы он её купил. Затем он зарабатывает им обоим на жизнь вышиванием занавесок. Но и здесь Али Шар опять наводит на них неприятности. Несмотря на её неоднократные предупреждения, он впускает в дом их врага, христианина, что влечет за собой их разлуку. После того, как Зумурруд похищена, Али Шар не находит ничего более конструктивного, чем от отчаяния впасть в истерику.

Пожалевшая его добрая пожилая женщина выясняет, где она находится и устраивает все так, чтобы он её освободил, но в главный момент он засыпает и дает опасному разбойнику её похитить. После провала он опять впадает в истерику и закрывается у себя дома. В течение года старуха ухаживает за ним и постепенно уговаривает его отправиться на поиски. И они встречаются, но лишь благодаря находчивой идее Зумурруд.

На фоне такого образа нерешительного и слабого героя создается образ девушки, которая помимо красоты обладает мужскими качествами и занимается всеми делами, знает все тонкости религии и ремесла.

К тому же она искусно управляет городом под видом юноши, и все жители любят её и уважают. И все это время она хранит в сердце любовь и верность Али Шару, для чего в начале каждого месяца устраивает бесплатные обеды для всех горожан, в надежде, что среди них может оказаться её возлюбленный. И, в конце концов, она умудряется отомстить всем своим старым врагам и вернуть себе Али Шара.

Таким образом, перед нами предстает образ женщины, которая сочетает в себе все женские и мужские достоинства. С подобной ситуацией резкого контраста между слабым и беспомощным мужчиной и воинственной, но женственной девушкой мы встречаемся и в других сказках подобного содержания.

Героиня «Сказки о Нур ад-Дине и Марияме-кушачнице» Мариам является своего рода продолжением описанного выше образа [9, с. 692].

Нур ад-Дин начинает свою историю очень «эффектно»: он напивается допьяна, избивает отца, наносит ему тяжкие увечья и, покидая отчий дом, крадет кошель, полный денег. На невольничьем рынке в Александрии девушка Мариам приходит в восхищение от его красоты и заставляет его купить себя, на что ему как раз хватает денег, украденных из дома. И приобретение Нур ад-Дина оказывается очень выгодным – девушка содержит для него дом и зарабатывает много денег, изготавливая красивые шелковые кушаки. И опять, несмотря на предупреждения девушки о возможной опасности со стороны «уродливого франка»,

Нур ад-Дин дает возможность врагам одурачить себя: когда его напаивают допьяна, он продает её. Далее мы становимся свидетелями нелепых событий. Оказывается, что Мариам – франкская (европейская) царевна, которая была похищена мусульманами и приняла ислам; теперь визирю её отца удалось найти её и увезти обратно в Европу против её воли. Далее оба героя действуют соответственно своим ролям. Мариам дважды освобождается: в первый раз все губит глупое поведение Нур ад-Дина, а во второй раз он засыпает, ожидая Мариам, и ставит под угрозу их побег, так как конокрад скрывается с их лошадьми. И ситуацию снова спасает смелая Мариам.

А когда настало время принимать бой, он просит Мариам избавить его от участия в нем, сообщая, что боится даже мышей. Девушка принимает его поведение как должное (в этом отчетливо виден замысел рассказчика – создать комичность ситуации). Мариам, в отличие от бесхарактерного Нур ад-Дина, оказалась вдобавок к своим другим достоинствам, лихим бойцом. «В какой-то мере христианским царевнам, как они изображены в «Тысяча и одной ночи», присущи черты амазонок, но эта царевна – истинная воительница» [1, с. 127]. Прикрыв лицо кожей и бородой капитана корабля противника, которого она убила, Мариам перебила всю корабельную команду, включая трех своих братьев, и отрубила голову визиру своего отца на глазах у самого халифа Харуна ар-Рашида. Смелость и решительность девушки приводит халифа в восторг. В то же время Нур ад-Дин способен поразить его лишь своей привлекательной внешностью.

Образ Марьям был задуман как замечательная героиня. Но имеется некая странность: наряду с религиозным фанатизмом нравственности практически не уделяется место. Так оба героя ужасно ведут себя со своими родителями, но это не умаляет достоинств отважной девушки и не делает её образ менее ярким.

Рассказывая о женских образах «Тысяча и одной ночи», нельзя промолчать про образы Далилы-хитрицы и её дочери Зейнаб, представленные в «Рассказе о Далиле-хитрице и Али Зейбаке Каирском» [8, с. 470]. «Далила умела устраивать хитрости, обманы и плутни, и ухитрялась выманивать большую змею из ее норы, и Иблис учился у нее хитростям» [8, с. 471]. И её дочь тоже обладала способностями матери. Муж Далилы служил у халифа, возглавлял почту, его семья разводила почтовых голубей. После смерти мужа женщины остались без средств к существованию. Однажды, они решились добиться славы, устроив хитрости. В результате одураченными остались все: жена одного из подданных халифа, купец, красильщик, вали и даже халиф. И никто не может поймать эту ловкую старушку, кроме Хасана Шумана, которому она без сопротивления сдается. И её дочь Зейнаб успевает с ловкостью расправиться с сорока охранниками и визирем, оставив их без одежды.

Подобный образ коварной женщины в качестве второстепенного персонажа часто встречается и в других сказках сборника «Тысяча и одна ночь». Также старухи очень часто оказываются умелыми сводницами (этот тип изображен мастерски); по общей идее рассказа, не раз, однако, приходится называть этих сводниц «добрыми старухами», потому что они помогают влюбленному добиться того, чего он желает» [10, с. XIII]. Подобные образы встречаются практически во всех любовных историях.

Но помимо добрых старушек, встречаются и злые разлучницы, которые своими кознями пытаются разлучить влюбленных, помешать их счастью. Например, в «Повести о царе Омаре ибн ан-Нумане и его сыне Шарр-Кане, и другом сыне Дау-аль Макане, и о случившихся с ними чудесах и диковинах» [5, с. 61], бабушка Абризы постоянно встает между влюбленными. То она рассказывает отцу девушки о Шарр-Кане, потом подговаривает убить юношу. Обычно, в итоге торжествует любовь, но и бесследно эти козни не проходят.

Также часто встречается тип женщины-мусульманки, которая на алтарь веры кладет свою жизнь. Она ведет праведный образ жизни, соблюдает все правила религии. А когда её постигают несчастья, полностью полагается на волю Аллаха, который в результате, вознаграждает её за послушание. Подобный образ мы встречаем в «Рассказе о праведной женщине» [7, с. 111], «Рассказе о женщине и ребенке» [7, с. 118], «Рассказе о женщине с отрубленными руками» [6, с. 283], и т.д.

И параллельно развивается антагонистичный этому образ развращенной женщины, которая получает удовольствие, унижая других («Рассказ о чистильщике и женщине» [6, с. 54], и т.д.), или имеет странные пристрастия («Рассказ о женщине и медведе» [6, с. 303], «Рассказ о девушке и обезьяне») [6, с. 311]. Как правило, в итоге их ждет либо страшная смерть, либо помилование и счастливая жизнь после их искреннего раскаяния.

В сказках «Тысяча и одна ночь» встречается множество женских образов, мы остановились на некоторых из них. Все они разнообразны и ярки. Но, все же прослеживается четкое следование стандартным клише, хотя иногда встречаются попытки создания непохожего образа. Все это свидетельствует о том, что эти образы создавались под влиянием различных культур и эпох, в результате которых и получились столь многочисленными и разными, несмотря на некоторые сходства.

Список литературы

1. *Герхард Миа И.* Искусство повествования: литературное исследование «Тысяча и одной ночи». Пер. с английского. Автор послесловия И.М. Фильштинский. М.: Наука, 1984.-455 с.
2. Синдбад-мореход. Избранные сказки, рассказы и повести из «Тысяча и одной ночи». Перевод с арабского М.А. Салье; Составитель вступит. статья и прим. И.М. Фильштинский. М.: Правда, 1988. – 608 с.
3. «Тысяча и одна ночь»: Избранные сказки: перевод с арабского М.А. Салье; вступит. статья и прим. И.М. Фильштинский. М.: Гос. издат. худ. лит., 1983. – 542 с.
4. «Книга тысяча и одной ночи»: перевод с арабского М.А.Салье. М.:- Терра, 1993 – т.1, 571 с.
5. «Книга тысяча и одной ночи»: перевод с арабского М.А.Салье. М.:- Терра, 1993 – т.2, 637 с.
6. «Книга тысяча и одной ночи»: перевод с арабского М.А.Салье. М.:- Терра, 1993 – т.4, 640 с.
7. «Книга тысяча и одной ночи»: перевод с арабского М.А.Салье. М.:- Терра, 1993 – т.5, 638 с.
8. «Книга тысяча и одной ночи»: перевод с арабского М.А.Салье. М.:- Терра, 1993 – т.6, 601 с.
9. «Книга тысяча и одной ночи»: перевод с арабского М.А.Салье. М.:- Терра, 1993 – т.7, 743 с.
10. *Эструпп, И.* Исследование о «1001 ночи», её составе, возникновении и развитии. Перевод с датского Т. Ланге. С вступительным историко-литературным очерком А. Крымского. Москва. 1904.- 117 с.

10.01.01

Е.П. Лынова канд. филол. наук

Кубанский государственный университет,
факультет журналистики,
кафедра издательского дела, стилистики и медиаиндустрии,
Краснодар, lin_krasnodar@mail/ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТЕМЫ ДВОЙНИЧЕСТВА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В статье рассматриваются трансформационные процессы в развитии темы двойничества в русской литературе, начиная с фольклорных образов до наиболее сложных форм, сформировавшихся под непосредственным влиянием романтических идей и представлений, видоизмененных в результате воздействия новых реалистических принципов отражения действительности.

Ключевые слова: *двойничество, фольклор, романтизм, реализм, трансформация, трагическое двоемирие, раздвоенность сознания.*

Тема двойничества в мировом литературном процессе представлена весьма обширно, начиная с древнейших времен. Можно считать, что она берет начало в мифотворчестве первобытных народов, которые сначала приписывали человеческие свойства предметам и явлениям окружающей действительности, формируя тем самым раздвоенный подход в объяснении природы. Миф являлся способом понимания и толкования действительности. Так, пример дуалистического подхода находим в мифе о Медузе Горгоне. Она страшна и опасна, но в тоже время является могучей защитницей. Этот миф, упомянутый впоследствии в «Одиссее» (XI, 634) Гомера [2], как многие другие, демонстрирует начало раздвоенности сознания людей. В сказаниях о Троянской войне можно увидеть отблеск темы двойничества, например, даже в самой причине начала войны. Широко известна гипотеза о том, что Елена представляет собой проекцию богини плодородия, почитаемую в Спарте. Ее похищение враждебными силами и стало причиной войны, а последующие многолетние злоключения освободителей, также легли в основу различных вариантов сказаний о Троянской войне. Поэтому в сказаниях о походе на Трою, образ Елены включал в себя черты ее мифологического двойника – богини растительности. Гомер, следуя мифологической традиции, некоторых своих героев наделяет чертами их известных по фольклорному творчеству двойников. Например, «оскорбителя царей» Ферсита, имя которого напоминает слово «наглец», наделяет чертами фольклорного персонажа шута-уродца, которого во время праздников плодородия избивали, прогоняли или сбрасывали со скалы для «очищения» общины.

В литературе нового времени тема двойничества получает наиболее активное развитие на рубеже XVIII-XIX веков, когда начинают развиваться литературные направления, вызванные к жизни просветительской философией, связанной с размышлениями о вечных проблемах бытия. В эпоху Просвещения появляется «Жак фаталист и его хозяин» (1773 г.) Дени Дидро. Эпоха романтизма дает еще больше произведений, использующих тему двойничества для демонстрации авторами их безудержной фантазии и показа трагического двоемирия. Здесь можно назвать и «Разбойников» Шиллера, и «Фауста» Гете, и конечно «Житейские воззрения кота Мурра» Гофмана. Мысли, высказанные авторами этих произведений, были восприняты и русской литературой.

Однако мотив раздвоенности личности появляется еще в русском фольклоре, затем в литературе Древней Руси XVII века, а именно в бытовых повестях. Начиная со 2-й половины XIV века, когда возобновляется процесс усиления связей Руси с Византией, появляется большое количество переводных произведений, русское общество усваивает многие

византийские культурные традиции. И хотя, по мнению А.С. Пушкина «долго Россия оставалась чуждою Европе. Приняв свет христианства от Византии, она не участвовала ни в политических переворотах, ни в умственной деятельности римско-католического мира. Великая Эпоха Возрождения не имела на нее никакого влияния; рыцарство не одушевило предков наших чистыми восторгами, и благодетельное потрясение, произведенное крестовыми походами, не отозвалось в краях оцепенного севера» [3]. Тем не менее, начинается интенсивный процесс осознания Русью своего места в мировом культурном пространстве. Этот процесс продолжает усиливаться в XVI, а особенно в XVII веке. Русская литература продолжает развивать многие темы, поднимаемые еще в античной культуре, в библейские времена, в древнерусских произведениях ранних периодов. Таковыми можно считать и тему свободы, и тему социального неравенства, и тему борьбы «старого» с «новым», и в какой-то мере раздвоенность в объяснении перемен, происходящих в сознании и психологии новых героев – выходцев из демократических слоев населения.

Показательными в этом отношении можно считать две бытовые повести этого периода – «Повесть о Горе-Злочастии» и «Повесть о Савве Грудцыне» [5]. В обеих повестях авторы поднимают сложный вопрос не только для своего времени, но актуальный и по сей день: столкновения мировоззрений старшего и младшего поколений. Младшее поколение выдвигает на первый план идею свободы и независимости от «отцов», но позиция этих новых героев пока еще крайне слаба, им нечего противопоставить традициям, проверенным временем. В обеих повестях уделяется внимание психологическому состоянию растерявшихся в жизни молодых людей, оставшихся без родительской опеки. Этим героям выпало жить на стыке двух эпох, когда происходит изменение мировоззрения, перераспределение сил, что всегда влечет за собой психологический слом и раздвоенность сознания, желание объяснить некоторые действия и поступки героев либо вмешательством высших сил, либо с помощью мотивов сновидения. Однако авторы рассматриваемых повестей проповедуют интересную мысль о том, что сам человек – источник своего грехопадения, и демонстрируют ее с помощью образов-двойников. Именно такую внутреннюю душевную раздвоенность мы наблюдаем у героя «Повести о Горе-Злочастии». Молодец внутренне не готов к серьезным переменам в жизненном укладе, хотя все в нем выдает безудержную жажду этих перемен, на основании чего и возникают крайне противоречивые поступки, появляется неуверенность в делах, диктуемая якобы Горем-Злочастием – по сути двойником Молодца - образом, пришедшем в древнерусскую литературу еще из фольклора.

Эта же тема раскрывается и в другой бытовой «Повести о Савве Грудцыне», где автор «греховные» поступки и действия своего героя трактует с помощью демонологических мотивов. Однако и в этой повести, герой показан чрезмерно честолюбивым и непокорным, а значит источник преступлений – в нем самом. Образ беса в этой повести, также, как и образ Горя-Злочастия в предыдущей, можно считать воплощением судьбы героя, его внутренней раздвоенности и смятения. С помощью образов таких двойников авторам удалось запечатлеть типические образы, проблемы своей эпохи, раздвоенность сознания человека.

В новой русской литературе тема двойничества находит свое развитие и распространение уже в произведениях, по большей части, реалистических. Использование этой темы в реализме позволило авторам расширить круг возможностей для показа глубины социально-философских проблем современности, выявить слабые места типических героев, указать на возможные пути сопротивления человека типическим обстоятельствам, произвести погружение во внутренний мир героя. К изучению данного вопроса прибегали многие видные литературоведы: М.М. Бахтин, С.З. Агранович, Е.М. Мелетинский, О.М. Фрейденберг. Несмотря на изученность, тема по-прежнему вызывает интерес и необходимость дальнейшего изучения. По словам С.З Агранович «это явление нуждается в детальном изучении в плане генезиса, функций и художественной роли на разных этапах развития словесного искусства». [1]

Трансформационные процессы в теме двойничества продолжают происходить в русской литературе нового времени, их можно проследить на примерах довольно простых пар двойников в начале XIX века, к наиболее сложным формам, возникших под непосредственным влиянием романтических идей и представлений, видоизмененных в результате воздействия новых реалистических принципов отражения действительности. От пародирования с помощью двойников в комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума», как предпосылки скорому развитию реализма, через антагонизм героев у А.С. Пушкина в «Евгении Онегине», сходство близнецов у Н.В. Гоголя в «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», к произведениям Ф.М. Достоевского, где герой-двойник зачастую является продолжением личности главного героя.

Так, Репетилова можно считать двойником Чацкого, но этот образ - не что иное как пародия, поскольку герой во всем пытается повторить Чацкого, а выходит карикатура. С помощью этого персонажа Грибоедов хотел показать, насколько Чацкий «сильнее и глубже прочих лиц» [4] комедии, серьезнее и выше мелочных интересов и лицемерных взглядов фамусовского общества.

Пародийным двойником Печорина принято считать и Грушницкого из романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», который, по словам С.П. Шевырева «передразнивает и превращает в пустую маску» ту «живую существенность», что есть в Печорине. [4]. Тщеславие, духовная пустота, отсутствие чести, подражательство Печорину в разочаровании жизнью – те черты, которые выдают в нем и пародию на главного героя, и делают антагонистом. В этом произведении можно усмотреть еще одного двойника главного героя, которого можно считать некой его проекцией. Он заключен в персонаже доктора Вернера. Это скептик, увлекающийся материалистической философией, казалось бы, он понимает Печорина. Но доктор Вернер, в целом умный и образованный человек, близкий по духу Печорину, обладает очень существенным недостатком, он не в состоянии взять на себя ответственность за поступок. Поэтому этот персонаж демонстрирует глубину и многогранность образа Печорина, подчеркивая его одиночество и неприятие среди людей его окружения.

Особое место в развитии темы двойничества занимают произведения Ф.М. Достоевского. Модели его образов-двойников строятся на выражении социальных противоречий времени и того психологического слома, жертвами которого стали герои на стыке двух эпох.

Мотив раздвоенности человеческого сознания в русской литературе возникает как под воздействием фольклорных традиций, так и пришедших извне. Развиваясь от простых трагических образов бытовых повестей XVII века до сложных реалистически достоверных - XIX века, тема двойничества помогала авторам высветить самые насущные вопросы и проблемы современности.

Список литературы

1. *Агранович С.З., Саморукова И.В.* Двойничество. – Самара: Издательство «Самарский университет», 2001. – 132. с.

2. *Гомер* Илиада. Одиссея/ Гомер ; Пер. с древнегреческого В.В. Вересаева. - М.: Просвещение, 1987. - 400с.

3. *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. Т.7. М.: Л., 1978

4. Русская литература в оценках, суждениях. спорах: хрестоматия литературно-критических текстов/ сост., авт. вступит. ст. и примеч. А.Б. Есин. – 7-е изд.– М.: Флинта: Наука, 2007. – 344 с.

5. Хрестоматия по древнерусской литературе / сост. М.Е. Федорова, Т.А. Сумникова. – 2-е изд., исправленное – М.: Высшая школа, 1974. – 260 с.

10.01.01

Н.И. Николаев д-р филол. наук, Т.В. Швецова канд. филол. наук

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова,
гуманитарный институт,
кафедра литературы и русского языка,
Архангельск, n.nikolaev@narfu.ru, t.shvetsova@narfu.ru

«МАРТИНГАЛ» В.Ф. ОДОЕВСКОГО В КОНТЕКСТЕ «ПЕТЕРБУРГСКОГО СБОРНИКА»

Статья посвящена анализу малоизученного произведения В.Ф. Одоевского «Мартингал» (1846) в контексте историко-литературных процессов 40-х годов XIX века. Это произведение отражает в своих установках общие тенденции, характеризующие в целом «Петербургский сборник», в котором оно было опубликовано, а также тенденции, определяющие вектор движения русской литературы эпохи. В основе этого процесса лежит глобальное изменение художественной картины мира.

Ключевые слова: *литературный альманах, «Петербургский сборник», В.Ф. Одоевский, литературный герой, поступок, картина мира.*

«Петербургский сборник», как не странно, представляет собой одно из наименее изученных явлений в русской литературе XIX века. С момента своей первой публикации в 1846 году он никогда не переиздавался как целое явление и на сегодняшний день представляет собой библиографическую редкость. Но именно в «Петербургском сборнике» заявили о себе Ф.М. Достоевский, И.С. Тургенев, А.И. Герцен, на тот момент еще мало известные русскому читателю. Имя В.Ф. Одоевского, о котором пойдет речь в этой статье, было уже достаточно широко известно.

Принято считать, что «Петербургский сборник» является простым продолжением предшествующего ему некрасовского альманаха («Физиология Петербурга»), отстаивая те же художественные принципы формирующейся в русской литературе «натуральной школы». Отчасти это утверждение следует признать справедливым, но лишь отчасти… Сборники отличаются не только составом создающего их авторского коллектива, но и творческой установкой.

В первом издании очевидно стремление литераторов заглянуть в такие сферы социальной жизни, в которые до них еще никто из русских писателей не заглядывал. «Петербургские углы» Н.А. Некрасова – яркое тому подтверждение. Второй сборник обнаруживает совсем иную тенденцию. Здесь уже знакомые (узнаваемые) мотивы, сюжеты, персонажи актуальной (современной) русской литературы, создаваемой, безусловно, талантливыми и популярными авторами (Н.В. Гоголь, А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов), сознательно трансформируются, обнаруживают новые смысловые оттенки.

Эта установка ощущается в литературных материалах, принадлежащих перу Ф.М. Достоевского, Н.А. Некрасова, И.С. Тургенева, А.Н. Майкова. Очевидна она и в рассказе В.Ф. Одоевского «Мартингал» («Из записок гробовщика»).

«Мартингал» – на первый взгляд, произведение ничем не примечательное. Оно не получило широкого отклика у критиков и читателей. Однако отзывы, появившиеся в 1846 году в разных изданиях, демонстрировали диаметрально противоположные суждения о рассказе: «не без удовольствия прочитаете «Мартингал», довольно занимательный рассказ об игроках» [6, с. 105], – пишет Л. Брант в «Северной пчеле»; «нельзя объяснить этой повести иначе, как шуткою над читателями, которые прочтут повесть и не найдут в ней ровно ничего» [2], – мнение К.С. Аксакова. А вот оценка В.Г. Белинского: «"Мартингал" (из записок гробовщика) кн. Одоевского исполнен интереса и по содержанию и по изложению» [3], в то же время, – по мнению критика, – фигура гробовщика придает сочинению Одоевского «неестественность» [3].

С.П. Шевырев считает, что повесть Одоевского представляет собой «странный анекдот»: «Дядя и племянник отчаянно играют в карты: они решились на самоубийство, если дядя, последний играющий с деньгами, проиграется. Но про запас заказали два гроба гробовщику. Если этот факт действительно случился, – он замечателен психологически, – и жаль, что автор не объяснил его. Игроки не застрелились, а явились шулерами на макарьевской ярмарке» [11]. И еще одно любопытное замечание С.П. Шевырева: «Эти игроки род свой ведут от Гоголевых, но куда как переродились!» [11]. Весьма показательно здесь упоминание гоголевской традиции и одновременно отклонение от нее.

Присутствие фигуры гробовщика в «Мартингале» очевидно отсылает читателя к гробовщику Адрияну Прохорову А.С. Пушкина. Легко обнаруживают себя сюжетные параллели «Гробовщика» и «Мартингала»: оба персонажа (гробовщика) сокрушаются от того, что терпят профессиональные убытки, отсутствие «покоса» не дает им возможности заработать; обоих навещают заказчики – к Адрияну Прохорову являются мертвецы, обретшие «дом» его стараниями, к гробовщику Одоевского приходят пока еще живые игроки.

«Гробовщик» А.С. Пушкина – ключевой во многих отношениях рассказ в «Повестях Белкина». «Не случайно, – пишет В.И. Тюпа, – он был написан первым и поставлен в центр общей композиции цикла» [9, с. 54]. Здесь ощущается ««гамлетовская» атмосфера вывихнутого мироздания», – утверждает Э.Б. Акимов [1, с. 108].

«Маленький человек», «низкий» герой поставлен лицом к лицу с вечными вопросами бытия. Эту смысловую доминанту закладывает автор эпиграфом к «Гробовщику» из державинской оды «Водопад» в строчке «Не зрим ли каждый день гробов, / Седин дряхлеющей вселенной…».

Намерение гробовщика созвучно стремлению Дон Жуана, который тоже пригласил к себе на ужин статую убитого им Командора. На эту ситуацию в начале XX века обратил внимание театральный критик Н.И. Черняев: «Совместное и пристальное изучение «Каменного гостя» и «Гробовщика», приводит, однако, к убеждению, что «Гробовщик» должен быть признан такою же своеобразною переработкой легенды о Дон Жуане, какою был «Граф Нулин» относительно предания о Лукреции» [10, с. 85]; в «Гробовщике» Пушкин пришел к мысли «переделать одну из самых характерных легенд средневековой Испании на московские нравы XIX века» [10, с. 88].

О том, что поступок Адрияна Прохорова подобен поступку Дона Жуана, пишет и С. Бочаров: «…к гробовщику приходят покойники (по его приглашению, сделанному еще наяву), как статуя Командора приходит по приглашению Дон Гуана <…>» [4, с. 206]. В.Э. Вацуро обозначил вопрос о целевой установке обращения к сюжету о Доне Жуане [5, с. 40],

Осуществленное желание Дона Жуана становится наказанием для него самого, появление статуи Командора на его ужине ставит точку в течении его жизни, в финале Дон Жуан проваливается в Ад. Так или иначе, аллюзия к европейскому литературному образцу эксплицирует в «Гробовщике» мотив возмездия и спасения души.

Поступок гробовщика – желание нажиться на клиентах-мертвецах – «колеблет не столько законы человеческого общежития, сколько фундаментальные основы бытия, в котором этот и тот свет связаны» [1, с. 109]. «Маленький», ничем не примечательный человек ставится А.С. Пушкиным в ситуацию, когда обостренно ощущается дыхание вечности, и актуализируются самые сложные и напряженные вопросы бытия. Это ситуация, в которой рождается поступок «больших», легендарных героев (Гамлет, Дон Жуан). Но из сопряжения откровенно маленького, будничного и великого, неординарного А.С. Пушкин и создает те новые и глубокие смысловые оттенки, которые поражают читателя в его «Гробовщике»

«Мартингал» в чем-то сознательно намекает на аналогию с ситуацией «Гробовщика» А.С. Пушкина. Во всяком случае рождает читательские ожидания выхода на важнейшие, глубинные вопросы бытия. Но при этом В.Ф. Одоевский несколько смещает акценты: главным персонажем его произведения становится не «маленький человек» типа гробовщика Прохорова. В центре внимания – история карточных игроков, персонажей скорее

маргинального плана. Название повести акцентирует внимание прежде всего на этом обстоятельстве: мартингал – это одна из самых старых систем игры, которая подразумевает начало игры небольшой ставкой, и в случае проигрыша сумма удваивается.

Два героя – дядя и племянник – приходят к гробовщику за его «изделиями», намереваясь заказать их для себя еще до смерти. К таинству смерти эти двое относятся как к чему-то будничному, заурядному; дядя составляет смету предполагаемых расходов: «Дядя подал племяннику исписанный лист бумаги, и племянник прочел с ужасом:

“Никто не виноват. Мы сами своей волею.

За вырытие двух могил столько-то.

Доктору за осмотр столько-то.

На угощенье столько-то.

Итого: 515 р. 75 к., которые при сем прилагаются”» [8].

Их гибель должна перевести повествование из плана бытового в бытийный. Однако никакого самоубийства не произойдет. Будничное останется просто будничным. Ожидаемая пушкинская художественная модель окажется сознательно не раскрытой, не реализованной.

В этом и состоит эффект неоправданных ожиданий, на котором, как представляется, и строится вся смысловая конструкция рассказа В.Ф. Одоевского. Вместо поступков героев – зияющая пустота. Вместо соприкосновения с вечными, фундаментальными основами бытия – просто быт, рутина повседневности, хитросплетения откровенных маргиналов, озабоченных личной добычей.

Глубокий в своих основаниях мир А.С. Пушкина откровенно и сознательно упрощается автором «Мартингала». И в этом видятся общие тенденции, характеризующие состояние русской литературы, литературного дискурса 40-х годов XIX века [7], кризис поступка литературного героя, который она переживает в это время [12].

Все это, на наш взгляд, свидетельствует о глобальных изменениях художественной картины мира, которые переживает русская литература в канун формирования русского классического романа как историко-литературного феномена. Рассказ В.Ф. Одоевского в своих установках очевидно укладывается в общие тенденции, которые обнаруживают себя у авторского коллектива «Петербургского сборника» – поиск новых, неожиданных ракурсов в раскрытии знакомых сюжетов, образов, мотивов.

Список литературы

1. *Акимов Э.Б.* «Гробовщик» Пушкина и «Гамлет» Шекспира // Знание. Понимание. Умение. – 2009. – № 1. – С. 107-113.
2. *Аксаков К.С.* Три критические статьи г-на Имрек. – URL: http://dugward.ru/library/aksakovy/kaksakov_imrek.html (дата обращения: 14.10.2020)
3. *Белинский В.Г.* Петербургский сборник, изданный Н. Некрасовым. – URL: http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_0090.shtml (дата обращения: 14.10.2020)
4. *Бочаров С.Г.* О художественных мирах. – М.: Советская Россия, 1985. – 296 с.
5. *Вацуро В.Э.* Записки комментатора. – СПб.: Акад. проект, 1994. – 349 с.
6. Петербургский сборник, изданный Н. Некрасовым // Северная пчела: Газета политическая и литературная. – 1846. 31 января. № 26. – С. 105.
7. *Николаев Н.И., Швецова, Т.В.* Русский литературный герой 30-40-х годов XIX века и проблема поступка // Фундаментальные исследования. – 2014. – № 3-1. – С. 201-204.
8. *Одоевский В.Ф.* Мартингал // Петербургский сборник, изданный Н. Некрасовым. – СПб.: Типография Э. Праца, 1846. – С. 375-390.
9. Поэтика русской литературы: к 70-летию Ю.В. Манна: сб. ст. – М., 2001. – С. 45-56.
10. *Черняев Н.И.* Критические статьи и заметки о Пушкине. – Харьков, 1900. – С. 81-90.
11. *Шевырев С.П.* «Петербургский сборник», изданный Н. Некрасовым. – URL: http://dugward.ru/library/shevyrev/shevyrev_pb_sborn.html (дата обращения: 14.10.2020)
12. *Nikolaev N. I., Shvetsova T. V.* “Crisis of action” of the russian literary character in literary discourse // Man In India. – 2017. Vol. 97. Issue 10. – P. 449–462.

10.01.01

С.Н. Патапенко канд. филол. наук

Вологодский государственный университет,
институт социальных и гуманитарных наук,
кафедра литературы,
Вологда, patasik@mail.ru

БИБЛЕЙСКАЯ ТЕМА В ПОВЕСТИ В.И. БЕЛОВА «ПРИВЫЧНОЕ ДЕЛО»

В статье выявляется значимость библейской темы для понимания проблематики повести В. И. Белова «Привычное дело». Присутствие этой темы рассматривается на эксплицитном и имплицитном уровнях произведения. Эксплицитно тема представлена как прямое упоминание Библии, молитвы, чей текст восходит к ветхозаветной Книге Ионы, имплицитно она обнаруживается в использовании мотива блудного сына.

Ключевые слова*: В. И. Белов, повесть «Привычное дело», библейская тема, Библия, Книга Ионы, притча о блудном сыне.*

Повесть В. И. Белова живет в литературе более полувека. За это время внимание и интерес к ней менялись. Первая публикация произведения в 1966 году вызвала широкий общественный резонанс и появление большого числа откликов, и в течение двух последующих десятилетий критики и литературоведы активно обсуждали ее проблематику, художественные особенности, выдвигали разные прочтения «Привычного дела» и образа главного персонажа, спорили о том, насколько понятие «деревенская проза» соответствует глубинной сути произведений, которые входили в круг данного явления. Это не помешало повести занять достойное место в истории отечественной литературы в качестве одного из канонических текстов «деревенской прозы», и произведение стало покрываться «хрестоматийным глянцем». Конечно, это не значит, что «Привычное дело» вовсе исчезло из поля зрения литературоведения, но внимание к нему было не столь интенсивным.

Ситуация изменилась в 2010-годы, когда в Вологде, на родине писателя, начали проводиться Всероссийские Беловские чтения, в рамках которых повесть не раз становилась объектом научных исследований. Публикации о «Привычном деле» занимают большую часть материалов, издаваемых на основе докладов этого научного мероприятия [4], на волне возросшего интереса к повести появляется монография «Привычное дело как вологодский текст» [6]. Результаты предпринятых исследовательских усилий убеждают в том, что произведение и сегодня дает богатый материал для актуализации смыслов повести как в плане поднятых в ней проблем, так и в плане поисков новых аспектов ее литературоведческого анализа. Один из таких аспектов – значимость библейского компонента в «Привычном деле» – предлагается рассмотреть в данной статье. Специального внимания, которое бы способствовало системному рассмотрению этого вопроса, в исследованиях повести не уделялось.

Библия как текст Священного Писания упоминается в «Привычном деле» несколько раз. Первое связано с драматической историей раскаяния Ивана Африкановича, центрального персонажа повести, в супружеской измене. После прощения женой он унес из дома старую Библию и выменял ее на гармонь. В повести подчеркивается, что книга очень ценилась в доме: «…давнишняя книга, еще после деда Дрынова осталась. Берегли Дрыновы эту книгу пуще коровы, пуще лошади, так и лежала на полице после деда» [3, с. 38]. Мать Ивана пыталась помешать сыну, но тот слушать ее не стал. Далее встречаем разговор о Библии при появлении Пятака, одного из деревенских мужиков, у которого Иван Африканович выменял на нее гармонь. «Пятак и сейчас читает эту Библию и всем говорит, что вот придет время, жить будет добро, а жить будет некому» [3, с. 39], – так отмечен постоянный интерес Пятака

к Книге книг. Еще раз разговор о Библии возникает в шуточном диалоге старика Курова с Дашкой Путанкой, уронившей ведро в колодец: «Дак ты делаешь-то все неладно, вот и выходит у тебя не по Библии» [3, с. 42].

Все эти примеры говорят о присутствии в сознании сельских жителей представления о Библии как о безусловной ценности. Только с разной окраской понимания: для деда Дрынова не было ничего важнее этой книги в доме, для людей старшего поколения, к которому принадлежат старик Куров и Пятак, – это точка отсчёта в оценке людских поступков, от общечеловеческих до самых бытовых. У Ивана Африкановича, выросшего в послереволюционное время, нет опыта собственного общения с этой книгой, личной потребности обращаться к ее авторитету, но при этом он тоже считает старинную Библию самой ценной вещью в доме и именно ее приносит в жертву, раскаиваясь в грехе прелюбодеяния. Иван, исполненный благодарности к жене за прощение измены, хочет обозначить новый период их семейной жизни радостным настроением праздника, для чего и приносит в дом гармонь, полученную за Библию. Пообещает Катерине, что выучится играть, да так обещания и не сдержит. Ничего предосудительного в совершенном обмене Африканович не видит. Одну ценную вещь обменял на другую. Такое отношение к Библии не становится значимой характеристикой персонажа, оно констатируется автором как вполне закономерное поведение человека, сформированного под влиянием атеистической идеологии. В. И. Белов о самом себе периода 1960-х годов скажет: «Я очень долгое время был атеистом. Причем воинственным атеистом» [2, с. 6]. Однако это не помешало автору ввести в художественный мир повести проблематику, связанную с поиском избавления от «атеистического холода» [2, с. 6].

В эпизоде супружеской неверности звучит и мотив прощения как спасительной силы для человеческих отношений, и тревожный мотив безразличия к семейной традиции и религиозному чувству старшего поколения. По инерции этого безразличия Иван Африканович оценивает и молитву тещи годы спустя. Произносит ее Евстолья в очень тяжелый момент жизни, когда умерла дочь и зять от горя пытался покончить с собой. Слышим мы молитву через восприятие главного персонажа, очнувшегося от утреннего забытья после бессонной ночи. «Речитативом, вполголоса Евстолья выводила незнакомые слова: “Возоплю в скорби моей к Господу Богу моему, и услышит меня. Из чрева адова вопль мой, услышит голос мой. Ввергнет меня в глубины сердца морского, и все реки обнимут меня. Все высоты Твои и волны Твои на меня падут…”» [3, с. 113]. Подчеркивается, что никогда раньше Дрынов этих слов не слышал и что молится Евстолья «спокойно»: «Возольется вода до души моей, бездна обымет меня последняя… Остынет глава моя в расселинах гор, сойду в землю, под вечные вереи и заклёпы, и да уйдет от тления жизнь моя к Тебе, Господи, Боже мой…» [3, с. 113]. Иван удивляется молитве, и это удивление отмечено автором дважды. Сначала, когда еще и слов толком не разобрал Дрынов, сказано: «Никогда она раньше не молилась, не слыхал, не видел Иван Африканович, изредка лишь перекрестится, а тут молилась» [3, с. 113]. Второй раз, когда молитва уже прозвучала, вновь дана оценка персонажем поведения тещи: «Худая стала Евстолья, – подумал Иван Африканович, – вон и молиться начала. Никогда не молилась» [3, с. 113]. Потребность в молитве для него не понятна, и видит он в ней лишь повод для беспокойства о состоянии Евстольи. Стоит отметить, что молится женщина, не сбиваясь, четко произнося фразы далеко не бытовой речи. Это может указывать на привычность, освоенность текста, и незнание Ивана Африкановича о молитвах тещи не является надёжным свидетельством о том, что Евстолья не делала этого раньше.

Композиционно эпизод с молитвой Евстольи предшествует в повести блужданиям Ивана Африкановича по Черной речке, где настигает героя экзистенциальное прозрение. И сам он будет взывать к небесам: «Душа ли там какая, либо еще что, но должно ведь оставаться, не может случиться, что исчезнет все, до капельки. Бог ли там или не Бог, а должно же что-то быть на той стороне…» [3, с. 120]. Соотнесение этих двух композиционных точек, связанных с обращением человека к надличностной силе, позволяет увидеть в молитве Евстольи

важный смысловой акцент повести. Текст молитвы в измененном виде восходит к ветхозаветной Книге пророка Ионы, за свое непослушание Богу проведшего три дня и три ночи в чреве кита и оттуда воззвавшего к Господу. В первых фразах, услышанных Иваном в молитве Евтольи, преобладает мотив невыносимости страданий, скорби, в последующих – вера в жизнь вечную, не исчерпывающуюся земным существованием. В таком же направлении движутся мысль и душа Ивана Африкановича на Черной речке. Если обратиться к содержанию Книги Ионы в целом, то в нем присутствует еще два важных смысловых акцента: освобождение из чрева кита, т. е. возрождение Ионы к жизни (об этом напоминает Новый Завет: Мф. 12: 39-41), и милосердное прощение Богом раскаявшегося в грехах города Неневии. Они содержательным отсветом накладываются на всю бытийную проблематику повести. Ход развития внутреннего, онтологического, сюжета повести позволил П. Басинскому сделать вывод о том, что в «Привычном деле» «отчетливо прозвучали религиозные мотивы» [1, с. 9].

Помимо прямого упоминания Библии и текстового использования одной из библейских книг, в повести прочитывается влияние сюжета о блудном сыне, который изложен в Евангелии от Луки (Лк. 15:11–32). Данный сюжет в мировой культуре приобрел архетипическое значение и оказал большое влияние на литературу. Показательно для нашей темы, что в «Словаре-указателе сюжетов и мотивов русской литературы» в перечне произведений, связанных с этой евангельской притчей, В. И. Белов упомянут как автор «Плотницких рассказов» [5, с. 21], однако и «Привычное дело» тоже может быть вписано в этот ряд. В повести евангельский мотив проявлен имплицитно и в редуцированном виде. Сама его трансформация становится показательной характеристикой содержания повести.

Притча о блудном сыне включает определенный набор событий: получение сыном отцовского наследства и уход с ним из родного дома; неправедная жизнь на чужбине и растрата наследства, бедствия и раскаяние; возвращение сына домой; прощение отцом сына; праздник в честь возвращения сына. В повести Белова имеются три события из этого перечня: уход из дома, бедствия вне родного пространства, возвращение домой. Уход из дома не является самостоятельным решением Ивана Африкановича. Оно возникает под давлением тяжелых бытовых обстоятельств и под влиянием уговоров родственника, шурина Митьки, приехавшего в отпуск в родные места. Видя бедственное материальное положение семьи Дрыновых, он настаивает на том, чтобы Иван Африканович отправился в чужие края на заработки, спас семью от нищеты.

Митька в этой истории наделен функцией искусителя, поманившего героя будущим достатком (в евангельской притче искушение основано на реальном богатстве, оказавшемся в руках сына). При этом образ шурина и сам может быть рассмотрен как вариант блудного сына, только навсегда застрявшего в блуждании. Неукорененность ни в чем и в ни в ком, бесшабашность, граничащая с безответственностью, – его главные характеристики в повести. «Весь измотался, работает по разным местам, да и бабы всё переменные…» [3, с. 34], – оценивает его родная мать. «Шурин Митька из Мурманска, брат Катерины, не больно надежная опора Евстольиной старости» [3, с. 64], – представляет персонажа автор. Весьма выразительно и само появление Митьки: «Денег у него не было ни копеечки. Все деньги просадил, пока ехал из Заполярья, не было и чемодана с гостинцами и шерстяного свитера» [3, с. 64]. Намаявшись с ним в дороге, устав от неумной и пустой энергии Митьки, Иван Африканович через три дня возвращается домой, даже не добравшись до места назначения. Этому человеку хватило небольшого срока, чтобы осознать невозможность своего существования в чужом пространстве: «Обсыпь теперь золотом — никуда больше не поеду. <…> ... три дня и ездил-то всего, а показалось, что года два дома не бывал» [3, с. 99].

Но вместо прощения и праздника Иван Дрынов сталкивается со смертью, безысходностью и обретением вечного чувства вины перед женой, которая была центром его ценностного мира. Важно отметить, что в повести ничего не говорится об отце Дрынова, а отношения Ивана Африкановича с матерью далеки от взаимопонимания. Только Катерина подарила ему «горячую любовь», понимала и прощала его. С виной и раскаянием перед умершей женой

предстоит Ивану жить дальше. Мучительным поискам из этого тупика и посвящена последняя глава повести, в которой показано, как не хочет человек смириться с вселенской «безотцовщиной».

Таким образом, библейская тема, присутствующая в повести на эксплицитном и имплицитном уровнях, углубляет онтологическую проблематику повести, акцентируя внимание на таком бытийном вопросе, как поиск духовных оснований человеческого существования.

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта
РФФИ «Энциклопедия «Привычного дела» В.И. Белова», проект № 19-012-00348

Список литературы

1. *Басинский П.В.* Почему Иван стал Африкановичем? Деревенская проза 60-70-х годов // Деревенская проза: в 2 т. – Т.1. – М., 2000. – С. 5-12.
2. *Белов В.И.* Молюсь за Россию // Наш современник. – 2002. – № 10. – С. 5-1.
3. *Белов В.И.* Привычное дело: повесть // Белов В. И. Собр. соч.: в 7 т. – Т. 2: повести и рассказы. – Москва: РИЦ Классика, 2011. – С. 7-12.
4. Беловский сборник. – Вып. 1. – Вологда: Легия, 2016. – 240 с.; Беловский сборник. – Вып. 2. – Вологда: Легия, 2016. – 260 с.; Беловский сборник. – Вып. 3. – Вологда: ВолНЦ РАН, 2017. – 424 с.; Беловский сборник. – Вып. 4. – Вологда: ВолНЦ РАН, 2018. – 432 с.; Беловский сборник: материалы Научного собрания и Регионального конкурса молодежных социально-экономических проектов по развитию сельских территорий. – Вологда: ВОУНБ,2019. – 235 с.
5. Блудный сын // Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы: Экспериментальное издание / Отв. ред. Е.К. Ромодановская. – Новосибирск: Изд-во СО РАН. – 2003. Вып. 1. – С. 20-21.
6. Повесть В.И. Белова «Привычное дело» как вологодский текст: монография / Баранов С. Ю., Воронина Т.Н., Головкина С. Х. [и др.]. – Вологда: ИП Киселев А. В., 2016. – 191 с.

10.01.01

А.Н. Тушев

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Институт международных отношений,
кафедра иностранных языков в сфере международных отношений,
Казань, andpsy@yandex.ru

ЛЕВ ТОЛСТОЙ И МЕРЕЖКОВСКИЕ: К ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

Статья посвящена истории общения Л.Н. Толстого с Д.С. Мережковским и З.Н. Гиппиус, а также мемуарным, дневниковым и эпистолярным свидетельствам об их контактах. Их встреча произошла в 1904 г. в Ясной Поляне. Гиппиус и Мережковскому было важно подчеркнуть расположение к ним Толстого. На это указывает написанная Мережковским автобиографическая заметка, а также глава из мемуарной книги Гиппиус «Живые лица» (1925).

Ключевые слова: *Дмитрий Мережковский, Зинаида Гиппиус, Лев Толстой, русская литература, русский модернизм*

Единственная встреча Д.С. Мережковского и З.Н. Гиппиус с Толстым произошла в Ясной Поляне 11-12 мая 1904 г. В письме от 18 февраля 1904 г. Гиппиус (от имени Мережковского и своего) обратилась за разрешением посетить Ясную Поляну. Толстой ответил ей 27 февраля 1904 г.: «Очень рад был вашему письму и еще более буду рад видеть вас и вашего мужа <…> Приехать советую вам со скорым, приходящим в Тулу в 6 часу вечера. Если телеграфируете, можем выслать за вами, если же нет, то на легковом извозчике» [7, с. 49].

Впечатления Толстого от общения с гостями были достаточно противоречивыми. После их отъезда он писал М.Л. Оболенской 12 мая 1904 г.: «Сейчас уехали от нас Мережковские. Этих хочу любить и не могу» [7, с. 104]. Что касается реакции Мережковских, то Маковицкий указывает на письмо Гиппиус, в котором та говорила, что «и перед приездом ее муж с любовью относился к Л.Н. и что он уехал с той же любовью, с какой приехал» [3, с. 113].

Мережковский упомянет о посещении Ясной Поляны в «Автобиографической заметке», для подготовленной С.А. Венгеровым книги «Русская литература XX века. 1890-1910»: «Толстой принял нас очень ласково. Мы ночевали у него и много беседовали о религиозных вопросах <…> На прощанье, оставшись со мной наедине, сказал, глядя мне прямо в глаза своими добрыми и немного страшными, маленькими, медвежьими, “лесными” глазками, напоминавшими дядю Ерошку:

– А мне говорили, что вы меня не любите. Очень рад, что это не так...

Я тогда уже смутно чувствовал, что в моей книге был не совсем справедлив к нему, что, несмотря на глубочайшие умственные расхождения, Толстой мне все-таки ближе, роднее Достоевского» [4, с. 176].

Упоминание в заметке этого героя повести «Казаки» возникло неслучайно. В своей книге «Л. Толстой и Достоевский» Мережковский неоднократно проводит сравнение между стихийным, природным мудрецом Ерошкой и его создателем: «<…> лицо самого Л. Толстого как будто сквозит и мелькает в лице этого исполина с детскими глазами, со старческими, могучими, трудовыми морщинами, с юношескими мышцами, с крепким смешанным запахом чихиря, водки, пороха и запекшейся крови – в лице дяди Ерошки» [5, с. 18]. Это сравнение одно из центральных для Мережковского, последовательно утверждающего в своей работе мысль о Толстом – «великом язычнике». Поэтому не вызывает удивления то, что встретившись с писателем лично, он не упустил возможность подметить в облике Толстого то, что подтверждало столь важную для его концепции идею.

В мемуарной книге Гиппиус «Живые лица» (1925) визиту в Ясную Поляну посвящена глава «Благоухание седин». Гиппиус поражается несовпадением своего представления о внешности Толстого с его настоящим обликом. Ее удивил рост Толстого: «<…> вышел небольшой худенький старичок <…> меня поразило почему-то, что он – маленький. Это – Лев Толстой? Если все бесчисленные портреты, которых мы навидались так, что они точно вросли в нас, если они – Толстой, то этот худенький старичок – не Толстой. Словом – не могу их соединить, нового живого – с неживым и привычным» [1, с. 125].

Для собеседников писателя, представлявших новые течения в искусстве, было свойственно интересоваться мнением Толстого если не о собственном творчестве, то о текущих тенденциях в культуре. Возникает и в воспоминаниях Гиппиус эпизод, касающийся разговора о современной литературе. Она пишет, что когда Толстой неодобрительно заговорил о современных поэтах и упомянул Сологуба, то Софья Андреевна «срывается с места, хватает с рояля номер иллюстрированного журнала и прочитывает вслух стихотворение Сологуба.

– А мне – нравится! – говорит она не без вызова» [1, с. 126-127].

Не могла Гиппиус и пройти мимо разговора о книге, которую Мережковский написал о Толстом. Для нее важно подчеркнуть, что писатель был знаком с этой работой, даже если и не во всем с ней соглашался. Однако прямых свидетельств своего знакомства с книгой Толстой автору мемуаров, судя по всему, не предъявил. Поэтому Гиппиус, ссылаясь на давность событий, основывает свои предположения на том оживленном тоне, с каким Толстой говорил с гостями: «чувствовалось, когда он обращался к Мережковскому, что книгу его о себе он читал. (Так оно и было: Толстой все читал, знал всю современную литературу. Даже наш религиозный журнал “Новый путь” читал!)» [1, с. 127]. «В сущности же маленький старичок говорит именно то, что говорит и пишет Л. Толстой все последние годы» [1, с. 127] – подводит итог Гиппиус.

Посещение Мережковскими писателя нашло отражение в повести Гиппиус «Suor Maria» (1904), главный герой которой едет в Ясную Поляну, чтобы увидеть Толстого. В главе под характерным названием «Учитель» описываются впечатления героя от посещения дома Толстого и от общения с ним.

Толстой был известен как решительный противник смертной казни и телесных наказаний, и поэтому неудивительно, что Гиппиус обратилась к нему с письмом от 28 февраля 1908 г., к которому приложила свою статью «Христианин и казнь» («Речь» 1909, № 54, от 23 февраля), написанную по поводу статьи В.А. Жуковского «О смертной казни». Смысл рассуждений Жуковского сводился к тому, что «смертная казнь – установленный самим Богом институт, поэтому необходимо не отменить, а преобразовать ее в таинство, во всеобщий “акт любви христианской”. Явственно противоречащее христианскому учению, это рассуждение вызвало острую критику» [2, с. 203]. В письме Гиппиус призывала Толстого не оставить этот вопиющий факт своим вниманием: «Слова русского писателя, которые я там привожу, превосходят по кощунству и статью Столыпина и все, что только я пока знаю. Лев Николаевич не уставайте писать, кричать все о том же. Вы один можете это делать» [8, с. 103]. В ответном письме от 5 марта 1909 г. Толстой благодарил Гиппиус за статью, содержание которой находил верным: «<…> хочется самому написать вам хоть несколько слов в благодарность за вашу статью и в особенности хорошее письмо.

Стараюсь, сколько умею и могу, бороться с тем злом подставления церковной лжи на место истины христианства, на которое вы указываете. Но думаю, что освобождение от лжи достигается не указанием на ложь лжи, а на полное усвоение истины, такое, при котором истина становится единственным или хотя главным руководителем жизни» [8, с. 103].

Толстому была известна статья Жуковского. В черновых материалах к трактату «Царство божие внутри вас» он резко возмущался предложенным поэтом проектом «благодетельной» смертной казни: «Не знаю лучшего примера... извращения христианства людьми, стоящими у власти, как записка сладкого, изнеженного христианского поэта Жуковского о том, как устроить смертную казнь в церкви. Как это будет трогательно» [6, с. 349]. Подобная казнь,

как считает Толстой, «была бы более развращающим действием, чем всё, что только могли придумать все дьяволы, чтобы развратить род человеческий» [6, с. 358]. В докладе, прочитанном Гиппиус 16 ноября 1910 г., на заседании Религиозно-философского общества, посвященном памяти Толстого, и напечатанном в №12 «Русской мысли» за 1910 г. под заголовком «Слова Толстого», она приведет ответ Толстого на свое письмо.

Это письмо и является, пожалуй, той точкой, где воззрения Толстого и Мережковских совпадают и не вступают в противоречия. Толстой едва ли мог сойтись с Мережковским и Гиппиус на почве философских исканий и эстетических воззрений. Слишком разными были взгляды яснополянского старца и провозвестников нового религиозного сознания на человека, религию и искусство. Но несогласие с насилием, чинимым над людьми, протест против жестокости, объединил столь различных между собой мыслителей.

Список литературы

1. *Гиппиус З.Н.* Благоухание седин // Л.Н. Толстой: pro et contra. – СПб., 2000. – С. 124-129.
2. *Гузаиров Т.* В поисках веры: о предыстории статьи В. А. Жуковского «О смертной казни» // Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia X: «Век нынешний и век минувший»: культурная рефлексия прошедшей эпохи: В 2 ч. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, Ч. 1. 2006. – С. 203-220.
3. *Маковицкий Д.П.* У Толстого. 1904-1910. Яснополянские записки // Литературное наследство. Т. 90. Кн. 1: 1904–1905. – М., 1979. – 544 с.
4. *Мережковский Д.С.* Автобиографическая заметка // Русская литература XX века. 1890—1910 / Под ред. С. А. Венгерова; Послесл., подгот. текста А. Н. Николюкина. – М.: Республика, 2004. – С. 172-176.
5. *Мережковский Д.С.* Л. Толстой и Достоевский – М.: Наука, 2000. – 588 с.
6. *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч. (юб. изд.): В 90 т. Т. 28. М.; Л: ГИХЛ, 1957. – 395 с.
7. *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч. (юб. изд.): В 90 т. Т. 75. М.; Л: ГИХЛ, 1956. – 287 с.
8. *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч. (юб. изд.): В 90 т. Т. 79. М.; Л: ГИХЛ, 1955. – 303 с.

10.01.10 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ЖУРНАЛИСТИКА

10.01.10

В.А. Гапутина, Е.А. Будник, В.В. Богуславская

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина,
филологический факультет,
кафедра русской словесности и межкультурной коммуникации,
Москва, VAGaputina@pushkin.institute, EABudnik@pushkin.institute,
VABoguslavskaya@pushkin.institute

ХЭШТЕГ НА СТРАНИЦАХ ГЛЯНЦЕВЫХ МЕДИА

Настоящая статья посвящена рассмотрению хэштега как элемента офлайн-пространства. Материалом для исследования послужили русскоязычные глянцевые журналы «Cosmopolitan», «Glamour» и «Marie Claire» и журналы-каталоги косметических и парфюмерных магазинов «Подружка» и «Л'Этуаль». Выявлено, что хэштеги в печатной периодике выполняют различные функции: маркетинговую, интегративную, директивную. Кроме того, использование хэштега становится модной языковой тенденцией в силу заложенного в него фасцинативного потенциала, способствующего аттрактивности транслируемой информации.

Ключевые слова: *массмедиа, глянцевые журналы, хэштег*.

В современном обществе хэштег – явление, получившее чрезвычайную популярность и фактически не нуждающееся в представлении. Впервые появившись в 1990-е гг. в интернет-сервисе обмена сообщениями IRC для маркировки обсуждаемых пользователями тем, хэштег моментально распространился во всех социальных сетях, а затем обосновался и в других digital-жанрах. Сегодня хэштег выходит далеко за пределы интернет-пространства, становясь неким символом эпохи и определенным мейнстримом. Он используется в печатной и телевизионной журналистике, рекламной коммуникации и политических акциях, является обязательным элементом различных мероприятий.

Повсеместное распространение хэштега обусловило повышенный интерес ученых к этому явлению [1–10]. Однако, несмотря на имеющиеся в научной литературе работы, его функционирование за пределами онлайн-пространства еще не становилось предметом детального исследования, в то время как его актуализация в офлайн-сфере нуждается в специальном описании.

В рамках настоящей статьи обратимся к рассмотрению хэштегов в печатной периодике. Материалом для исследования послужили русскоязычные журналы «Cosmopolitan», «Glamour» и «Marie Claire», а также журналы-каталоги магазинов косметики и парфюмерии «Подружка» и «Л'Этуаль».

В печатной журналистике, в частности в глянцевых журналах, хэштеги появились благодаря своей способности актуализировать трендовость товаров и услуг. Так, весьма частотным случаем использования хэштега в журналах является реклама различных продуктов. В рекламных текстах хэштеги обычно приводятся на английском языке, что объясняется его международным статусом. Например, в рекламе женской туалетной воды «Good girl» от Carolina Herrera функционирует хэштег *#GOODTOBEBEAD* («Л'Этуаль» март 2020), крема для лица от SHISEIDO - хэштег *#ALIVEwithBeauty* («Л'Этуаль» март 2020), женской туалетной воды Tiffany&Co - *#AllYouNeed* («Л'Этуаль» октябрь 2019). Использование знака решетки, латинского алфавита, комбинации шрифтов и емких, запоминающихся фраз позволяет копирайтерам официально позиционировать бренд и способствует привлечению внимания потенциального покупателя.

Помимо прямой рекламы, глянцевые журналы размещают объявления о запуске какого-либо проекта, который нужно продвинуть. Например, на корешке выпусков журнала «Cosmopolitan» за 2019 г. находим хэштег *#силавженщине*, связанный с проведением одноименной ежегодной премии. Здесь хэштег выполняет интегративную функцию, объединяя девушек и женщин, достижения которых меняют страну к лучшему в разных направлениях, а также является инструментом продвижения издания. Выпуск русскоязычного издания журнала «Marie Claire» за июль-август 2020 г. посвящен проекту *#МыПротивНасилия* в поддержку жертв, страдающих от насилия и не защищенных законом. На страницах журнала известные личности, такие как депутат Госдумы Оксана Пушкина, актриса Регина Тодоренко, журналист Эвелина Хромченко выступают на стороне жертв абьюза и призывают голосовать за принятие закона против домашнего насилия. Хэштег, послуживший откликом на существующую в обществе проблему и выражающий негативную оценку, одновременно служит и объединяющим участников проекта элементом, и призывом к принятию каких-либо действий в отношении гендерной дискриминации.

Не обходятся без знака решетки журналы, в которых регулярно проводятся какие-либо конкурсы, розыгрыши и промо-акции. Ежемесячным розыгрышем призов в рамках конкурса «Самая гламурная получает все» занимается журнал «Glamour». Для участия в конкурсе необходимо сфотографироваться со свежим номером журнала и выложить его в социальные сети, пометив хэштегом *#самаягламурная*. Очевидно, что в данном случае хэштег с обыгрыванием названия журнала служит в качестве инструмента продвижения издания и расширения количества аудитории читателей – как печатной версии, так и электронной, а также принадлежащих изданию аккаунтов в социальных сетях.

Приведенные выше примеры свидетельствуют о том, что хэштеги в прессе служат фактором, влияющим на человеческое поведение как в реальной жизни, так и в виртуальной. Каждый человек, желающий участвовать в организованном конкурсе или поддержать какую-либо акцию, непременно публикует в социальных сетях посты, маркируя их соответствующим хэштегом. Интересно, что контент социальных сообществ, выдаваемый при поиске по данным тегам, далеко не всегда имеет какое-либо отношение к запускаемым журналами конкурсам или акциям. Например, в «Instagram» поисковый запрос по тегу *#силавженщине* (1,9 тыс. публ.) обнаруживает фотографии женщин (часто-в кругу семьи, детей), утверждающих свою женскую силу, а также ювелирных украшений (например, от ювелирного бутика @goldenorchidofficial). Очевидно, что в последнем случае хэштег *#силавженщине* используется в качестве приема, привлекающего внимание потенциальных покупателей. По словам ученых, в такой смысловой разнонаправленности проявляется специфика хэштегов, создающих определенную «ментальную палитру», доминантный цвет которой будет определяться с опорой на вербальный знак, поскольку язык в этом случае будет выступать моделью познания мира [7].

Наши наблюдения позволили выявить случаи использования журналистами знака решетки в качестве фасцинативного приема. Например, в русском издании журнала «Marie Claire» за февраль 2019 г. находим журнальную статью (стр. 41), разбитую на рубрики с заголовками, представляющими собой комбинацию знака решетки со словоформой, словосочетанием или предложением, причем слова отделены друг от друга пробелом (что нехарактерно для написания хэштегов в сети): *#нескромно, #больше разных, #позволительная роскошь, #без компромисса, #call me by my name.* Журнал, рекламирующий товары сети косметических магазинов «Подружка» в России, использует оформление рубрик при помощи хэштегов, где знак решетки стоит перед каждым названием подрубрики, например *мода#детали, интервью#звезда, уход#новинки, уход #мнение, волосы# тренды*, причем многие из них представляют собой гибридные русско-английские и англо-русские композиции (*мода#lookbook, makeup#новинки, makeup#гид, beauty#ингредиент* и др.), или же полностью англоязычные наименования (*beauty#woweffect, digest#summer, nails#hype*). В приведенных примерах хэштеги не несут никакой утилитарной нагрузки, скорее всего, их использование продиктовано стремлением редакторов к креативности оформления

журнальных полос и привлечению внимания читателей или же является следствием языковой моды.

Проведенное нами исследование позволяет утверждать, что хэштеги являются значимым компонентом современных глянцевых медиа. Увеличение спроса на их использование в прессе обусловлено процессом дигитализации, а также способностью хэштегов выполнять различные функции: маркетинговую, интегративную, директивную. Кроме того, использование хэштега становится модной языковой тенденцией в силу обладания им фасцинативым потенциалом, который способствует аттрактивности образов, воспринимаемых современным медиапотребителем.

Список литературы

1. *Атягина А.П.* Твиттер как новая дискурсивная практика: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2014. С. 13.

2. *Беловодская А.А.* Об исследовательском потенциале изучения хэштега как медиадискурсивного феномена // Медиалингвистика, 2019. № 6 (1). С. 60–74.

3. *Богуславская В.В., Богуславский И.В.* Медиатекст и хэштеги: цифровая трансформация СМИ // Гуманитарный вектор. — 2017. — Т. 12, №5. — С. 51–58.

4. *Галямина Ю.Е.* Лингвистический анализ хештегов Твиттера // Современный русский язык в интернете / ред. Я. Э. Ахапкина, Е. В. Рахилина. М.: Языки славянской культуры, 2014. – С. 13–22.

5. *Гапутина В.А., Будник Е.А., Богуславская В.В.* Хэштег и заголовок: единства и противоположности // Русистика и современность: сборник статей XXII Международной научной конференции. Астраханский государственный университет. 2019. С. 282-284.

6. *Ильина И.А.* Хэштег как лингвистический феномен // Ученые записки Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики. – 2016. – № 3 (55). –С. 41-44.

7. *Лебедева С.Ф., Астахова Н.В.* Хэштэг в языке и речи: сущность проблемы // Теория языка и межкультурная коммуникация.— 2019.— № 1(32) [Электронный ресурс]. URL: http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/032–013.pdf (дата обращения 22.09.2020).

8. *Наволока Ю.С.* Хэштег-текст как новый формат текста в интернет-пространстве (на примере социальной сети "Инстаграм") / Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2018. – № 12(90). Ч. 3. – С. 568–573.

9. *Щурина Ю.В.* Коммуникативно-игровой потенциал хэштегов // Вестник Череповецкого государственного университета, 2015. №8. С. 100 –104.

10. *Budnik E., Gaputina V., Boguslavskaya V.* DYNAMIC OF HASHTAG FUNCTIONS DEVELOPMENT IN NEW MEDIA HASHTAG AS AN IDENTIFICATIONAL MARK OF DIGITAL COMMUNICATION IN SOCIAL NETWORKS // ACM International Conference Proceeding Series. Proceedings - CSIS 2019: 11th International Scientific and Theoretical Conference "Communicative strategies of Information Society". 2019. С. 1–5. https://doi.org/10.1145/3373722.3373795

10.01.10

Т.Т. Сидельникова д-р педагог. наук

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
кафедра связей с общественностью и прикладной политологии

ФОРМИРОВАНИЕ ГЕОБРЕНДИНГА В МЕДИАСРЕДЕ

В современном мире признание и инвестиции требуются не только известным личностям и организациям, производителям и международным корпорациям. На данный период рассматриваемая потребность есть и у стран, регионов и также городов. Первым и самым важным этапом продвижения является создание образа и имиджа лица, компании, территории. Таким образом является бренд, совмещающий в себе общую картину продвигаемого объекта и закрепляющий определенные ассоциации в сознании потребителя. Геобрендинг позволяет интегрировать экономические, социальные, культурные и политические аспекты управления территориями с целью создания привлекательного образа территории. Такой результат помогает донести до широкой общественности уникальность данной местности.

Ключевые слова: *Геобрендинг, СМИ, территория, брендинг.*

Геобрендинг – молодое направление стратегического развития территориального объекта, которое объединяет в себе урбанистику, политологию, маркетинг, географию и культурологию. В последние годы брендингу территорий уделяется особое внимание. Причина его актуализации заключается в том, что наряду с бурным развитием всех сфер жизни, городам и регионам все сложнее конкурировать друг с другом в борьбе за материальные, информационные и человеческие ресурсы. В такой ситуации у каждой территории появляется необходимость занять свою уникальную экономическую и культурную нишу. Работа с территориальным брендом позволяет завоевывать внешние рынки, привлекать инвесторов, туристов, новых жителей и квалифицированных мигрантов.

В отечественной литературе территориальный брендинг развит хорошо, в отличие от общего понятия брендинга. Среди отечественной литературы и научных статей в сфере брендинга представляет интерес исследователь М. Макашев, который рассматривает данное понятие [1]. Бренд, а также сам процесс создания брендинга, одним из первых в широкодоступном формате рассмотрел Филип Котлер, признанный авторитет в области маркетинга [2]. Он дал свое определение понятиям бренд и брендинг [3]. Также немаловажную роль в развитии сферы брендинга сыграли следующие зарубежные авторы: Гали Бернер, Сэм Хорн, Дэвис Данн [4,5]. Среди зарубежной литературы, не переведенной и посвященной геобрендингу, можно выделить следующих авторов: Gr. Ashworth, B. Baker [6,7].

Хотя брендинг территорий сегодня стремительно набирает популярность, организация процесса создания и поддержания бренда муниципального образования все еще остается не до конца изученной и новой для российской практики и требует дальнейшего исследования. В наиболее развитых странах, таких как США, Корея, Германия, Франция, Япония и многих других геобрендинг это давно изученная и широко применяемая форма развития территорий. В Российской Федерации такое направление лишь только начинает набирать силы. Татарстан – один из первых регионов, который взялся за создание собственного бренда. Потому новые города представляют особенный интерес для общественности. На данный момент наблюдается растущая тенденция проведения городом Казань спортивных соревнований всемирного значения и международных мероприятий, благодаря которым увеличивается посещаемость и узнаваемость города на международном уровне.

С помощью эффективного использования освещения информации и навыков маневрирования можно привлечь дополнительные доходы и новые взгляды потенциальных клиентов. В современном мире построение и поддержание территориального бренда занимает важную в роль в развитии территории. Регионы и муниципальные образования являются субъектами, которые вступают в конкурентные отношения по привлечению различных факторов производства. Возникает беспрерывная борьба за новые возможности, способствующие развитию и росту благосостояния. Это касается получения бюджетных ресурсов, поиска инвестиций, качественных трудовых ресурсов, привлечение потенциальных жителей и туристов. Бренд города выступает как визитная карточка, которую хотелось бы иметь при себе для выстраивания дальнейшего сотрудничества.

В качестве примера бренда территории может предстать город, страна, курортные места. Данный вид бренда хорошо распространяется в сфере туризма по сей день, где его использование позволяет привлекать дополнительную прибыль. Например, если спросить русского человека об отдыхе, то он вероятнее всего вспомнит о ряде стран, среди которых на первых позициях будет Турция. Или как с представлением о самом романтичном месте на земле в голове всплывает образ Парижа или Венеции. Это сформировавшийся и продуманный геобрендинг. Он способствует привлечению огромных средств как самому государству или региону, так и туристическим операторам.

В современных реалиях заметно, как страны и отдельные города проводят работу по построению качественного бренда территорий [8]. Примером некоторых стран могут послужить Мальдивы, Франция, Турция, а также быстрорастущий и развивающийся Сингапур и Объединенные Арабские Эмираты. Среди городов выделяются такие, как Париж, Москва, Токио, Нью-Йорк и даже Казань. Сегодня развеялся миф о том, что качественный бренд нужен только для галочки, поскольку он становится определенным инструмент развития местности во всех сферах. Расширяются сферы технологий для управления территориальных образований, которые направлены на развитие и создание образа в глазах людей и абсолютной привлекательности географического субъекта для туристических групп, непосредственно жителей, а также дополнительных инвестиций.

Первостепенная задача территориального брендинга состоит в том, чтобы повысить интерес и установить доверительные и взаимные отношения с целевой аудиторией, о есть группой людей, чтобы на сознательном уровне побудить каждого человека к действию. Работа нацелена на привлечение общества к взаимодействию с данной территорией, ее услугами и гостеприимством, чтобы вместе встать на путь развития и взаимного сотрудничества. Когда местность имеет свой устоявшийся и привлекательный бренд, люди проявляют большой интерес, который в свою очередь пропитан доверием. Все это в результате становится стимулом к мощному толчку по привлечению материальных, культурных и иных инвестиций.

На сегодняшний день большинство стран и мегаполисов понимает, что нельзя бездействовать, если есть желание улучшить благосостояние местности, ускорить экономический рост и раскрыть потенциал. Соответственно каждый территориальный объект стремится ворваться в мир больших возможностей и огромного выбора рекламы, информации в СМИ, маркетинговых потоков сообщений для достижения высоких целей. Чтобы выбраться напрямую к своей целевой аудитории, для которой создается сообщение и основной посыл, необходимо пробиться сквозь этот рекламный шум (клаттер). В связи с чем используется нестандартный подход в реализации планов по распространению информации о привлекательном имидже и хорошей репутации территориального объединения, такой как грамотная технология построения брендинга.

Подход к бренду зависит от тех задач, которые ставит перед собой территория для их разрешения. Соответственно, встает вопрос о выборе подходящей модели развития территориального бренда.

Одним из применяемых подходов по построению бренда территории принадлежит Саймону Анхольту [9]. Специалист в области построения бренд-имиджа предлагает концепцию конкурентной идентичности и предоставляет рейтинг государственных брендов, при этом взяв за основу свою модель шестиугольника бренда территории. Данный шестиугольник состоит из шести взаимосвязанных компонентов (туризм, экспортные бренды, люди, внешняя и внутренняя политика, культура и наследие, инвестиции и иммиграция). Измеряемые показатели способны дать информацию о состоянии территориального объекта в общем рейтинге стран и городов.

Другой взгляд на выстраивание работ при построении бренда называется Brand Essence Wheel, что в переводе более известно как «Колесо бренда» [10]. Данный подход был предложен британской компанией Bates Worldwide и широко использовался в крупных корпорациях. Колесо в составе предполагает ряд окружностей, начиная с ядра, то есть сути бренда, и последующими факторами. Первый внутренний круг включает в себя ряд критерий. Во-первых, ядро – это суть бренда. Во-вторых, личность бренда, благодаря которой приходит понимание каков данный бренд. Затем, в-третьих, ценности, то есть представления и убеждения о бренде, в которые люди верят и которым доверяют. В-четвертых, внешние предложения – это позиционирование, поддержка извне, слоган, а также поведенческие элементы и вербальная составляющая. Модель колеса способна детально описать и привести в порядок каждый фактор взаимодействия бренда и потребителя. Сегодня колесо бренда намного реже встречается в применении касательно территориального брендинга, нежели в коммерческой сфере.

Территориальный брендинг, или геобрендинг, – это сильнейший инструмент социальной и экономический политики, туристической сферы, развития и облагораживания территории, а также ее человеческого и ресурсного капитала.

Список литературы

1. *Макашев, М.О.* Бренд-менеджмент - М.: Питер, 2013. - 224 с.
2. *Котлер Ф.* Основы маркетинга // Пер. с англ.; Общ. ред. и вступ. ст. Е. М. Пеньковой. — М.:Прогресс, 2011. — 672 с.
3. *Гали, Бернер.* Brand. Рождение имени: учебное пособие - М.: Этерна, Палимпсест, 2015. - С.43-49.
4. *Хорн, Сэм.* Как выделить свой бренд из толпы - Мн.: Попурри, 2016. - 272 стр.
5. *Дэвис Ск., Данн, М.* Бренд-билдинг: создание бизнеса, раскручивающего бренд. СПб.: Питер,2005. - 320 стр.
6. *Ashworth G., Kavaratzis M.* Towards effective place brand management: Branding European cities and regions. UK: Edward Elgar, 2010. - 191-204 стр.
7. *Baker B.* Destination branding for small cities - Second Edition. USA: Creative Leap Books, 2012. - 210 стр.
8. *Динни К. и др.* Брендинг территорий. Лучшие мировые практики. - М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. – С. 36-3
9. *Anholt S.* Places: Identity, Image and Reputation. - NY: Palgrave Macmillan, 2009.– С. 21-42
10. *Синяева И.М., Земляк С.В., Синяев В.В.,* Маркетинговые коммуникации // М.: Издательско- торговая корпорация «Дашков и К», 2005 - С. 40-54

10.01.10

З.Ш. Шукурджиева

Крымский инженерно-педагогический университет,
факультет истории, искусств, крымскотатарского языка и литературы,
кафедра крымскотатарской литературы и журналистики,
Симферополь, zelfiram@rambler.ru

ГАЗЕТА «ТЕРДЖИМАН» КАК ЯВЛЕНИЕ КРЫМСКОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРЕССЫ И ЕЕ РОЛЬ В ТЮРКО-МУСУЛЬМАНСКОМ МИРЕ

В работе рассматриваются некоторые аспекты зарождения и развития этнической прессы Крыма конца XIX – начала XX вв. На примере газеты «Терджиман» («Переводчик») показывается влияние печатного слова в крымском регионе в частности, тюркском мире в целом в данный период, а также оценивается роль педагога-реформатора, просветителя, издателя, публициста Исмаила Гаспринского в его распространении.

Ключевые слова: этническая пресса, газета, *Гаспринский, тюркский мир, Крым.*

Полиэтнический состав Крыма во многом является определяющим фактором в исследованиях его прошлого и, в частности, истории возникновения и развития печати региона. Так сложилось, что Крым в силу своего географического положения находится на стыке нескольких цивилизаций, где пересекаются интересы Востока и Запада.

Этническая пресса Крыма имеет неразрывную связь с многовековой историей полуострова и имеет собственную историю возникновения и развития, связанной с именем Исмаила Гаспринского. Именно он в конце XIX – начале XX вв. в г. Бахчисарае издавал газету «Терджиман», заложившей основы национальной прессы Крыма и ставшей образцом в сфере профессиональной журналистики всего тюрко-мусульманского мира своей эпохи, медиапространство которого использовало это издание в качестве одного из основных источников получения информации.

Четыре года борьбы Гаспринского за право издавать газету на родном языке, наконец, весной 1883 года увенчались успехом. 10 апреля 1883 года в Бахчисарае вышел первый номер частной тюркоязычной газеты в границах Российской империи «Терджиман» («Переводчик»). Он был приурочен 100-летию присоединения Крыма к России. Газета выходила на 4-6 полосах на крымскотатарском языке с переводом на русский, т.е. с идентичным содержанием публикуемых материалов (отсюда название «Терджиман», что означает «переводчик»).

Исмаил Гаспринский, будучи издателем этой газеты, а также ее бессменным редактором и одним из основных авторов, играл определяющую роль в формировании информационной политики издания.

Уместным будет привести полный текст обращения редакции «Терджимана» к читателям, опубликованный в первом же номере газеты, поскольку в нем четко обозначены цели, задачи издания, расставлены приоритеты ее дальнейшей деятельности: *«**От редакции:** Приступая к изданию нашей газеты, просим читателей иметь ввиду, что русский текст соображается с оборотами тюркской речи и понятиями мусульман в отношении святости и серьезности всего печатного. Затем считаем нужным сказать, что «Переводчик» («Терджиман») будет служить по мере сил проводником трезвых, полезных сведений из культурной жизни в среду мусульман и обратно знакомить русскую с их жизнью, взглядами и нуждами. Сознавая всю важность и трудность взятой на себя задачи, редакция укрепляет себя надеждой, что среди общества найдется немало почтенных сведущих людей, кои не откажут ей в сочувствии и помощи своими трудами. Таким образом, приступая к делу во имя Аллаха, беремся за перо, чтобы служить правде и просвещению. Насколько «Переводчик» будет отвечать своей цели – тому суд впереди и судьею быть не нам».* [4]

Периодичность издания в разные годы была разной. В 1883 – 1885 гг. газета выходила один раз в неделю, с 1885 г. – два раза в неделю. В связи с материальными затруднениями и проблемами цензурирования последующие десять лет газета снова выходила один раз в неделю. Начиная с 1905 г. Гаспринский наладил выпуск «Терджимана» три раза в неделю. С 1912 г. газета стала ежедневным изданием. [2, с. 225]. Она распространялась далеко за пределами Крыма, где издавалась – во многих регионах Российской империи, на Кавказе, в Турции, Туркестане.

Постепенный рост тиража «Терджимана» свидетельствовал о популярности издания. То, что интерес к газете увеличивался из года в год, красноречиво подтверждают следующие данные: в 1883 году, в первый год издания «Терджимана», число подписчиков составляло 320 человек, в следующем году число подписчиков увеличилось до 406, а к 1913 году «Терджиман» выписывали уже около 1000 человек (из них 300 жителей Крыма, 300 подписчиков из Астрахани, Самары, Саратова, Оренбурга, Уфы, Казани, 100 – жителей Дагестана, 50 – мусульман Сибири, 200 – мусульман Средней Азии и Туркестана). [1, с.3]

Исследователь жизни и деятельности Гаспринского Ю. Б. Османов в своих трудах неоднократно подчеркивал, что главная его заслуга в том, что он сумел подготовить широкие массы к новому в их жизни – газете, а значит к систематическому получению новых знаний, просвещению. «Он сумел организовать и использовать газету как трибуну. Газета «Терджиман», как зеркало, отражала жизнь национальных окраин – их страстное стремление к знаниям, свету, стремление выбиться из отсталости экономической и культурной, стремление глубоко революционное по своей сущности» [3, с.13]

Наследие Гаспринского исследуется во всем мире и особенно активно в тюркоязычных странах. Говоря о значении «Терджимана», оценивая роль газеты в жизни общества, современные отечественные и зарубежные ученые сходятся в едином мнении о том, что газета долгие годы служила народам Востока на ниве просвещения и, словно частицы мозаики, собираясь в единое целое, отображала общую картину тенденций и явлений всего тюрко-мусульманского мира конца XIX – начала XX вв. В трудах многих ученых отмечается, что именно «Терджиманом» были заложены основы для дальнейшего развития издательского дела в тюркоязычных странах.

Так, один из наиболее авторитетных Гасприноведов ученый из Турции профессор Явуз Акпынар в трехтомном издании, посвященном жизни и творчеству Гаспринского, давая характеристику издательской и публицистической деятельности просветителя, подчеркивает, что для мусульман Российской империи «Терджиман» стал трибуной, с которой доносились их чаяния и проблемы, а для всего тюрко-мусульманского мира газета стала площадкой, где озвучивались просвещенческие идеи, которые были призваны принести улучшения в жизнь этих народов. Ученый дает такую меткую образную характеристику газете: «Терджиман» был словно глоток свежего воздуха в жизни российских мусульман. Когда изо дня в день поливаешь цветок свежей водой, каждый день, капля за каплей, вскоре он расцветает и радует всех вокруг. «Терджиман» был такой целительной водой, таким источником, благодаря которому распускались прекрасные цветы, расцвела жизнь». [5, с.27]

Таким образом, этническая пресса, призванная знакомить общество не только с национальной культурой какого-либо народа, но и с его специфическим взглядом на мир, его «картиной мира», показывает изнутри его представления о себе, о мире, учит общество уважать его «отличия», его систему ценностей и тем самым способствует взаимопониманию между народами. «Терджиман», возникший в Крыму в конце XIX века, был заметным явлением, как в системе мусульманской прессы царской России, так и всего тюркского мира, ярчайшим образцом этнической прессы своей эпохи.

Список литературы

1. *Аблаев, Э.А.* Прогрессивные педагогические идеи крымских татар второй половины XIX – начала XX веков (на материале педагогического наследия И. Гаспринского): дис. … д. пед. наук: 13.00.01. – Ташкент, 1991. – 226 с.
2. *Керимов, И.А.* Гаспринскийнинъ «джанлы» тарихи 1883-1914. – Акъмесджит: Тарпан, 1999. – 407 с.
3. *Османов, Ю.Б.* Из плена лжи: научные статьи о творчестве и деятельности Исмаила Гаспринского. – Симферополь: Доля, 2001. – 254 с.
4. Терджиман. 1883. 10 апреля. №1.
5. *İsmail Gasrpıralı, Seşilmiş Eserleri:* Fikri Eserleri: Neşre Haz. Yavuz Akpınar. İstanbul: Ötüken Yayınevi, 2015. – 422 s.

10.02.01 - ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКИЙ ЯЗЫК

10.02.01

Г.М. Боваева канд. филол. наук, Т.В. Бураева канд. филол. наук, Н.Л. Овшиева канд. филол. наук, О.В. Салынова

Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городовикова,
гуманитарный факультет,
кафедра германской филологии,
Элиста, galaelista@yandex.ru, tatyana_buraeva@mail.ru, novshieva@yandex.ru, salynova.olga@mail.ru

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НОМИНАЦИЙ ПРАЗДНИЧНОЙ ПИЩИ В КАЛМЫЦКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Данная статья посвящена исследованию номинаций праздничной пищи в свадебной (Хүрм), новогодней (Зул) и весенней (Цаһан Сар) обрядностях калмыцкого языка. Научному анализу подвергается семантический пласт рассматриваемых пищевых знаков. В результате авторами были выявлены этноспецифичные и культурномаркированные пищевые номинации, репрезентированные в гастрономическом дискурсе калмыцкоязычного этноса.

Ключевые слова: *номинация, пищевые знаки, семантические особенности, свадебная, новогодняя, весенняя обрядность, этноспецифичные.*

Актуальность темы исследования обусловлена тем фактом, что гастрономическая культура как комплекс знаковых систем семиотического пространства недостаточна изучена. Исследование номинаций праздничной пищи гастрономического дискурса в калмыцком языках в целом позволит выявить универсальные и специфические этносемиотические характеристики данных знаков.

Целью данной статьи является исследование семантических особенностей пищевых номинаций калмыцкоязычного этноса. Изучение структуры и содержания лексического пласта рассматриваемых знаков, выявление спектра этнокультурных номинаций являются основными задачами данной статьи. Научная новизна данной статьи заключается в том, что номинации праздничной пищи в новогодней, весенней и свадебной обрядностях калмыцкого языка исследуются впервые.

Исследование вопросов гастрономической картины мира, выявление в ней этноспецифических, культурно-маркированных номинаций позволяет определить важнейшие характеристики этносоциумов, их социальное и институциональное устройство, культуру, идеологию. С помощью гастрокоммуникации этносы сохраняют свое своеобразие и вербализуют свои номинации процесса приготовления и потребления пищи в языковой картине мира.

Для исследования семантических характеристик гастрономических номинаций в калмыцком языке рассмотрим научный термин названия продуктов. В словаре Н.В. Подольской названия продуктов - “прагматонимы, номены для обозначения сорта, марки, товарного знака и относятся к сфере производства и торговли, что предполагает наличие рекламной функций и связь с экстралингвистическими факторами» [4, с. 59]. Согласно мнению А.В.Олянича, *«глюттонимами* именуют собственно знаки пищи и ее компонентов» [3, с.170]. Таким образом, лингвистические знаки гастрономии в лингвистике называются прагматонимами, глюттонимами. Мы называем наименования продуктов питания знаками пищи (глюттонимами) или гастрономическими номинациями. Рассмотрим семантический анализ номинаций праздничной пищи в свадебной, новогодней, весенней обрядностях

калмыцкоязычного этноса на базе следующих источников: Б.Д. Муниева «Калмыцко-русский словарь» и Б.Х. Тодаевой «Словарь языка ойратов Синьцзяна». При проведении семантического анализа знаков пищи мы опираемся на научные труды А.В.Олянича, А.Ю.Земсковой и определяем следующие группы:

- *номинации свадебной еды:* зяңгин әрк, берин цә, әмд хөн, чансн хөөня махн, ууцин махн, тохш, келкә боорцг, цаһан идән, хотын дееж, зеенрин шиир, целвг, цаһан - улан әрк, балта-шикр, тарһн махн, чансн цуста, бөөр - зүргтә, берәчүдн хүв, тосн-үсн, нег, арвн яршг әрк, әркин то, хөөнә толһа-шиир;

- *знаки – процессивы*: худнрин хот йорәх, хүрмин хотан белдх, үй-үәр махиг эвдх, цәәһәр тосх, махар тоох, әркәр йорәл тәвх, халун хотар тоох, шөл уух, махан эвдх, боорцган шарх, хүрмин әркән хулдж авх, савднь тәвх, хөөнә толһа хуухлх, уһах, берин цәәһәр тоох, берин нер йорәх, цәәһин йорәл тәвх, хөөнә махнь бүкләр чанх, олн-зүсн хот белдх, хотыг кеерүлх, цаһан идян бәрүлх;

- *знаки – квалитативы*: йоста шимтә шөлн, улан зандн цә, җөөлн әмтәхн боорцг, тарһн махн;

- *знаки – персоналии*: ахлач, бер, эмгн, зеенр-авһнр, экин, эцкин элг-садн, күргн, җолач, тосачнр, худнр, худ-эмгн, худ-өвгн, гиичнр, хот кеҗәх әмтс, нәр-наад һарһҗах әмтс.

Актуализацию знаков свадебной обрядности у калмыков мы находим в благопожеланиях (йорялях), адресованной невесте, сварившей гостям свой первый чай в доме жениха:

«Кезәд чигн иигж цәәһән чанҗ. Салаһарнь тосн һоҗҗ. Саңнаһарнь көлсн һоҗҗ. Идх-уухнь – тосн, үсн болж.» («Во все времена, чтоб ты угощала ароматным чаем всех гостей. Пусть текут между пальцами масло, а по лбу – пот. Пусть изобилуют всегда масло, молоко») [2, с.188]

В тексте рассматриваемого благопопожелания семиотизированы знаки пищи, относящиеся к семантической группе названий продуктов питания: *цә, тосн, үсн.* Эти номинации символизируют счастливую семейную жизнь невесты. К специфическим семантическим признакам пищевых знаков данной обрядности в калмыцком языке относятся соблюдение новобрачными семейных обычаев и традиций, уважительное отношение к родителям родственников жениха и невесты, что подтверждается текстом следующего благопожелания, произносимого чаем: «Шин орҗ ирсн бер кезә чигн цәәһәр дееҗән бәрҗ, Кен ахан күндлж, бичкдүдән өкәрлж...» [6, с.79] При семантическом анализе номинаций праздничной пищи свадебной обрядности особый научный интерес представляет культурно-исторический контекст некоторых лингвистических знаков. Номинации пищи свадебной обрядности в калмыцком языке: *«зяңгин әрк, берин цә, әмд хөн, цаһан идян, арвн яршг әрк, берәчүдин хүв, цәәһин йорәл, тосулын әрк»* характеризуются этноспецифичной маркированностью. Семантические особенности указанных выше номинаций связаны с соблюдением свадебных обрядов, связанных с выкупом невесты условным количеством ящиков спиртных напитков; с приготовлением невестой утреннего чая родителям и близким родственникам жениха; с произнесением благопожеланий жениху и невесте чаем; с включением в состав свадебной делегации мальчика, несущего молочный напиток (цаһан идән); с приготовлением отдельного пакета (ящичка) снохам семьи жениха, состоящего из сладостей и спиртных напитков; с живым бараном, которого дарят родителям невесты в день свадьбы; с отваренной тушью баранины, упакованной в ящик.

Рассмотрим семантический аспект номинаций пищи новогодней обрядности «Зул» в калмыцком языке, вербализованный следующими *номинациями новогодней пищи:* - сән һуйр, цаһан тосн, үсн, йссн үсн, шар тосн, боорцг, һуйрин экн, һуйр онһц, хөөнә махн, балта-шикр, зулын ширә, зулын дееж, тохш, целвг, шар тосн, насна онһц, цаһан өвсн;

-*знаками – процессивами*: цәәһәр насан йөрәлхк, хотар дееж бәрх, целвг, боорцг, балта-шикр деежд орулх, шар тосар зулд герл өгх

-*знаками – квалитативами: шимтә махн, сәәхн целвг, эвтәхн боорцг, цаһан тосн, шар тосн, зөвтән болсн махн.*

Номинации пищи новогодней обрядности /Зул в калмыцком языке часто вербализуются в текстах благопожеланий:

«Авчах наснь өлзәтә болҗ, эзнь бат кишгтә болҗ.

Зулд бәрснь хотын деежнь: цә, целвг, тосн

Нерәдсн бурхдудтан күрттхә!» [1, с. 59]

Знаки пищи: *цә, целвг, тосн* символизируют долгую счастливую жизнь. Следующим семантическим аспектом номинаций праздничной пищи *являются* знаки весенней обрядности «Цаһан Сар», вербализованные в гастрономической картине мира калмыцкоязычного этноса такими лингвистическими знаками, как: *-хуц, кит, жола, мошкмр, шор-белг, шовун, темән, хорха боорцг, эркә боорцг, целвг, цаһан идән;*

- знаками – процессивами: һуйрәс онһц кех, боорцг шарх, целвг кех, цәәһән өрмәр үслх, зулд дееж бәрх, цөгцдән шар тос кех, насан цәәһәр йорәх, балта-шикрән хулдж авх, зулын ширә кеерүлх, зулын хотар тоох, улан зандн цәәһән уух;

- *знаками – персоналиями*: ээж - аавнр, ачнр - зеенр, элгн - садн, хотан эвддг күн;

- знаками – квалитативами: цаһана хот, белгин келкә боорцг, зеенрин шиир, зөвтнь болһсн хөөнә толһа.

При семиотическом анализе номинаций пищи обрядностей «Цаган Сар» нами выявлены 13 названий кондитерского изделия (боорцг), имеющие иконические и символические элементы:«темән»–боорцг в форме верблюда, символизирующее увеличение приплода скота;«жола» - боорцг в форме поводья лошади;«шовун» - в форме птицы, символизирующей приход весны;«целвг» - в форме солнца;«хуц» - в форме барана; «мошкмр» - в форме закрученной тонкой кишки овцы; «өвртә мал» - символизирует прирост КРС; «хорха боорцг»- символизирует большое количество детей, скота; «шор белг» - в форме штыка, символизирует готовность защиты от врага; «тоһш» - в форме загона для скота; «һалуна баасн» - гусиный помет в форме закрученной спирали; «эркә боорцг» - символизирует много родственников. Все перечисленные выше номинации имеют этносемиотическую специфику.

Номинации праздничной пищи в новогодней (Зул) и весенней (Цаһан Сар) обрядностях в калмыцком языке характеризуются семантическими признаками, выражающими радость наступления Нового года и Весны, веру людей в лучшее. Но, в калмыцкой лингвокультуре, в отличие от других лингвокультур, проведение «Зул» связано с празднованием калмыками единого дня рождения, о чем свидетельствуют номинации новогодней обрядности: *һуйр онһц, насна то, өвсиг көвңгәр орах, шар тосар зулд герл өгх, шар тос онһцд кех, цацл цацх.* Семантика употребления знаков пищи новогодней обрядности («Зул») в калмыцком языке характеризуется специфическими признаками, что выражается в пожеланиях крепкого здоровья, долгих лет жизни и находит отражение в йорәлях (благопожеланиях):

«Орҗах җилнь цаһан хаалһта болҗ,

Цуг нерәджәх хотын деежҗ: улан зандн цә, целвг, боорцгнь

Олн деед бурхдудт күртж, ут нас, бат кишг заятха!» [6, с.79]

Таким образом, в данной статье нами проведено исследование семантических особенностей номинаций праздничной пищи калмыцкоязычного этноса. Впервые были рассмотрены авторами структура и содержание лексического пласта гастрономических номинаций в в свадебной (Хүрм), новогодней (Зул) и весенней (Цаһан Сар) обрядностях калмыцкого языка и выявлены этноспецифические и культурно-маркированные номинации праздничной пищи: *зяңгин әрк, берин цә, әмд хөн, цаһан идян, арвн яршг әрк, берәчүдин хүв, цәәһин йорәл, тосулын әрк, һуйр онһц, хөөнә махн, балта-шикр, зулын ширә, зулын дееж, целвг, хуц, кит, жола, мошкмр, шор-белг, шовун, темән, хорха боорцг, эркә боорцг, целвг, цаһан идән.*

Результаты исследования семантических особенностей пищевых номинаций калмыцкоязычного этноса имеют важное значение для определения основных характеристик этносоциумов, их социального и институционального устройства, культуры, идеологии.

Список литературы

1. *Борджанова Т.Г.* Обрядовая поэзия калмыков. - Элиста: Калм. кн. изд-во, 2012 – 592с.
2. *Муниев Б.Д.* Калмыцко-русский словарь. [Электронный ресурс] - Режим доступа: http://bookre.org/reader?file=670334/ (дата обращения: 10.10. 20)
3. *Олянич, А.В.* Гастрономический дискурс в системе массовой коммуникации (семантико-семиотические характеристики). М.: Азбуковник, 2003. - С. 167-201.
4. *Подольская Н.В*. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1978. -- 198с.
5. *Тодаева Б.Х*. Словарь языка ойратов Синьцзяна. - Элиста, 2001.- 412с.
6. *Хабунова Е.Э.* Калмыцкая свадебная обрядовая поэзия. - Элиста: Калм. кн. изд-во, 1998. - 223с.

10.02.01

М.В. Сунцова

Калужский государственный университет,
филологический факультет,
кафедра русского языка как иностранного,
Калуга, suntsova.mari@inbox.ru

КОННОТАЦИЯ И ЕЕ СТРУКТУРА В ТЕКСТЕ

В данной статье приводится исследование коннотации. Дается определение термина «коннотация», описываются структурные элементы коннотативного значения слова, так как несмотря на большое количество работ по данной теме эти вопросы до сих пор остаются открытыми.

Ключевые слова*: термин коннотация, структурные элементы, лингвистика.*

Предлагается использовать термин «коннотация» как объединяющий для целого круга явлений. Под коннотацией понимается любое добавочное значение в слове, дополняющее его предметно-понятийное и грамматическое содержание.

Коннотация имеет достаточно четкую структуру: она состоит из элементов, при этом ее компоненты тесно между собой связаны. Чаще всего компоненты коннотации перекрещиваются, как бы наслаиваются друг на друга [3].

Коннотация (ср.-лат.connotatio, от connoto - имею дополнительное значение) - эмоциональная, оценочная или стилистическая окраска языковой единицы узуального (закреплённого в системе языка) или окказионального характера. В широком смысле это любой компонент, который дополняет предметно-понятийное (или денотативное), а также грамматическое содержание языковой единицы и придаёт ей экспрессивную функцию на основе сведений, соотносимых с эмпирическим, культурно-историческим, мировоззренческим знанием говорящих на данном языке, с эмоциональным или ценностным отношением говорящего к обозначаемому или со стилистическими регистрами, характеризующими условия речи, сферу языковой деятельности, социальные отношения участников речи, её форму и т.п. В узком смысле это компонент значения, смысла языковой единицы, выступающей во вторичной для неё функции наименования, который дополняет при употреблении в речи её объективное значение ассоциативно-образным представлением об обозначаемой реалии на основе осознания внутренней формы наименования, т.е. признаков, соотносимых с буквальным смыслом тропа или фигуры речи, мотивировавших переосмысление данного выражения.

Субъективная речевая природа коннотации противопоставлена объективному содержанию языковых единиц, ориентированному на когнитивную (познавательную, гносеологическую) функцию языка.

Субъективность коннотации проявляется в возможности противоположной интерпретации реалии, названной одним и тем же словом, например «волосёнки» - ласкательная или пренебрежительная коннотация связана со всеми эмотивно-прагматическими аспектами текста, создающими его экспрессивную окраску. Все языковые сущности, содержащие коннотации,- своего рода прагматические «полуфабрикаты», которые при реализации в высказывании придают ему субъективную модальность. Коннотация способна также выполнять текстообразующую функцию путём оживления образа (внутренней формы) и использования его как средства поверхностно-синтаксического согласования элементов текста или путём обыгрывания стилистического регистра [5].

В структуре коннотации ассоциативно-образный компонент выступает как основание оценочной квалификации и стилистической маркированности, связывая денотативное и коннотативное содержание языковой единицы. Последнее придаёт «суммарную» экспрессивную окраску всему выражению, в котором может доминировать: образное или звукосимволическое представление («губошлёп», «кровавая заря»); оценочная квалификация - эмоциональная («солнышко»), качественная («бурда»), количественная («носище»); какой-либо из стилистических регистров (официальное или торжественное «воздвигать», просторечное «валандаться»). Узуальная коннотация оформляется суффиксами субъективной оценки, осознаваемой внутренней формой, звукоподражаниями, аллитерацией, экспрессивно окрашенными словами и фразеологизмами. Однако для коннотации характерна нелокализованность, разлитость по всему тексту, создающая эффект подтекста. Коннотации - языковая универсалия, формы проявления которой зависят от специфики значимых единиц того или иного языка и от правил их комбинаторики и организации текста.

Существуют многочисленные определения коннотации как на основе семантических свойств («созначение», «добавочное значение» и т.д.), так и с учётом системных свойств языкового выражения, проявляющихся в синонимии, антонимии, в принадлежности к определённым формам существования языка (литературной, диалектной и т.п.), или с учётом звуковой оболочки выражения [1].

Значение слова, зачастую, соотносится с определённым понятием. Но оно далеко не всегда этим понятием ограничивается. Кроме предметно-понятийного (денотативного) компонента значения, у слова иногда есть еще добавочное коннотативное значение — экспрессивное, оценочное, образное, выражающее отношение говорящего к предмету речи. Например, у слов украсть и стащить, разговаривать и болтать, потратить и растранжирить одно и то же понятийное значение, но первые слова нейтральны, а вторые содержат в себе экспрессивный оттенок: в слове стащить реализуется негативная оценка этого действия говорящим, в слове болтать - оттенок интенсивности (болтают обычно много и долго) и иногда также негативная оценка, например, в словосочетании проболтать весь урок, в слове растранжирить — и интенсивность, и негативная оценка [7].

Коннотация дополняет «объективное» значение слова ассоциативно-образным представлением об обозначаемой реалии на основе осознания внутренней формы наименования, то есть признаков, соотносимых с буквальным смыслом тропа или фигуры речи. В этом случае говорят об образной коннотации, например, медведь - о человеке, носить камень за пазухой, дутый — об авторитете, иногда она подкрепляется ассоциативно-звуковым восприятием: драндулет, тары-бары-растабары и т. д.

Слова, содержащие в своем значении такой эмоционально-оценочный элемент, так и называют эмоционально-оценочными, например: задачка, схалтурить, разгильдяй, дождичек, беленький, неимоверно и т. д. Слова с эмоциональной окраской могут включать разнообразные оттенки: иронический, неодобрительный, презрительный, ласкательный, торжественно-приподнятый и др. Эта окраска, как правило, устойчива, поскольку возникает в результате того, что само значение слова содержит элемент оценки: название предмета или явления, действия, признака осложняется оценочностью, отношением говорящего к называемому явлению.

Этот оценочный, коннотативный компонент в значении слова превалирует над рациональным, денотативным. Такие слова, в которых коннотация выражена не меньше, чем денотат, а то и больше, называют коннотативной лексикой. Например, слова бесподобный, отвратительный выражают именно оценку явления (первое слово — положительную, а второе — отрицательную) в высокой степени. Оценочными могут оказаться слова в переносном значении. Очень регулярно употребляются по отношению к человеку зоонимы, то есть названия животных: лиса, баран, осёл, козёл, медведь, ворона, орёл [9].

Оценочность часто выражается при помощи суффиксов: бабуля, солнышко, цветочек и т. д.

Эмоционально-оценочная лексика делится на два больших разряда:

1. слова с положительной характеристикой;
2. слова с отрицательной (негативной) характеристикой [8].

Эмоционально-оценочная лексика употребляется в художественной и разговорной речи для создания эмоциональности, в публицистическом стиле — для выражения страстности. В стилистике эмоционально-оценочные слова отражают эмоционально выраженную прагматику языка, то есть отношение говорящего к действительности, содержанию или адресату сообщения. Выделяются три группы эмоционально-оценочных слов:

1. в самом значении слова заключен элемент оценки (восславить, дерзание);
2. оценка заключена в переносном значении слова (о человеке: орел, кипятиться);
3. субъективную оценку выражают суффиксы (бабулечка, человечек).

В толковом словаре толкование эмоционально-оценочных слов сопровождается стилистическими пометами: вежливое, вульгарное, грубое, ироническое, ласкательное, неодобрительное, шутливое и др.

Коннотация стала объектом систематического анализа в «коннотативной семиологии» Л. Ельмслева. Р. Барт, развивая исследования коннотации, указывает на следующие её характеристики: коннотативные значения способны надстраиваться как над языковыми денотативными значениями, так и над невербальными знаками, над утилитарными назначениями материальных предметов; коннотативные значения латентны, относительны и подвижны. Наиболее важной характеристикой коннотативного значения Р. Барт считает его идеологическую нагруженность, его способность в качестве формы идеологического воздействия замещать «основное» значение слова [2].

Таким образом, источниками коннотации становится фольклор, исторические и культурные события, литература, СМИ. Примером исторических истоков дополнительного оценочного суждения является слово «Суворов», которое кроме собственного имени несет значение «отличный стратег». Также можно вспомнить слово «швед», для русской культуры оно прочно связано с битвой под Полтавой во время Семилетней войны.

Коннотация чаще всего образуется из признаков, характерных для прямого значения слова, денотата. Например, признаки для слова «заяц» — ушастый, серый, быстрый, трусливый. Две последние характеристики стали источниками для создания дополнительного оценочного значения.

Коннотация характерна и невербальным средствам общения, например, знакам, показанным руками: кулак с поднятым верх большим пальцем, означает «отлично, молодец» [4].

Некоторые ученые считают, что коннотация придает языку культурную принадлежность, связывает его с народом. Это ярко проявляется в разных видах искусства. Например, в живописи выделяют образы-символы, которые выражают глубинный смысл картины, позволяют раскрыть авторский замысел.

С развитием человечества, интернета культурные коннотации приобретают общечеловеческое значение в современном искусстве. Они становятся одинаково понятными для представителей разных народов.

Использование коннотации несомненно делает речь более выразительной. Умение видеть дополнительные смыслы в произведениях литературы, других видов искусства, в речи политиков и представителей СМИ поможет составить более полную картину мира.

Список литературы

1. *Апресян Ю.Д*. Лексическая семантика. - М.,1974. - С.56–114.
2. *Апресян Ю.Д*. Коннотации как часть прагматики слова. - Ю.Д. Апресян. Избранные труды, т.2. Интегральное описание языка и системная лексикография. - М.,1995. -260 с.
3. *Говердовский В.И.* История понятия коннотации. — Филологические науки, 1979. — №2. - С.83–86.
4. *Даммит М*. Что такое теория значения. - В книге: Философия, логика, язык. - М.,1987. - 543 с.
5. *Карнап Р*. Значение и необходимость. — М.,1959. -311 с.
6. *Павилёнис Р.* Проблема смысла. Современный логико-семантический анализ языка. - М.,1983.-269 с.
7. *Ревзина О.Г*. О понятии коннотации. — Языковая система и её развитие во времени и пространстве: Сборник научных статей. — М., 2001.- С. 436–446.
8. *Фреге Г.О* смысле и значении. — Фреге Г. Логика и логическая семантика. — М., 2000. - 149 с.
9. *Фреге Г.* Смысл и денотат. – В книге: Семиотика и информатика. — М., 1997. — № 35. - С.352-379.

10.02.01

П.Е. Топорков канд. филол. наук

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского,
филологический факультет,
кафедра русского языка как иностранного,
Калуга, ptoporkovnewnew@yandex.ru

ОЦЕНОЧНЫЕ ИМЕНА В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ ПРЕДИКАТИВА КАК КЛАССА СЛОВ

В статье рассмотрены оценочные имена как составляющая часть класса предикативов. Рассмотрен семантико-грамматический параллелизм оценочных имён и словообразовательно связанных с ними признаковых слов. Выделены основные референтные зоны оценки, а также основные лексико-семантические и грамматические характеристики оценочных имён различных структурных типов.

Ключевые слова: *предикатив, оценочное имя, оценка, состояние.*

Оценочные имена – группа предикативов, образованных на основе имён существительных и выражающих семантику оценки различных типов. Несмотря на значительный объём исследований в области предикатива как части речи или семантико-грамматического класса слов, статус и специфика оценочных имён, входящий в этот класс при широком понимании предикатива, окончательно не определены ни в русистике, ни в сопоставительном языкознании.

Речь идёт в первую очередь о конструкциях с т.н. предикатными именами (по Н.Д. Арутюновой, см. [1]). В ряде языков (в частности, в алтайских) существует синкретичный класс «существительных-прилагательных-наречий». Так, например, ещё Г.Д. Санджеев [3] отмечал у бурятского *hайхан* значения ‘*красота’*, ‘*красивый’*, ‘*красиво’*, ‘*красавица’*. Для ряда языков, в частности, для русского, характерно существование отдельного класса оценочных имён, которые в массе случаев имеют семантические дублеты или квазидублеты – качественные прилагательные, словообразовательно мотивированные прилагательными (*толстый (о человеке) – толстяк, красивый – красавец, ленивый - лентяй*). Некоторые значения таких предикатных имён употребительны в позиции приложения, но с трудом замещают предикативную позицию при определяемом слове в позиции подлежащего.

Ср.: Еще с далекого детства *красавица* береза является для нас символом родины. (Галина Новицкая. Красота круглый год // «Homes & Gardens», 2004.12.01). Ср.: ?Берёза – *красавица*.

Референтные зоны

Оценка может характеризовать объекты различных типов.

В данной группе предикативов нами отмечены монореферентные и полиреферентные единицы, охватывающие такие денотативные сферы, как:

1. Оценка человека.

Ср.: Нынче даже кто и совсем по-латыни не знает, и тот говорит suum cuique, — поидемте-ка лучше закусывать, а то вот на этот счет Анемподист Петрович уж настоящая *свинья*: он, пожалуй, один всю семгу слопает, а семушка хорошая: я сам у Смурова на Морской с пробы взял. (Н. С. Лесков. Бесстыдник (1869)).

2. Оценка животного.

В этой референтной зоне оценка зачастую носит характер иронии, поскольку животные редко подвергаются оцениванию по критериям, применимым к объектам иных референтных зон.

Ср.: Мой кот – редкая *сволочь* (https://zen.yandex.ru/media/ id/5b82bebd04a22900a 90d91a0/moi-kot-redkaia-svoloch-5c96b80778958a00b4578350).

3. Оценка предмета.

Ср.: — *Дрянь* огурцы, — сообщил он, морщась и что-то между делом сплевывая из набитого рта. (Андрей Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001).

4. Оценка ситуации.

В этом случае возможно выражение семантики оценки ситуации как в личной, так и в безличной конструкции.

Ср.: В провинции, конечно, далеко *не сахар*, но в 90-е было похуже. (коллективный. В России нет государства (2011)).

Лексико-семантические характеристики

В данную сферу вовлекаются оценочные имена двух типов. В.Н.Телия [4] выделяет два типа коннотативной семантики: экспрессивно-окрашенные и оценочные созначения. Для экспрессивно-окрашенных созначений характерны два типа отношений:

1) отношение к объекту по определённому аспекту и по выделенному признаку (Х – *медведь* = Х невежлив);

2) отношение по тому же аспекту, но по признаку, выделенному как объект скрытого сравнения (Ср. Х – настоящий *медведь* = ‘человек’ + ‘как если бы Х был медведем’). Оценочные имена этого типа являются метафорами.

В оценочных значениях отсутствует отношение по признаку, выделенному как внутренняя форма, т.е. отсутствует скрытое сравнение (‘как если бы…’).

Оценочные имена второго типа могут образовывать предикативы по модели ‘не + И.п’, напр. *не сахар, не мёд* на основе метафорического компонента значения существительного (сахар, мёд), в отличие от примеров типа *не шутка*, в которых характеризующее значение преобладает над оценочным.

Оценочные имена обоих типов могут употребляться в двусоставных неполных предложениях в качестве сказуемого (при отсутствующем подлежащем); *дурак*! / *осёл*!

В данной функции не употребляются предикативы, образованные от подобных существительных по модели *не + сущ*.

Оценочные имена являются классом слов с неустойчивой семантической структурой: сигнификативный компонент таких лексем (понятийное содержание, приписываемое тому или иному объекту и составляющее основу метафорического переноса) относительно свободно «прикрепляется» к различным денотатам. Это порождает обширные синонимические ряды с одним или близкими понятийными значениями как в различных подъязыках, так и при реализации лексем с общей денотативной основой в различных языках.

Предикативы-оценочные имена оказываются семантически и стилистически маркированными единицами, грамматические особенности которых довольно долго оставались вне сферы внимания лексикографов. Кроме того, значительный пласт оценочных имён представлен в русском просторечии. Как отмечает А.Н. Ерёмин, «В семантике просторечных лексем нередко отражается своеобразная идеология носителей просторечия, которая выражается в категоричности и крайней субъективности оценок, в сниженности этической планки и др.» [2: 11].

Грамматические характеристики

Оценочные имена могут обладать специфическими грамматическими особенностями, которые связаны с их синкретичным адъективно-субстантивным характером. Г. Тужаров [5: 133, 135] приводит случаи использования форм степени сравнения существительного в марийском языке, ср. Эн кучемдышыже тый улат ‘*Самый задира* – это ты’; Каче влак коклаште эн вуй «Среди женихов *самый главный предводитель*»; Темит – мемнан ялыште эн йомакзе «Темит – в нашей деревне *самый* (главный) *сказочник*».

Ср. в русском языке: И сам гол вколотил — пока *самый красавец* на чемпионате. (коллективный. Блоги // «Русский репортер», 2012).

Употребление формы степени сравнения существительных может способствовать лексико-грамматической трансформации существительного. Но в данном случае речь идёт скорее о потенциальной грамматической форме, а не об устойчивом фразеологизованном значении.

Сфера разговорной речи обладает весьма значительным репертуаром потенциальных оценочных имён, находящихся в позиции адъективно-субстантивного синкретизма.

В русском языке возможны сочетания типа «совсем *Емеля*», «слишком *Обломов*» и др.

Синтаксическая реализация оценочных имён в предложениях с «я»-субъектом и «не-я»-субъектом отличается от реализации предикативов с семантикой состояния.

Так, к примеру, оценочные имена могут выражать семантику состояния в конструкциях «я»-структуры (типа Какой же я *дурак*; Я был *подлец*, когда…); выражение семантики состояния в конструкциях с «не-я»-структурой затруднено. Подобные конструкции с оценочными именами тяготеют к семантике оценки (в т.ч. перфектной оценки, связанной с единичным отступлением от «нормы»).

В свете рассмотренных особенностей оценочных имён становится очевидно, что данный класс слов является открытым и активно пополняемым. Контексты употребления оценочных имён демонстрируют случаи синкретизма лексико-грамматических значений предикатива как в рамках литературного языка, так и на материале разговорной речи, подверженной влиянию жаргонной среды и отчасти реализующей потенциальные лексико-грамматические возможности языковой системы.

Список литературы

1. *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. — М.: Языки русской культуры, 1998. — 896 с.
2. *Ерёмин А.Н.* Проблемы лексической семантики русского просторечия: автореферат дис. ... доктора филологических наук : 10.02.01 / Моск. пед. гос. ун-т. - Москва, 2001. - 58 с.
3. *Санджеев Г.Д.* К проблеме частей речи в алтайских языках // Вопросы языкознания, 1952, №6. С.84-102
4. *Телия В.Н.* Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М.: Наука, 1986. – 143 с.
5. *Тужаров Г.М.* К проблеме грамматических категорий имени существительного в марийском языке // Финно-угроведение 1995 №1. С. 132-138.

10.02.01

П.А. Якимов канд. педагог. наук

Оренбургский государственный педагогический университет,
филологический факультет,
кафедра русского языка и МПРЯ,
Оренбург, pyakimov@mail.ru

РЕЛИГИОЗНЫЙ ОНОМАСТИКОН В ПОЭЗИИ: УРОВНИ АНАЛИЗА (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

В данной статье представлена попытка описания уровневого анализа религиозного ономастикона в поэзии. Автор предлагает три уровня анализа: изучение лексического состава (тематических групп) религиозно-поэтического ономастикона и семантической структуры онимов; описание функции религиозных имен, выявление потенциальных возможностей религиозных топонимов и антропонимов для воплощения поэтических моделей религиозной картины мира.

Ключевые слова: *религиозный ономастикон, лексическая структура, функции онимов, поэтические модели воплощения религиозной картины мира.*

Исследование религиозного ономастикона в русской поэзии на сегодня представляется весьма значимым, с одной стороны, в связи с огромным интересом филологов к изучению особенностей лексического воплощения религиозной картины мира в поэзии, с другой стороны, с отсутствием работ, системно анализирующих религиозные онимы в поэзии в целом и отдельных авторов в частности.

Цель данной статьи – разработать методику уровневого анализа поэтических воплощений имен собственных, относящихся к религиозной картине мира.

Анализ религиозного ономастикона, представленного в поэзии, предполагает несколько последовательных этапов: анализ состава онимов и их семантических особенностей, описание функций онимов в поэзии, выявление потенциальных возможностей выражать особенности той или иной модели воплощения религиозной картины мира в поэзии.

Первый этап – анализ состава онимов и их семантических особенностей.

Религиозный ономастикон – это совокупность топонимов и антропонимов, напрямую или косвенно связанных с религиозной сферой. Например, имена святых (*агиоантропонимы*), названия храмов (*экклезионимы*), названия икон (*иконимы*) и т.д. Такие онимы следует называть собственно религиозным ономастиконом. А вот названия городов (*ойконимы*), улиц (*урбанонимы*), водных объектов (*гидронимы*), которые образованы от агионимов – несобственно религиозным ономастиконом.

В поэтических текстах широко представлены обе группы имен собственных: «Верной твердынею православья / Врезан *Исакий* в вышине, / Там отслужу молебен о здравьи / Машеньки и панихиду по мне…» (Н.С. Гумилев. Заблудившийся трамвай); «Ель осыпает ржавые иголки – / В чужом углу, не в отчих во снегах. / Передо мной две маленьких иконки / *Казанской Божьей Матери* стоят…» (Б.А. Ахмадулина. Прегрешения вольныя и невольныя); «Как *Иисус*, распятый на кресте, / Зубец горы чернел на высоте / Границы неба и приземной пыли, / А солнце поднималось по кресту, / И все мы, как на каменном плоту, / По каменному океану плыли…» (А.А. Тарковский. «Как Иисус, распятый на кресте...»); «У чермного моря стоит *Моисей*, / Жезлом раздвигающий воду. / Вот дно обнажилось – и бедный народ / Меж стен водяных на свободу идет…» (С. В. Кекова. Стансы), «Ушел, и сонная земля /Работы ждет опять… / *Спасская* башня Кремля / Бьет пять...» (М. А. Светлов. «Хриплый, придушенный стон часов...») и т.д.

Как мы видим из приведенных примеров, религиозные онимы употребляются как в номинативном, так и в осложненном (эстетическим и семантически) значении. Очень важно, проанализировать, какие тематические группы религиозных онимов являются наиболее частотными в поэзии и определить регулярные способы осложнения. Например, наименования икон регулярно в поэзии начала XX века осложняются пространственной или временной семами: для А.А. Ахматовой Исаакиевский Собор – символ родного города: «Вновь *Исакий* в облаченьи / Из литого серебра…» (А.А. Ахматова «Вновь Исакий в облаченьи…»), а Херсонесский храм (города, создавшего «самое сильное впечатление» детства) – символ детства: «…смуглые главы / *Херсонесского храма*…» (А.А. Ахматова. «Вижу выцветший флаг над таможней…»).

Важным представляется рассмотрение структуры религиозного имени, представленного в поэтическом тексте. Это может быть полная номинация, соответствующая религиозным канонам, как правило, многословная или редуцированная, бытующая в разговорной речи, как правило, однословная [1]. Например, религиозные *хрононимы*: «Дышим мы на ладан росный, / Помним вечно про погост, / День скоромный или постный? / Вечно нам *Великий Пост*...» (Г.В. Иванов. «Снова теплятся лампады…»), «Кощунствовать страшусь и каюсь снова: / мне Пан явился (он же – римский Фавн). / Но всё это – до *Рождества Христова*. / Лампада, не внимай моим словам…» (Б.А. Ахмадулина. Невольные прегрешения в ночь на 25 декабря), «В *Воскресенье Вербное* / Завтра встану первая / Для святого дня…» (А.А. Блок. Вербочки), «Уж минет *Новогодье*, и *Крещенье* / водой остудит предсказаний воск…» (Б.А. Ахмадулина. «Прииди, Божество! Не жди излишних...») и под. То же самое можно говорить об употреблении в поэтических текстах названий храмов, названий монастырей, именах святых [2].

Второй этап – описание функций религиозных онимов в поэзии.

Религиозные онимы выполняют различные функции:

- номинативная: «Липы были сквозь чугун узора, / Полукруг *Казанского собора*…» (Вс.А. Рождественский. «Юность, юность! Ты ушла до срока...»); И мы придем к Ее садам цветущим, / Где навсегда Она воздвигла трон, / Где иноки поют по райским кущам / Горы *Афон*. (С.М. Соловьев. Памяти Ю. А. Сидорова);

- жанрообразующая. Например, Божественные и Богородичные протективы функционируют в составе поэтической молитвы: «Услышь мольбу мою и, веру множа / В Твое сияние, внемли рабу: / Помилуй, *Господи, Всесильный Боже*, / Мою владычицу, Твою рабу!» (И. Северянин. Реквием);

- стилеобразующая. Прежде всего речь идет о стиле духовной поэзии: «Когда земля исполнится пророка / И правый не отыщется нигде, / Пошлет *Всевышний* Своего пророка, / Дабы хоть кто-то спасся из людей…» иеромонах Роман (Матюшин) «Когда земля исполнится пророка…»;

- сюжетообразующая [2]: «Однажды *под Пасху* мальчик / Родился на свете, / Розовый и невинный, / Как все остальные дети» (Г.В. Иванов «Однажды под Пасху мальчик»); «Баюкая *Еву*, дивился *Адам* / Земным, незнакомым, невзрачным садам…» (С.И. Липкин. Имена);

- характеризующая: «Грозный город… Страшный город! / Он по гульбищам, мостам, / *Губит первенцев, как Ирод, / Как Иуда, льнет к устам!*..» (Д.Л. Андреев. «Меж четырех морей-урманов хмурых море...»); «А если я и вправду заикаюсь, / Как *Моисей*, то вовсе отыми / Дар речи, ибо не пред Богом каюсь, / А только перед грешными людьми. / И прежде всех, виновен в полной мере…» (А. П. Межиров. Бормотуха).

Следует отметить, что в большинстве поэтических текстах религиозный ономастикон может выполнять две и более функции.

Третий этап – выявление потенциальных возможностей выражать особенности той или иной модели воплощения религиозной картины мира в поэзии.

Специфика функционирования зависит от того, в каком тексте употребляется данный религиозный оним – воспроизводящем определенную модель воплощения религиозной картины мира: ортодоксальную, метафизическую, мистическую.

Остановимся лишь на одной модели – ортодоксальной, которая предполагает соответствие собственно религиозным представлениям. На основании подробного анализа поэтических текстов выявлены лексические приметы данной функционально-смысловой модели: например, структура лексического значения слов, воплощающих религиозную картину мира в поэтическом тексте не отличается от структуры лексического значения слов собственно религиозных текстов; отсутствие эстетически осложненной лексики; наличие лексем, позволяющих осмыслить и освоить догматы христианского вероучения и т.д.

Например, в поэзии иеромонаха Романа (Матюшина) частотными являются множественные номинации Богородицы (*Матерь Божья* (или *Матерь Божия*), *Богородица, Мать Господа Христа, Мать, Пресвятая, Пресвятая Дева, Отроковица Преблагая, Невеста Неневестная, Пречистая, Превысшая Небес, Звезда Незаходимая, Царица Небесная, Всепетая Царица, Госпожа, Нескверная Голубица, Благая, Заступница, Заступница усердная, радость Подающая, Владычица Державная, Надежда Православная, Милосердная*), указывающие на кровную связь Богородицы и Иисуса Христа, показывающие ее чистоту и непорочность, называющие прагматическую сторону почитания. Тексты стихотворений в этом отношении можно сравнить с нарративно-благодарственными или хвалебно-нарративными молитвами: «Моя Царица, Радосте моя, / Хоть Ты меня не осуди, настави. / И пусть мне ад – и из геенны *я / Тебя благословлю, о Пресвятая*», «*Будь благословенная, Милосердная*!..», что определяет специфику функционирования религиозного ономастикона в данной модели поэтического воплощения религиозной картины мира.

Подводя итог, отметим, что предложенное в статье уровневое исследование может стать основой для анализа произведений разных жанров, направлений, эпох. Изучение религиозного ономастикона может быть фрагментарным, например, в творчестве отдельного писателя, или отдельных тематических групп в творчестве поэтов определенного эстетико-поэтического направления, или глобальным (в поэзии вообще).

Список литературы

1. *Першина К.В.* Антропонимы, агионимы, хрононимы: номинационные сопряжения // Логос и ономастика. – 2013. – № 5. – С. 31-35.
2. *Сергеева Е.В.* Библеизм как экспрессема и способ организации лирического сюжета в русской поэзии XX века // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2019. – № 191. – С. 103-109.
3. *Шмелева Т.В.* Названия монастырей в новгородском ономастиконе // Вопросы ономастики. – 2020. – Т. 17, № 2. – С. 186-200.

10.02.04 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

10.02.04

М.И. Аветисян

Пятигорский государственный университет,
Институт переводоведения и многоязычия,
кафедра теории и практики перевода,
Пятигорск, milana.ami@mail.ru

КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ ПРОСТЫХ ОТГЛАГОЛЬНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ С СУФФИКСОМ-ER

В статье представлены и проанализированы ментальные механизмы расширения значения английских отглагольных существительных с суффиксом –er. Результатом проведенного когнитивно-семантического анализа эмпирического материала становится вывод о том, что разветвленная семантическая структура данных лексем формируется в ходе концептуальной деривации метонимического или метафорического типа.

Ключевые слова: *простые отглагольные существительные с суффиксом –er, семантическая/концептуальная деривация, когнитивная метафора, когнитивная метонимия.*

Когнитивное моделирование как методологический инструмент обладает неоспоримым потенциалом, поскольку позволяет вскрыть сущность единиц языка различного уровня, особенно в аспекте их семантических проявлений. В данной статье посредством когнитивно-семантического анализа и когнитивного моделирования предпринимается попытка выявить, описать и реконструировать механизмы, обусловливающие полисемичность английских агентивных существительных с суффиксом –er. Следует отметить, что лексическая полисемия является следствием процессов семантической деривации – «появления у слова семантически производных значений, созначений, семантических коннотаций», то есть «расширения семантического объёма слова» [6: 644], который затем распадается на дискретные, но концептуально связанные семантические репрезентации одного и того же языкового знака.

В теории номинации существует множество классификаций семантических переходов, разработанных с учетом различных принципов изменения объема и содержания семантического значения слова-полисеманта. Однако основными типами концептуальной деривации являются метонимические и метафорические процессы изменений в семантической структуре слова [5]. Это же отмечают и исследователи К. И. Пантер и Л. Торнбург, которые впервые провели единичный когнитивно-семантический анализ полисемичности отглагольной лексической единицы с суффиксом –er *sleeper* [10]. Ученые, в частности, «высказывают мнение об основополагающей функции взаимосвязанных концептов деятеля и объекта (инструмента), а также о значимости таких когнитивных механизмов, как метафора и метонимия для понимания природы полисемичности лексики с суффиксом –er» [1: 121].

В ходе анализа корпуса отглагольных номинаций с суффиксом –er (2634 единицы) было выявлено, что более 30% от общей выборки данных слов являются полисемичными и формируют на базе первичного значения (семантического прототипа) от двух до десяти производных значений. С точки зрения когнитивной лингвистики слово на концептуальном уровне является кластером схематически выраженных «ассоциаций, представлений, переживаний», сопряженных с определенным объектом, явлением или типовой ситуацией (событием) окружающей нас действительности [4: 725]. Рассмотрим предметно, каким

образом меняется смысловое наполнение концептуальных параметров полисемичных слов с –er, и как они взаимодействуют в режиме метафорического переосмысления и метонимического переноса.

Большая часть полисемичных отглагольных номинаций с –er (27,3%) образует от двух до трех производных значений, которые актуализируются либо в пределах одной категории (в основном, это категория ANIMATE DOER), либо экстраполируются из категории одушевленного деятеля в категории INSTRUMENT, EVENT и PURPOSE LOCATION. Лишь 2,7% рассматриваемых слов имеют разветвленную семантическую структуру, транспонирующуюся на некоторые или на все вышеперечисленные тематические категории.

Как показывает когнитивно-семантический анализ фактического материала формирование вторичных значений в пределах категории ANIMATE DOER, обусловлено механизмом концептуальной метафоры. Так, например, первичное значение лексической единицы *dabbler* – это «речная утка» (a duck (such as a mallard or shoveler) that feeds by dabbling = reaching with the bill to the bottom of shallow water in order to obtain food [9]). Данное слово содержит в своей семантической структуре информацию об образе действия, а именно, о добыче пропитания с поверхности воды, или на мелководье быстрыми движениями клюва ([manner (*by dabbling*)]). Именно этот параметр играет ключевую роль при метафорическом переосмыслении и, соответственно, расширении значения лексемы *dabbler*, которая также используется для обозначения дилетанта, некомпетентного, обладающего поверхностными знаниями человека. Таким образом, через метафоризацию параметра [manner] происходит мена интегрального концептуального параметра, мотивирующего, семантику слова: интегральный параметр [physical activity] первичного значения слова заменяется на параметр [mental activity]. Аналогичный механизм можно проследить анализируя расширение значения лексемы *galloper* / идущая галопом лошадь; быстро движущийся человек (a horse that moves at a gallop; one who moves or progresses quickly [9]. Дифференциальный параметр образа действия ([manner (*at a gallop; quickly*)]), концептуализирующий быстрое перемещение в пространстве может переосмысливаться как характеристика деятеля уже не в аспекте физического движения ([locomotor activity]): Kirby said: "He's a *galloper* and the race wasn't really run to suit. He's still green but he's a nice horse and tries hard." [8], а в аспекте когнитивной деятельности, связанной с освоением и применением каких-либо знаний ([mental activity]: [obtaining knowledge]/ [applying knowledge]): A throttler learns one thing *at* a time, while a *galloper* learns a number of things simultaneously... [8].

Переходы подобного типа отмечаются у лексем, обозначающих одушевленного деятеля без перемещения их в другую категорию, а «точкой бифуркации» является параметр образа действия ([manner]). Именно его метафоризация ведет к концептуальному сдвигу, который влечет за собой появление вторичного значения. Первичным значением является номинация животного, или растения, семантику которого мотивирует параметр физической деятельности ([physical activity]) в сочетании с параметром образа действия. Вторичное, метафорическое, значение таких слов имеет в качестве референта человека и формируется на основании «единства признаков», присущих референтам исходного значения [7: 773], сосредоточенных в параметре [manner] и экстраполирующихся в концептуальное поле параметров умственной деятельности ([mental activity]), коммуникативной деятельности ([communicative activity]) и эмоционального состояния ([emotional state]): *gaper*/каменный окунь → *gaper*/разиня; *hisser*/гусь-шипун → *hisser*/грубиян, агрессивный человек; *climber*/альпинист, вьющееся растение → *climber*/карьерист; *thriver*/неприхотливое растение → *thriver*/успешный, или переживший трагедию/болезнь и полностью восстановившийся человек и т.п.

Межкатегориальный переход, ведущий к образованию производных значений отглагольных существительных вне пределов категории ANIMATE DOER, может происходить как на основании метафорического, так и на основании метонимического переноса. Наиболее регулярными оказываются механизмы расширения значения слова-прототипа, в результате которого происходит экстраполяция первичных агентивных свойств

номинации деятеля (как правило, человека) в концептуальную сферу объект /инструмент на основании переноса через параметры [function]/[purpose] по принципу сходства (концептуальная метафора) или по принципу смежности (концептуальная метонимия). Так, например, к значению-прототипу слова *booster/*болельщик, поклонник, сподвижник, помощник, сторонник чего-либо (one that boosts; an enthusiastic supporter [9]) посредством концептуальной метафоры прирастает вторичное, и теперь уже гораздо более рекуррентное, значение – *booster*/устройство или вещество, которое действует как усилитель, стимулятор, катализатор, ускоритель каких-либо процессов (an auxiliary device for increasing force, power, pressure, or effectiveness [9]). В свою очередь приращение семантики лексемы *yeller*/кричащий человек, крикун осуществляется посредством смежности параметров [function]/[purpose] у исходного и производного значений – *yeller*/кричалка, по сути, инструмент коммуникации, использующийся болельщиками, чтобы поддержать команду или спортсмена во время соревнований.

Практически все номинации события также являются производными от наименований человека и преобразуются посредством метонимического переноса, обусловленного смежностью референтов категорий ANIMATE DOER и EVENT, которая концептуализируется взаимосвязанными параметрами [cause]→[effect]. Например, лексема *howler*/плакальщик, ревун в своем производном значении обозначает нелепую ошибку, оплошность, т.е. ситуацию, имплицитно подразумевающую негативную эмоциональную реакцию участника данного события. Это указывает на выделенность в семантике слова концептуального параметра [effect], объективирующего непосредственную смежность номинации агента действия и производного от нее наименования события. Аналогичным образом происходит расширение семантики лексемы *yawner*/зевающий человек (a person who yawns [9]), которая может также использоваться для обозначения очень скучного мероприятия (something that is very boring [9]), вызывающего зевоту у его участников.

Образование номинаций категории PURPOSE LOCATION происходит на основании метонимического переноса по типу функциональной смежности – *diner*/посетитель кафе или ресторана → *diner*/вагон-ресторан – или соотношения часть↔целое – *kisser*/тот, кто целует, любитель целоваться → *kisser*/губы или лицо. Смежность по функции обеспечивается параметрами [function]/[purpose], а связь между целым и частью параметром [location].

Что касается лексем с высоким смысловым объемом, который выражается их разветвленной семантической структурой, то вариативность их значения также обусловливается механизмами концептуальной метафоры и метонимии, затрагивающими вышеперечисленные концепты ([manner], [function]/[purpose], [location] и [cause]↔[effect]). Например, семантические репрезентации значения лексемы *choker* коррелируют со всеми категориями рассматриваемого лексического пласта: (1) первичное значение *choker*/душитель (ANIMATE DOER), расширяется посредством метонимического переноса (функциональная смежность) и образует значение (2) *choker*/затяжная петля (INSTRUMENT), которое уже на основании концептуальной метафоры употребляется в значении (3) *choker*/колье, плотно облегающее шею (QUASI-INSTRUMENT). На основании сходства и совпадения локализации телесных ощущений человека, переживающего удушение, с психосоматической реакцией взволнованного человека (перехватывает горло, слезы сдавливают горло и т.п.) посредством метафтонимии образуется еще одно значение – (4) *choker*/спортсмен, не сумевший справиться с эмоциями и неудачно выступивший в решающий момент (ANIMATE DOER). На основании проецирования психологической реакции человека на каузирующее ее событие (метонимический перенос через параметр [cause]) у данного слова появляется еще одно значение – (5) *choker*/берущий за душу, трогательный момент. И, наконец, производное от номинации инструмента метафорическое значение слова (6) *choker*/намеренно суженный участок дороги, образованное на основании функционального сходства и сходства цели (перекрыть доступ воздух при удушении →сократить поток машин).

Как видно из примера, приведенного выше, расширение семантики лексемы *choker* по метафорическому типу происходило за счет «фиксации сенсомоторного опыта человека для наименования различных сторон нового приобретаемого путем метафорической концептуализации знания» [3: 59]. При формировании метонимических значений, производных от семантического прототипа *choker* через перечисленные выше параметры выделялась «характерная черта предмета, позволяющая ему сыграть роль интенсификатора иного, сопричастного ему по смежности предмета или явления» [2: 92].

Таким образом, в результате концептуальной/семантической деривации производные значения существительных с –er метонимического и метафорического типа фиксируют новый фрагмент знания о выполняемом человеком действии, сопряженным с определенным инструментом, технологией или утилитарным объектом, местом и типовой ситуацией. А сами эти когнитивные механизмы позволяют осуществлять концептуализацию нового онтологического явления по аналогии или смежности с элементами уже сложившейся системы понятий.

Список литературы

1. *Аветисян М.И.* Структурные и семантические свойства английских агентивных существительных с суффиксом –er // Филологические науки. Вопросы теории и практики . 2019 Т. 12. Вып. 6. С. 119-124.
2. *Киселева С.В., Панкратова С.А.* И снова о метафоре: когнитивно-семантический анализ. Монография. СПб: Астерион, 2013. 217 с.
3. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. М.: ЛКИ, 2008. 258 с.
4. *Миронова М.Ю.* Метонимические процессы в англоязычной инвестиционной терминологии // Вып. XXXIV: Cognitio и Communicatio в современном глобальном мире: материалы VIII Международного конгресса по когнитивной лингвистике. 10-12 октября 2018 г. М: МГУ имени М,В. Ломоносова; Неолит, 2018. С. 725-728.
5. *Некипелова И.М.* К вопросу о разграничении понятий семантическая деривация и семантическое словообразование в диахроническом аспекте // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 2 (14). С. 33-46.
6. *Тодосиенко З.В.* Семантическая деривация как важнейший механизм содержательной динамики языка (на материале русского и английского языков) // Фундаментальные исследования. 2014. № 5-3. С. 643-648.
7. *Чалей О.В.* Когнитивный подход в изучении метафорической концептуализации // Вып. XXXIV: Cognitio и Communicatio в современном глобальном мире: материалы VIII Международного конгресса по когнитивной лингвистике. 10-12 октября 2018 г. М: МГУ имени М,В. Ломоносова; Неолит, 2018. С. 771-774.
8. Corpus of Contemporary American English. URL: http://www.corpus.byu.edu/coca/
9. Merriam-Webster’s Unabriged Dictionary. URL: https://www.merriam-webster.com/
10. *Panther K. U., Thornburg L.* The roles of metaphor and metonymy in English *-er* nominals // Metaphor and Metonymy in Comparison and Contrast / R. Dirven and R. Porings (eds.). Berlin, New York: De Gruyter. 2002. P. 279-319.

10.02.04

К.Н. Антонова, Ю.В. Буль

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
гуманитарный факультет,
кафедра английского языка № 2,
Санкт-Петербург, ksana-a@mail.ru, j.bool@mail.ru

ТРАНСФОРМАЦИИ РУССКОГО ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО КОНЦЕПТА БРАК И АНГЛИЙСКОГО ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО КОНЦЕПТА MARRIAGE В РОМАНЕ Л.Н. ТОЛСТОГО "АННА КАРЕНИНА" И ДИЛОГИИ Д.Г. ЛОРЕНСА "РАДУГА" И "ВЛЮБЛЕННЫЕ ЖЕНЩИНЫ"

В статье анализируются трансформации лингвокультурных концептов БРАК/MARRIAGE в соответствии с личным мироощущением Л.Н.Толстого и Д.Г.Лоренса и обосновывается, что именно трансформации лингвокультурных концептов в индивидуально-авторском художественном дискурсе могут рассматриваться как источник приращения дополнительных смыслов лингвокультурных концептов национальных картин мира и одновременно способствуют субъект-субъектной и субъект-объектной коммуникации в рамках интерсемиотического и межъязыкового перевода.

Ключевые слова: *трансформация лингвокультурного концепта, индивидуально-авторский концепт, образная составляющая концепта, ценностная составляющая концепта.*

Произведения Льва Николаевича Толстого, в частности, роман «Анна Каренина» (1873–1877) оказали значительное влияние на творчество английского писателя-модерниста Дэвида Герберта Лоренса. Его знакомство с романом впервые произошло еще в 1908 году. Ни разу не посетив Россию, но будучи активным членом литературного кружка "Блумсбери", Лоренс был увлечен чтением русских писателей, таких как, Достоевский, Горький, Чехов, Куприн, Соловьев, Мережковский.

Его полемика с Толстым продолжалась на протяжении всей его недолгой творческой жизни. Если в самом начале своего знакомства с творчеством Толстого в 1909 году он называет роман последнего «Анна Каренина» «величайшим романом со свободной сексуальностью» [11], то позднее в 1914 году в своих письмах [10] он заявлял, что не согласен с «нравственной схемой», под которую подпадают все герои Толстого [11].

Взгляды Толстого и Лоренса на женщин, любовь и брак были принципиально разными. Не случайно последний роман Лоренса «Любовник леди Чаттерли» воспринимается как творческий ответ Лоренса «Анне Карениной» Толстого, где Анна в лице главной героини романа не осуждается, а оправдывается как воплощение жизненной полноты [11].

Несмотря на то, что роман Толстого и дилогия Д.Г. Лоренса неоднократно становились предметом концептуального анализа, но с точки зрения вербализации концептов БРАК/MARRIAGE и трансформации данных лингвокультурных концептов под влиянием индивидуально-авторской позиции автора, они не анализировались. Тем не менее, думается, именно анализ концептов БРАК/MARRIAGE позволяет на языковом уровне обозначить принципиальные лингвокультурные различия между ними в русской и британской языковых картинах мира и определить вектор трансформационных изменений, претерпеваемых ими в рамках индивидуально-авторских картин мира романов «Анна Каренина» Л.Н.Толстого и дилогии Д.Г. Лоренса.

В процессе работы был произведен анализ словарных дефиниций. Были проанализированы данные толковых и энциклопедических словарей, хронологически относящихся ко времени творчества писателей.

В Оксфордском словаре, изданном в 1884 г., понятию marriage дается несколько определений. 1. The act of uniting a man and woman for life; wedlock; the legal union of a man and woman for life. Marriage is a contract both civil and religious, by which the parties engage to live together in mutual affection and fidelity, till death shall separate them. Marriage was instituted by God himself for the purpose of preventing the promiscuous intercourse of the sexes, for promoting domestic felicity, and for securing the maintenance and education of children. 2. A feast made on the occasion of a marriage. 3. In a scriptural sense, the union between Christ and his church by the covenant of grace (OED 1). Таким образом, лексема marriage наделена несколькими значениями: «союз мужчины и женщины», «торжество по случаю вступления в брак» и «единение с Христом».

Словарь «Живого великорусского языка» В.И.Даля дает следующее определение понятию БРАК «законный союз мужа и жены; супружество; таинство венчания, соединение четы церковию».

Как мы видим, словарные дефиниции не вполне отражают различия в структуре лингвоконцептов и их вербализации в индидивидуально-авторской картине мира.

Вслед за И.В.Кононовой мы проанализировали романы Л.Н.Толстого «Анна Каренина» и Д.Г.Лоренса «Радуга» и «Влюбленные женщины» с точки зрения концептуального моделирования автором картины мира, а также исследования трансформации содержания лингвокультурных концептов в сознании автора. В нашем анализе мы опирались на положения, сформулированные Кононовой в статье «О типах трансформации структуры лингвокультурных концептов в рамках индивидуально-авторской концептосферы текста» [2]. 1. Индивидуально-авторский концепт – это квант структурированного знания о вторичной действительности, создаваемой в тексте художественного произведения. 2. Индивидуально-авторский концепт является динамичным компонентом культуры, процесс формирования которого обусловливается либо трансформацией культурного концепта с аналогичнымименем в соответствии с личным мироощущением писателя, либо заполнением лакуны в рамках отдельной концептосферы и, как результат, созданием нового, индивидуально-авторского концепта. 3. Анализ индивидуально-авторского концепта базируется на описании трех его составляющих – образной, ассоциативной и ценностной/оценочной.

Структурно-семантический анализ знаков исследуемого концепта –лексем брак и marriage продемонстрировал, что основными содержательными компонентами значения исследуемых лексем являются следующие:

БРАК – союз, муж, мужчина, жена, женщина, отношения, супружество, семья, обязанности, дети.

Marriage – relationship, wedlock, union, husband, wife, woman, man.

Количественный анализ представленности ключевых репрезентантов в текстах романов дал следующие результаты:

Ключевые репрезентанты концепта БРАК у Толстого количественно представлены следующим образом:

Муж – 652 употребления
Жена – 131 употребление
Женщина – 103 употребления
Отношения – 101 употребление
Дети – 74 употребления
Мужчина – 24 употребления
Брак – 22 употребления
Обязанности – 19 употреблений
Семья – 10 употреблений
Союз – 2 употребления
Супружество – 0

Ведущими коллокациями у Толстого являются «брак по страсти», «счастливые браки только по рассудку», «счастье браков по рассудку разлетается, как пыль, именно оттого, что появляется та самая страсть, которую не признавали», «…браками по рассудку мы называем те, когда уже оба перебесились. Это как скарлатина, чрез это надо пройти…», религиозное объяснение значения брака; неравенство прав в браке.

Ключевые репрезентанты концепта MARRIAGE у Д.Г.Лоренса количественно представлены следующим образом:

Man – 878 употреблений
Woman – 225 употреблений
Wife – 103 употребления
Children – 189 употреблений
Family – 70 употреблений
Husband – 85 употреблений
Marriage – 45 употреблений
Wedding – 27 употреблений
Relationship – 15 употреблений
Union – 1 употребление
Alliance - 1 употреблений

Ведущими коллокациями у Лоренса являются: licensed marriage, actual marriage, the intimacy and nakedness of marriage, love and marriage, the position of woman in marriage; all flesh in a hot blood-relationship, A new, calm relationship, the distance in the relationship, close relationship with husband, vivid relationship.

Таким образом, мы видим, что, несмотря на определенные пересечения, охватывающие главным образом ядерные признаки концептов, в соответствии с личным мироощущением авторов индивидуально-авторский концепт БРАК у Толстого и MARRIAGE у Лоренса претерпевают трансформации в первую очередь образной и ценностной составляющих.

С точки зрения ценностной составляющей превалирование сексуально-гендерной роли у Лоренса подчеркивается количеством употреблений лексемы MAN (878) vs 24 у Толстого, для которого приоритетны социальные роли в браке: муж – 652 употребление, жена – 131 употребление против 85 и 103 соответственно у Лоренса.

Лоренс понимает брак как совокупность всех многообразных форм отношений между людьми. Он писал в письмах: «Женщину уподобили идолу или марионетке, постоянно заставляя ее играть ту или иную роль. Если бы мы только могли разрушить эту устойчивость представлений, понять, что женщина — это поток, река жизни….» [1].

В 1890 году Толстой в послесловии к «Крейцеровой сонате» писал: «Плотская любовь, брак, есть служение себе и потому есть во всяком случае препятствие служению Богу и людям, и потому с христианской точки зрения — падение, грех» [4]. Героини Лоуренса, будучи частью «реки жизни» [1], «выбирают жизнь» [3]. В статье «Состояние депрессии» 1929 года Лоренс писал: «Именно это я хочу восстановить в человеческой жизни: естественное теплое струение взаимопонимания между мужчиной и мужчиной, мужчиной и женщиной» [8]. Лоренс через свои собственные произведения вступил в творческую полемику с Толстым [5].

По мнению Джорджа Д. Зитарука Лоренс жаждал триумфа Анны и Вронского. Создав в романе «Радуга» образ Урсулы Лоуренс поправил «ошибку» Толстого: женщина типа Анны Карениной, воплощающая в себе жизненную силу и чувственную энергию, не должна погибнуть». [11]. Лоуренс обвинил Толстого в том, что он был на стороне общества, убившего Анну». [7]

Список литературы

1. *Дудова Л.В., Михальская Н.П., Трыков В.П.*: Модернизм в зарубежной литературе. М., Изд-во наука, 1998
2. *Кононова И.В.* О типах трансформации структуры лингвокультурных концептов в рамках индивидуально-авторской концептосферы текста» // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2015. Т. 7. № 1. С. 138-149.
3. *Красавченко Т.Н.* Дэвид Герберт Лоуренс и Россия. Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7, Литературоведение, 2019
4. *Толстой Л.Н.* Крейцерова соната, АСТ, 2016
5. *Gifford H.* Anna, Lawrence and the Law. Critical Quarterly, vol 1.
6. *Lawrence D.H.* Complete letters in 2 vol. ed. by Harry Moore - NY. The Viking Press, 1962. Vol 1
7. *Lawrence D.H.* Resurrection // Lawrence DH, Phoenix // ed. McDonald. - L, 1936
8. *Lawrence D.H.* The state of funk // Lawrence DH Late essays and articles / ed. by James T. Boulton, Cambridge, CUP, 2004
9. Poenix. The Posthumous papers of DH Lawrence, - L., 1936
10. *Williams R.* Lawrence and Tolstoy.- Critical Quarterly, vol 2, 1960
11. *Zytaruk G.J.* D.H. Lawrence's responce to Russian literature. thy Hague, Mouton, 1971

10.02.04

Т.С. Василенко канд. филол. наук, Е.И. Шеваршинова канд. педагог. наук

ФГБОУ ВО "Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского»,
Калуга, tatvas_84@mail.ru, shevarshinova@gmail.com

ЯЗЫКОВОЙ КОМПОНЕНТ СОВРЕМЕННОГО АНГЛОЯЗЫЧНОГО ТЕЛЕРЕПОРТАЖА

Предметом исследования статьи являются особенности языковой реализации современного событийного телерепортажа. В качестве материала исследования было рассмотрено десять телерепортажей канала BBC News на общественно-политическую тематику. В работе рассмотрена структура телерепортажа и выделены его основные компоненты, описаны основные языковые средства на лексико-грамматическом уровне, направленные на реализацию целей информирования и воздействия.

Ключевые слова: *телерепортаж, информационная функция, прагматическое воздействие, лексико-грамматические особенности, стилистические приемы, эмоционально-оценочная лексика.*

В условиях огромного потока передаваемой СМИ информации все большее значение приобретают журналистские жанры, непосредственно связанные с объективным информированием аудитории о происходящих в мире событиях, среди которых особое место занимает жанр репортажа. Говоря о функциональной принадлежности данной разновидности журналистского текста, ряд авторов отмечает, что он находится на стыке информационного и аналитического жанра [1, 2, 3, 4, 8, 9, 10, 11, 12]. М.Н. Ким определяет репортаж как журналистский текст, который «отображает реальные жизненные события, поддающиеся непосредственному наблюдению» [7]. При этом основной его функцией является включение читателя в переживание события, развернутое наглядное обоснование ценностных отношений, лежащих в основе данного события [5]. Как известно, репортаж может иметь как печатную, так и устную форму, однако, в качестве объекта исследования данной работы мы посчитали целесообразным взять событийный телевизионный репортаж, под которым следует понимать некую разновидность монологической речи, которая предназначена для массовой аудитории в устном диктантном общении и осуществляется при помощи технических средств [3]. Преимущество данного жанра заключается в том, что зрители получают шанс увидеть события глазами очевидца, а именно, репортера, что обеспечивает так называемым эффект присутствия на месте события, своего рода сопричастности, что не может не способствовать повышению прагматической эффективности данного вида журналистского сообщения.

Исследователи отмечают, что успех телерепортажа во многом зависит от умения репортера сжато и интересно изложить информацию в ограниченное время, а также заинтересовать зрителей [6]. Немаловажную роль играет звуковой и видео ряд, которые наряду с самим сообщением, направлены на повышения интереса зрителей и должны логически соответствовать передаваемой информации. Телерепортажи являются озвученными, так как видеоряд сопровождается закадровыми комментариями журналиста [7]. Именно совокупность вышеупомянутых фактов определяют осмысление преподносимой в телерепортаже информации аудиторией и формирование ее мнения относительно описываемых событий. А.В. Колесниченко отмечает, что в репортаже присутствуют два компонента: описательный и информационный. При этом описательная составляющая состоит из сцен, деталей и интервью, а информационная – это сведения, которые вводят аудиторию в курс дела, это своего рода предыстория события [7].

Несмотря на важную роль видеоряда, несомненным является тот факт, что наибольшее значение в плане реализаций функций сообщения и воздействия имеет речь самого

репортера. В связи с этим в данной работе представляется целесообразным рассмотреть некоторые языковые особенности телерепортажа на лексическом и грамматическом уровне. Для проведения практического анализа нами было отобрано десять репортажей телеканала *BBC News* за 2020 год на социально-политическую тематику, каждый длительностью от 3 до 5 минут эфирного времени. Приступая к анализу репортажей, в первую очередь, следует обратить внимание на их структурные особенности. Во всех рассмотренных телерепортажах прослеживается довольно четкая структура – заставка, основная часть и концовка. Кроме того, помимо слов самого репортера присутствуют небольшие интервью, высказывания очевидцев, участников событий и официальных лиц.

По нашему мнению, заставка играет довольно важную роль в привлечении внимания зрителей к самому репортажу, что проявляется в тщательном отборе языковых средств при ее создании. Одним из довольно распространенных способов является описание окружающей обстановки, которая сопровождается видеорядом: *From the promenade to the water edge, the golden sands disappear under gigantic crowds. (BBC News, 25 June 2020).* Еще один эффективный способ повышения интереса аудитории - это слова журналиста о его личном присутствии на событии, которое является темой репортажа, или даже участии нем: *Well, we've been attending a peaceful protest after what's been a really turbulent weekend. (BBC News, 5 June 2020).*

Далее следует основная часть репортажа, в которой, как отмечалось выше, взаимосвязаны информационный и описательный компоненты, и которая отличается сжатостью и информационной насыщенностью. Проведя анализ лексико-грамматических особенностей репортажа, можно заключить, что одним из наиболее распространенных способов придать репортажу максимальную динамичность является использование всевозможных настоящего времени (при этом доминирует *Present Indefinite* и *Present Continuous*, которые составляют 70% от всех временных форм), а также наречий и словосочетаний типа *this afternoon, today, for now*. Нельзя не отметить широкое употребление большого количества двухкомпонентных или трехкомпонентных словосочетаний типа N+N: V*ictory Day parade, COVID cases, COVID epidemic, COVID 19 crisis, police killings, National Guard groups, security agents, security forces* и т.д.

Следует отметить, что все вышеперечисленные языковые средства направлены, главным образом на то, чтобы репортаж звучал актуально, сжато и динамично, и демонстрируют его информационную составляющую. Что касается описательного компонента, то наибольшую роль в его реализации играют прилагательные и наречия, многие из которых имеют довольно сильную эмоциональную окраску, например: *violent, overwhelmimg, aggressively, turbulent* и т.д. Отметим, что выбор такого рода оценочной лексики является далеко не случайным и направлен на формирование у аудитории определенной точки зрения на события. Так, использование прилагательного с отрицательным значением *violent* способно сформировать в сознании зрителя образ жестокости полиции. Данный контраст подчеркивается прилагательным *peaceful*, которое используется несколько раз в репортаже, когда журналист говорит о протестующих, подчеркивая мирный характер их действий: *This protest has been peaceful as so many have been. (BBC News, 10 June 2020). We've been attending a peaceful protest… . (BBC News, 10 June 2020).* Подобный прием скрытой антитезы является довольно распространенным способом, к которому прибегают репортеры с целью воздействия на сознание аудитории.

Помимо широкого использования оценочных прилагательных и наречий, в речи репортеров встречаются другие части речи, которые не просто передают информацию, но и оценивают ее тем или иным образом. Вот несколько примеров из проанализированных теле-репортажей Би-би-си: *Security forces have been aggressively pushing back the protestors. (BBC News, 10 June 2020). Putin's decision to push ahead with this parade now is a controversial one. (BBC News, 24 June 2020) Local MPs threaten to shut the beaches. (BBC News, 25 June 2020).*

Немаловажную роль в оказании эмоционального воздействия на публику играют стилистические средства: риторические вопросы, градация, повтор, аллюзия, эллипсис: *So*

why did Putin decide that the military show must go on? (BBC News, 24 June 2020) – аллюзия (музыкальный хит "The show must go on"). *Will coronavirus cases rise again if people ignore social distancing? (BBC News, 24 June 2020)* – риторический вопрос. *No masks for the military, no social distancing. (BBC News, 24 June 2020)* – повтор, эллипсис.

В ряде случаев, однако, особый эффект воздействия достигается за счет использования ряда лексико-грамматических средств в их совокупности, что наглядно видно в следующем примере: *Partly because Russia's victory in World War II has become a cornerstone of the country's national idea but more crucially, the President is hoping the parade boosts his popularity ahead of the referendum extending his rule. (BBC News, 24 June 2020)*

Таким образом, несмотря на то, что событийный репортаж направлен главным образом, на передачу информации, он не свободен от оценочного компонента, то есть от мнения самого репортера об освещаемом событии. Проведённое нами исследование ряда телерепортажей Би-би-си наглядно показало, что мнение авторов относительно аналитического компонента в любом репортаже, даже событийного плана, является вполне обоснованным, что ярко проявляется на языковом уровне, а именно в использовании форм настоящего времени, эмоционально-оценочной лексики, главным образом, прилагательных и наречий, употреблении разговорной лексики, стилистических приемов. Данные приемы лексико-грамматического уровня направление на повышение степени актуальности и динамичности сюжета, поддержания интереса аудитории и воздействия на мнение зрителей. Нам представляется, что в плане более глубокого изучения данной проблемы следует обратить особое внимание на просодический компонент телерепортажа, что может послужить темой дальнейшего исследования.

Список литературы

1. *Вальтер Н.В.* Сопоставительный анализ текстовых категорий в жанре репортажа (категория диалогичность в событийных и аналитических репортажах). // Культура общение и ее формирование. Межвузовский сборник научных трудов. Воронеж, 2018. С.60 – 62.
2. *Грачева М.О.* Прагматический аспект телевизионного репортажа как жанра журналистского дискурса. // Наука и школа. М.: Изд-во МПГУ. Серия «Педагогические исследования». 2013. № 4. С.106 – 109.
3. *Добросклонская Т.Г.* Информационная модель как инстурмент анализа новостного дискурса. // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. М.: Изд-во ООО «Научно-издательский дом ИНФРА-М», 2016. №1. С.7 – 11.
4. *Добросклонская Т.Г.* Масс-медийный дискурс: Теория и методы изучения // Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования: Сб. науч. тр. – Белгород: Константа, 2014. С. 48 - 57.
5. *Ким М.Н.* Жанры современной журналистики. СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2004. 335с.
6. *Коновалова О.В.* Основы журналистики. Учебное пособие по современной практической журналистике. // Серия «Филология и журналистика». М.: ИКЦ «МарТ»; Ростов н/Д: Издательский центр «МарТ», 2005. 272с.
7. *Кузнецов Г.В., Цвик В.Л.* Телевизионная журналистика. М.: Изд. МГУ, 2002. 304с.
8. *Сайфутдинов Р.А., Сайфутдинова Р.Р.* Репортаж как жанр: к проблеме классификации. // Поволжский педагогический поиск. 2016. № 2 (16). Серия «Филология». С. 99 – 101.
9. *Солганик Г.Я.* Стиль репортажа. М.: Изд-во Моск. Ун-та. 1970. 80с.
10. *Тертычный А.А.* Аналитическая журналистика: познавательно-психологический подход. М.: Гендальф. 1998. 255с.
11. *Чобанян К.В.* Языковые средства и приемы привлечения внимания зрителей телевизионных новостей (на материале шапок и шпигелей телеканала Си-эн-эн) // Вестник МГУ. Серия «Журналистика». 2015. №3. С.80 – 99.
12. *Чобанян К.В.* Shift to political topics as the main content strategy of American cable news. // World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies. Национальная ассоциация масс-медиа исследователей. 2018. №3. С. 39 – 52.

10.02.04

А.М. Горохова канд. филол. наук, А.В. Ольнева

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова,
кафедра английской филологии,
Высшей школы лингвистики, педагогики и психологии,
Нижний Новгород, gorokhova@lunn.ru

БРИТАНСКИЙ МИКРОБЛОГИНГ КАК ИНСТРУМЕНТ ЛЕКСИКО-ИКОНОГРАФИЧЕСКОГО КАРТИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПАНДЕМИИ COVID-19

В работе представлены результаты ассоциативного моделирования матрицы этноконстант британской национальной идентичности в динамической проекции актуального языкового слоя аутентичной персонифицированной блогосферы. Приводятся некоторые выводы относительно ядерного и периферийного потенциала выявленных компонентов «английскости» на основе количественной репрезентации; анализируются их лингвоаксиологические трансформации, обусловленные пандемическими реалиями.

Ключевые слова: *британская национальная идентичность, блогосфера, картирование, пандемия COVID-19, этноконстанта.*

В условиях глобальных информационных потоков, определяющих среду внутри- и межэтнических коммуникативных процессов, все большим функционально-прагматическим и этнопсихологическим потенциалом наделяется феномен блогосферы – универсального, «супрасегментного» пространства для социализации индивида, обмена суждениями, фиксации динамики трансформаций системы национальных ценностных ориентиров и поведенческих императивов. Национальный язык служит проекцией прецедентных лингвокультурных констант, актуализируемых в конкретных геополитических, экономических, исторических, этноконфессиональных и иных условиях эволюции этноса, в определенном пропорциональном соотношении, которое предопределяет формы реакции лингвосоциума-продуцента на конкретные позитивные, нейтральные и негативные стимулы внешней среды.

Феномен персонального микроблога в социальной сети Instagram, второй по популярности бытовой коммуникативной платформе на территории Великобритании, по данным портала исследований общественного мнения YouGov.co.uk [4], унифицирует прочие видовые образцы аккаунтов (бизнес-блог, ниша-блог, аффилированный и рекламный блог, медиаблог и др. [2]) и транслирует внутрисоциальный и кросс-культурный опыт народности в динамике ценностных преобразований.

Форма подачи материала и оценки социокультурных реалий в подобных микротекстовых единствах предполагает лаконичность изложения, таргетированность (точечную направленность на читателя, его уровень восприятия и облако ценностных ориентаций), открытость (прямое взаимодействие с автором), системность и обновляемость (наличие единой концепции и четко очерченный во времени контент-план постинга), вспомогательную emoji-графику как фактор интенсификации информационного послания.

На основе анализа и ассоциативного картирования [1] эмпирической выборки в 745 этномаркированных микротекстовых единств популярных британских Instagram-блогеров, ведущих личные страницы в указанной социальной сети, во временных рамках 2020 года, выявлены следующие этноконстанты британской национальной идентичности, коррелирующие, в том числе, с реалиями планетарного пандемического кризиса.

Дом, домовитость

Ключевой семантико-ассоциативный ряд, связанный с данным этноконструктом, включает уют, размеренность, атмосферу спокойствия: *"Curled up on the sofa with a good book is generally my idea of great evening plans and the best of time but now there's no excuse but to catch up on that reading list…"* (@sophia_rosemary); *"There's something extra cosy about shuffling into the kitchen and brewing your own signature fall cuppa from the comfort of your own home!"* (@zoella); *"Stay in where you can and try not to see this as restricting or time wasted! Use the time to do the things you love like reading, writing, baking or listening to the sound of the seventies on the BBC Radio 2…"* (@sophia_rosemary). Примечательно, что перечень любимых домашних занятий британцев тождественен у большинства рассмотренных блогеров, что говорит о единстве их представлений о наиболее комфортной модели времяпрепровождении в домашних стенах (чтение, телевидение, радио BBC, софа, приготовление пищи, чаепитие и т.д.).

Несмотря на преимущественно позитивные коннотации этноконстанты «Дом», в период самоизоляции её ассоциативный сегмент пополняется и эксплицированно негативными / пессимистичными контекстами. *"Home, I could do with a break from you…"* (@catarinamira); *"Man, I love my kitchen, but I would give anything right now to be eating in a restaurant packed with people"* (@catarinamira); "…and suddenly everyone is hiding behind the curtains" (@catarinamira). Перечисленные оттенки смысла акцентируют пресыщенность авторов заточением в домашних стенах и желание вырваться на свободу, что также свидетельствует о наличии аксиологических контрполюсов в структуре «английскости».

Сдержанность, умеренность, самоконтроль

Перечисленные аксиологические векторы находят преломление в вербальной и эмотивной минималистичности, сдержанности, максимальной концентрации смысла, лаконичности плана содержания и плана выражения. *"Isolation…"* (@catarinamira); *"Socially distant…"* (Том Скотт). Ключевая роль в подобных примерах отводится визуальному и / или иконографическому компоненту, достраивающему ассоциативный ряд. Instagram-иконографика интегрирует палитру мультивидовых эмоджи (emoji) – иконок настроения. Следует подчеркнуть, что классифицированные по результатам социологических опросов топ-5 иконок, передающих настроения пользователей сети Instagram, также указывают на умеренный характер допустимых к публичной демонстрации эмоциональных состояний и реакций [3].

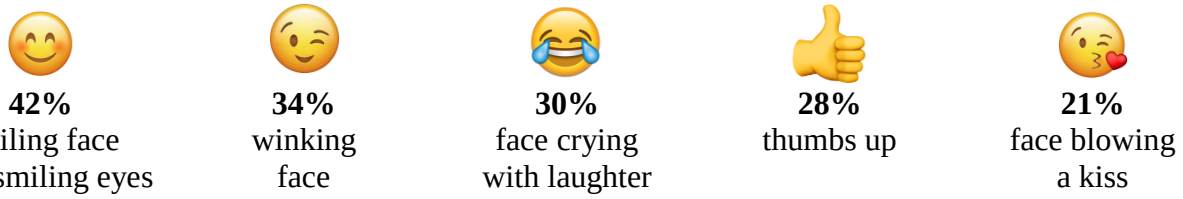

Рис. 1 – Топ-5 популярных emoji в пространстве британских социальных сетей за в 2020 году

Данные социологического опроса с учетом мнения 1000 респондентов британского происхождения демонстрируют пропорциональное превосходство сдержанно улыбающегося emoji, тогда как иконка, свидетельствующая о раскрепощенном смехе «до слез» (колонка №3 в чарте), получает лишь третью позицию, несмотря на её повсеместную популярность в пространстве современной (преимущественно молодежной) Интернет-блогосферы.

На самоконтроль британцев указывают и многочисленные примеры воспевания размеренного ритма жизни: *"Breakfast in lockdown has become more of a ritual than a routine – swapping out a rushed 'bowl of something' where I can for a bit of dining table action and a proper slow sit down to start the day…"* (@livpurvis), а также умения радоваться мелочам (the English like their pleasures small): *"One positive thing to come out of lockdown is my new found appreciation for having a meal out and how much a treat that actually is"* (@sophia_rosemary).

Оптимизм, стойкость

Невзирая на критическую долю негативных аспектов, связанных с явлением самоизоляции и жестких социальных ограничений, носители британской лингвокультуры демонстрируют тенденцию к сохранению оптимизма, стремлению «не потерять лицо», проявить характер, выдержку и хладнокровие: *"Just generally getting my head stricter lockdown, staying upbeat and battling on…"* (@Zoella); *"I'm enjoying less chaotic mornings sat in my living room, taking my time with a coffee! As we roll into a second week, I'm trying to see the positives as much as possible…"* (@sophia_rosemary). Указанная черта национального характера служит логическим продолжением сдержанности и ориентации на самоконтроль.

Конформизм

Приверженность социальным регламентациям и канонам определяет наличие явно очерченного элемента подчиненности в системе британских лингвокультурных аксиом.*"Weirdest birthday yet! We spent the day trying a new dog walk which would guarantee minimal people around (not something I ever thought would be a priority)… please think twice before going to bars, clubs and restaurants – I know it's hard but it's the most proactive thing we can do right now"* (@sophia_rosemary). Нормы и порядки, привносимые извне, сверху, могут не вызывать положительного отклика среди представителей этносоциума, однако они считают абсолютной необходимостью покорно соблюсти требования и сообщить об этом, призвав других индивидов следовать их примеру для достижения общего блага.

Чувство юмора

Какой бы сложной ни представлялась ситуация, британцы находят возможности и каналы иронизации реалий окружающей действительности, стремятся найти выход из проблемных зон в юморе и подшутить над собой и поведенческими моделями, принятыми в социуме, *"…Just a little message to say it's ok to feel thrown by what's going on but I think for peace of mind it's important to continue as normal as possible, enjoy life's little pleasures and stay positive (I know that sounds airy fairy)… Hoping all of you without toilet roll managed to track some down and wishing everyone a top weekend"* (@sophia_rosemary).

Цифровизация

Оправданным в условиях лимитированных социальных свобод видится и обращение к цифровым технологиям, позволяющим индивиду социализироваться и, несмотря на требования дистанцирования, быть непосредственным участником общественных процессов и событий: *"I've really discovered the importance of taking the time to make an effort with my evening… Old Fashioned on a date at home or sharing a drink over FaceTime with my friends! It goes without saying that I can't wait to be able to visit some of my favourite bars and restaurants again …"* (@sophia_rosemary); *"Yesterday… was largely spent in the garden, distancing with some of my favourite people in the world … and then doing a dance class on Zoom and inhaling homemade pizza"* (@livpurvis).

Полученная ассоциативно-аксиологическая карта британского национального характера, спроектированная на основе аналитического прочтения персональных аутентичных Instagram-микроблогов и квантитативного индекса повторяемости конкретных констант, позволяет сделать выводы о некотором перераспределении статических доминантных этноконстант британской национальной идентичности и приоретизации лингвоконцептуальных единств, репрезентирующих отклик нации на социокультурные трансформации (популяризация периферийных, ранее не актуализированных («Цифровые технологии») или слабо актуализированных в языковом слое («Юмор») конструктов). Тем не менее, отчетливо прослеживается взаимосвязь ключевых характеристик со статическими моделями «английскости», существующими в междисциплинарной научной парадигме. Данный факт свидетельствует о ядерном потенциале подобных элементов (сдержанность, конформизм, домовитость и семейственность, стойкость), их мультипликативности в различных социокультурных и временных контекстах. Важно отметить, что в статье приведены лишь частные образцы репрезентации и ассоциативного картирования конструктов британской национальной идентичности. Ввиду динамики ежедневных

трансформаций социального пространства персональных микроблогов перспективной видится фиксация изменений в системе ценностных ориентаций «английскости» в хронологической проекции.

Список литературы

1. *Buzan T.* Mind Map Handbook: The Ultimate Thinking Tool. Thorsons, 2005. 431 p.
2. NapoleonCat. One social Media Tool to Manage it All, 2020. URL: https://napoleoncat.com/
3. The UK's Emoji Habits // Insurance2Go, 2020. URL: https://www.insurance2go.co.uk/about/news-blog/blog/the-uk-s-emoji-habits
4. YouGov. The Most Popular Social Networks in the UK [Электронный ресурс] // YouGov | What the World Thinks, 2020. URL: https://yougov.co.uk/ratings/technology/popularity/social-networks/all

10.02.04

М.А. Кузина канд. филол. наук

Московский педагогический государственный университет,
Институт иностранных языков,
кафедра фонетики и лексики английского языка,
Москва, kouzina-marina@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ АВТОРСКИХ ПРИЁМОВ РАСКРЫТИЯ СЕМАНТИКИ ЭКЗОТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В МУЛЬТИКУЛЬТУРНОМ РОМАНЕ

Анализ экзотической лексики в тексте романа Б. Мукерджи «Желанные дочери» (2002) позволяет говорить о наиболее частотных стратегиях ввода экзотизмов в текст романа – внутритекстовых объяснениях посредством однословного перевода, при помощи пояснительного комментария, через гипероним и ко-гипонимы – как о составной части идиолекта писателя-мультикультуралиста.

Ключевые слова: *экзотизм, экспликация, мультикультурная литература.*

Джордж Стайнер, американский филолог, прозаик, публицист и литературный критик, выделяет в литературе Запада XX века отдельный «внетерриториальный» жанр – литературу изгнанников и(ли) об изгнанниках, которая выполняет двоякую функцию: «It aims to elucidate the quiddity, the autonomous core of historical and present 'sense of the world' (Husserl's Weltsinn) in the language and to clarify, so far as is possible, the conditions, the strategies, the limits of reciprocal understanding and misunderstanding as between languages» [4, 6]. Литературное творчество иммигрантов афро-азиатского происхождения, осевших после распада мировой системы колониализма в странах Западной Европы и Северной Америки, рассматривается и как арена для глубокого осмысления проблемы инаковости и многомерности социокультурного мира (в том числе через аппеляции к литературным источникам, поликодовость), и как основной проводник экзотической лексики в современный английский язык [2: 21].

Южно-азиатский мультикультурный художественный дискурс XX века представлен романами, короткими рассказами, публицистическими произведениями писателей из независимых стран, образовавшихся после распада Британского Раджа (1858-1947), а именно: из Индии, из Пакистана и из Бангладеша.

Бхарати Мукерджи (Bharati Mukherjee), представительница высшего слоя индусской элиты Западной Бенгалии и иммигрант первого поколения в США, считается основоположником южно-азиатской женской иммигрантской литературы на английском языке. Тем не менее, ни одно из произведений автора восьми романов («The Tiger's Daughter» (1971), «Wife» (1975), «Jasmine» (1989), «The Holder of the World» (1993), «Leave It to Me» (1997), «Desirable Daughters» (2002), «The Tree Bride» (2004), «Miss New India» (2011)), двух сборников коротких рассказов («Darkness» (1985), «The Middleman and Other Stories» (1988)) и четырёх книг публицистического жанра не было переведено на русский язык, что отчасти объясняет фрагментарный интерес отечественных лингвистов (М.К. Попова «Проблема аккультурации в романе Б. Мукерджи “Жасмин”» (2008), Н.В. Колесникова «Англоязычные писатели индийского происхождения на Западе: стратегии аккультурации» (2018)) к её творчеству [1, 3].

В настоящей статье ставится целью систематизировать разнообразные приёмы раскрытия семантики экзотической лексики автором-мультикультуралистом в художественном произведении на материале романа «Желанные дочери» (2002). Повествование ведётся от первого лица: Тара Мехта рассказывает свою семейную легенду: в 1879 году в возрасте 5 лет её прабабушка Тара Лата готовится обручиться с 13-летним юношей из касты брахманов, но

непосредственно перед свадьбой жених умирает от укуса ядовитой змеи. Родственники жениха настаивают на передаче им приданного невесты, вынуждая отца благославить брачный обряд между его дочерью и деревом: «In a palanquin borne by four servants sit a rich man's three daughters, the youngest dressed in her bride sari, her little hands painted with red lac dye, her hair oiled and set. <...> Tara Lata is five years old and headed deep into the forest to marry a tree» [5:3, 5]. Сюжет романа строится на описании личной жизни и профессиональных успехов трёх сестёр, родившихся в один и тот же день с разницей в несколько лет в 1950-1960-х годах: Тары Мехты, Падмы Мехты, Парвати Мехты. Тара выходит замуж в 19 лет за Бишваприя Чаттерджи, успешного изобретателя из Силиконовой долины, рожает сына Рабиндраната, разводится в 36 лет с мужем, работает волонтёром в детском саду, пытается заново устроить свою личную жизнь и раскрывает обман Кристофера Дея, выдающего себя за незаконнорожденного сына её сестры Падмы. Пережив страстный роман с юношей христианской веры, Падма выходит замуж, обосновывается в Нью-Джерси, становится известным диктором новостей и владельцем салона дизайнерских сари. Парвати обустраивает свою семейную жизнь в Индии с финансистом: она показана образцовой женой и матерью.

Из трёх возможных стратегий введения экзотической лексики, обозначающей реалии культуры языка-донора, в текст на английском языке-реципиенте Б. Мукерджи использует чаще всего внутритекстовое объяснение, причём с точки зрения тематики в романе употребляются преимущественно экзотизмы для обозначения этнографических, а не географических или общественно-политических, реалий В романе автор активно прибегает к следующим способам внутритекстового пояснения, или экспликации (здесь и далее в примерах жирным шрифтом выделены экзотизмы, а подчёркиванием выделены их экспликации):

1.однословный перевод при помощи исконного синонима: «The decorations signify **a biye-bari**, a wedding house» [5:7], «I call Parvati “Parvati-**di**,” older-sister-Parvati, but I call Padma simply “**Didi,**” Big Sister ...» [5:29];

2.пояснительный комментарий с целью передачи значения безэквивалентной лексики: «In my mother-language we call the powerful middle class **“bhandra lok”**, the gentlefolk, the “civilized” folk, for whom the English fashioned the pejoration term **“babu”**, with its hint of fawning insincerity and slavishly acquired Western attitudes. The rest of the population are **“chotto lok”**, literally, the little people» [5:7], «Then, it's time for **shubho-drishti,** the rite of auspicious gaze when the bride gets her first glimpse of the face of the man she is marrying» [5:16];

3.объяснение через гипероним: «Beggars have already camped in the alleys adjacent to the canopy under which giant copper cats of milk, stirred by professional cooks, have been boiling and thickening for sweetmeats, and where other vats, woks, and cauldrons receive the chunks of giant **hilsa** fish netted fresh from the river and hold the rice pilao, lamb curry, spiced lentils, and deep-fried and sauce-steeped vegetables» [5:8], «Though she nags sweettooth Auro about his weight, she'd probably swing by the city's only store that flies in Bengali sweetmeats like **mishti doi, raavri, rasamalai**» [5:55];

4.объяснение через ко-гипонимы: «Even the woodcutters desert it at night, relinquishing it to **goondahs** and marauders, snakes and tigers.» [5:5].

Внетекстовые объяснения в виде глоссария, помещаемого до или после текста романа и включающего только заимствованные единицы, которые обозначают реалии языка-донора и могут вызвать сложности понимания у читательской аудитории, владеющей только языком-реципиентом, не используются автором ни в одном из романов, что можно объяснить высоким процентом пояснительных комментариев внутри самих текстов.

Введение экзотической лексики в текст на английском языке без пояснений имеет место в любом романе писателя-мультикультуралиста, однако Б. Мукерджи прибегает к нему относительно редко. В тексте «Желанных дочерей» данная стратегия реализуется в форме объясняющего контекста, в котором экзотизм демонстрирует общую сочетаемость (примеры с «dhobi» и «shenai») или частную сочетаемость (примеры с «dhol» и «bajra»): «My mother

used to enter in her little laundry book every shirt, sari, and pair of underwear sent out with the **dhobi**, and then check them off when the **dhobi** returned with the clothes, whacked clean, sun-dried, starched, ironed, folded, and stacked high inside a cloth bundle» [5:71]; «Jai Krishna ordered the wedding musicians to stop their **shenai** playing and **dhol** beating» [5:10-11]; «In the wintry bright hour just before twilight blackens Mishtigunj, the decorated **bajra** from the Lahiri family finally sailed into view» [5:10]; «He raced down the gangplank and boarded the **bajra**» [5:11].

Таким образом, экспликацию экзотической лексики с тем, чтобы снять сложности декодирования текста читателем, можно рассматривать в качестве основополагающей черты идиолекта Б. Мукерджи.

Список литературы

1. *Колесникова Н.В.* Англоязычные писатели индийского происхождения на Западе: стратегии аккультурации. / Н.В. Колесникова. // Африка и Азия сегодня. – 2018. – №12. – С.62-68.

2. *Никулина Е.А*. Современные английские фразеологизмы в поликодовом пространстве. / Е.А. Никулина. // В кн.: III Международная научно-практическая конференция "Лингвистика, лингводидактика, лингвокультурология: актуальные вопросы и перспективы развития", Минск, 2019: материалы. Минск: Белорусский государственный университет. – 2019. – С. 21-24.

3. *Попова М.К.* Проблема аккультурации в романе Б. Мукерджи «Жасмин». / М.К. Попова. // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2009. – №1. - С.107-111.

4. *Саид Э.* Мысли об изгнании / Э. Саид. // Иностранная литература. – 2003. – №1. [Электронный ресурс]. URL: http:/magazines.russ.ru/inostran/2003/saide.html. (дата обращения: 15.10.2020)

5. *Mukherjee B.* Desirable Daughters. [Text] / B. Mukherjee. – New York: Hyperion, 2002. – 312p.

6. *Steiner G.* An Art of Understanding. [Электронный ресурс]. URL: https://www.independent.co.uk/ voices/an-art-of-understanding-george-steiner-examines-the rightful- place-of-comparative-literature-in-1442490.html (дата обращения: 15.10.2020)

10.02.04

М.В. Матюхина

Национальный исследовательский Томский политехнический университет,
Школа базовой инженерной подготовки,
отделение иностранных языков,
Томск, matyukhina.mariya@mail.ru

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕКСТОВ АНГЛИЙСКИХ ТРАНСГУМАНИСТИЧЕСКИХ БЛОГОВ С ТЕГОМ «ANTI-AGING»

В работе представлены результаты исследования корпуса английских трансгуманистических блогов с тегом «Anti-aging» на предмет лексических и грамматический особенностей их текстов, которые представлены в форме статей и комментариев.

Ключевые слова: *лексические особенности, грамматические особенности, трансгуманизм, английские блоги, Anti-aging.*

Стремительное развитие медийности качественно изменило характер человеческой коммуникации и обусловило формирование нового её типа – медийной коммуникации, которая реализуется в Интернет-пространстве с помощью следующих Интернет-каналов: подкастов, Ютуб каналов, форумов, веб-сайтов, влогов (блоги, содержащие видеоматериалы) и блогов [2]. Устремление человечества продлить жизнь и усовершенствовать её качество послужило толчком к формированию Всемирной ассоциации трансгуманистов, деятельность которой направлена на преодоление негативных аспектов бытия – страданий, болезней, смерти [6]. Идеи трансгуманизма нашли воплощение в Интернет-пространстве в форме каналов коммуникации, указанных выше. Международный статус английского языка определяет то обстоятельство, что 90% медиаинформации представлено именно на этом языке [1]. Одним из востребованных источников трансгуманистических идей являются английские трансгуманистические блоги (далее АТБ) с тегом «Anti-aging». Анализируемый нами корпус насчитывает 500 АТБ, рассмотрим лексико-грамматические особенности их текстов.

Лексические особенности английских трансгуманистических блогов с тегом «Anti-aging» представлены: 1) особым терминологическим аппаратом; 2) лексикой, описывающей внешность; 3) однородными членами предложения; 4) фразовыми глаголами.

1. При описании симптомов старения используется специальный терминологический аппарат, указывающий на проблемы со здоровьем: headaches (*головные боли*), poor sleeping (*плохой сон*), trembling (*дрожь*), cold and sweaty palms (*холодные и потные ладони*), exhaustion (*истощение*), weight gain/loss (*увеличение/потеря веса*), aches and pains (*боли и мучения*), dizziness (*головокружение*), indigestion (*расстройство желудка*), changes in appetite (*изменение аппетита*), grinding teeth (*скрежетание зубами*), racing heart (*колотящееся сердце*), muscle tension in neck/face/shoulders (*напряжение мышц шеи, лица, плечей*), diarrhea (*диарея*).

2. Сфера «Anti-aging» связана с внешним видом человека и отдельных участком его организма в частности, что объясняет обилие соматизмов: to look (*выглядеть*), glowing skin (*мерцающая кожа*), appearance (*внешность*), wrinkle-free face (*лицо без морщин*), youthful glow (*сияние молодости*), brown spots (*коричневые пятна*), scars (*шрамы*), open pores (*открытые поры*), oily skin (*жирная кожа*), redness (*краснота*), chipmunk cheeks (*бурундучьи щёки*), duck lips (*утиные губы*), light skin (*светлая кожа*).

3. Однородные члены предложения фигурируют в текстах АТБ при перечислении проблем со старением, средств по уходу, преимуществ и недостатков продуктов «Anti-aging». В предложении «The skin functions as a barrier between the environment and the body, and in doing so, it is susceptible to any of the ***smog***, ***dirt***, ***dust***, ***toxins*** and ***free radicals*** in the air» (*Кожа функционирует как барьер между окружающей средой и телом, и при этом она восприимчива к любому из смога, грязи, пыли, токсинов и свободных радикалов в воздухе*) однородные дополнения выражены негативными элементами, влияющими на кожу [3].

4. Фразовые глаголы наполняют тексты АТБ, заменяя глаголы официально-деловой лексики, что приближает стиль АТБ к разговорному: «It would make all my troubles go away» (*Это избавило бы меня от всех моих проблем*) [8].

Грамматические особенности английских трансгуманистических блогов с тегом «Anti-aging» представлены: 1) конверсией частей речи; 2) заменой «of-конструкций»; 3) риторическими вопросами; 4) условным наклонением; 5) временами группы «Continuous»; 6) конструкциями в страдательном залоге.

1. Конверсия как грамматическое явление выражается в словосочетаниях типа «имя существительное + имя существительное», где первый элемент становится прилагательным: «Too old or too young to do ***laser*** or ***radiofrequency*** treatments?» (*Слишком стар или слишком молод, чтобы делать* ***лазерные*** *или* ***радиочастотные*** *процедуры?*). Существительные «laser» (*лазер*) и «radiofrequency» (*радиочастота*) в комбинации с существительным «treatment» (*лечение*) становятся прилагательными «лазерный» и «радиочастотный».

2. Избегая «of-конструкций» (имя существительное в Им.п + имя существительное в Р.п.), авторы АТБ заменяют их словосочетаниями типа «имя существительное + имя существительное»: «body age» вместо «age of the body» (*возраст тела*), «skin healthy» вместо «healthy of the skin» (*здоровье кожи*), «skin cells» вместо «cells of the skin» (*клетки кожи*), «weight loss» вместо «loss of the weight» (*снижение веса*) [9].

3. Риторические вопросы как одна из грамматических особенностей текстов проявляется в текстах АТБ в качестве дополнительного индикатора взаимодействия автора АТБ с читателем: «But what is blue light and is it harmful for your skin?» (*Но что такое синий свет и вреден ли он для вашей кожи?*) [5]. В данном примере автор с помощью указательного местоимения «your» (ваш, твой) обращается к читателю, как будто призывая его к ответу, который может быть оформлен в виде комментария.

4. «Conditional Mood» (условное наклонение) проявляется в повсеместном употреблении «If-clauses» (условных предложениях): «**If** you are over 40, ceramide capsules will help to rebuild the lipid barrier» (*Если вам за 40, то керамидные капсулы помогут восстановить липидный барьер*) [7]. Условные предложения в текстах АТБ помогают авторам не только дать рекомендации читателям в определённых частных случаях, которые и выражаются с помощью «If-clauses», но и привести некоторые примеры использования средства «Anti-aging», его воздействия на человека.

5. Использование времён группы «Continuous» сообщают о продолжительности какого-либо явления в текстах АТБ. Например, в предложении «***Are*** your nails constantly ***chipping*** and ***breaking***?» (*Ваши ногти постоянно трескаются и ломаются?*) речь идёт о продолжительной проблеме с ногтями [4].

6. Распространённое среди текстов АТБ использование конструкций в страдательном залоге обусловлено неодушевлённостью средств «Anti-aging»: «Parabens ***are used*** in many beauty and skin care products as well as some deodorants» (*Парабены используются во многих косметических средствах и средствах по уходу за кожей, а также в некоторых дезодорантах*) [Там же].

Итак, лексические особенности текстов АТБ выражаются при помощи единиц особого терминологического аппарата, специфической лексики, однородных членов предложения, фразовых глаголов; грамматические особенности эксплицированы в использовании конверсии частей речи, замены «of-конструкций», риторических вопросов, условного наклонения, времён группы «Continuous», конструкций в страдательном залоге. Отсутствие

строгих рамок в лексическом, грамматическом, стилистическом оформлении языка текстов АТБ позволяет их авторам прибегать к определённым «языковым привычкам», свойственным конкретному авторскому стилю. Тенденция развития трансгуманизма, вовлечённого во все сферы жизни человека, в том числе и в медийную, обусловливает появление новых АТБ, анализ лексико-грамматических особенностей которых вносит значимый вклад в изучение строя современного английского языка и решение актуальных задач лингвистики.

Список литературы

1. *Кристал Д.* Английский язык как глобальный. М.: Весь мир, 2001. 240 с.
2. *Черкасова Н.В.* Лингвокультурологические характеристики блога как жанра Интернет-коммуникации // Вестник Челябинского государсвтенного университета. 2012. №5 (259). С. 164-168.
3. Anti Ageing Tips For Women. URL: https://mybestessentials.com (дата обращения: 19.10.2020).
4. Age Seamlessly. URL: https://ageseamlessly.com (дата обращения: 16.10.2020).
5. Best Anti-Aging. URL: http://bestanti-aging.com (дата обращения: 17.10.2020).
6. *Bostrom N.* A history of transhumanist thought // Journal of Evolution and Technology. Oxford University: Faculty of Phylosophy, 2005. Vol. 14, № 1. 25 p.
7. Lumity. URL: https://lumitylife.com (дата обращения: 19.10.2020).
8. Reddit. URL: https://www.reddit.com (дата обращения: 20.10.2020).
9. SkinTour. URL: https://www.skintour.com (дата обращения: 17.10.2020).

10.02.04

О.А. Мелентьева канд. филол. наук

Ивановский государственный университет,
кафедра иностранных языков,
Иваново, melentevaoa@ivanovo.ac.ru

СЛОВАРИ РИФМ ЧОСЕРА: ПРИНЦИПЫ ПОСТРОЕНИЯ

В статье рассматриваются принципы построения мега-, макро- и микроструктуры словарей рифм Чосера, которые могут быть рекомендованы лингвистам и литературоведам для изучения системы стихосложения писателя. В качестве материала исследования выступает справочник «A Rhyme Concordance to the Works of Geoffrey Chaucer», объединяющий свойства словаря рифм и конкорданса.

Ключевые слова: *чосеровская лексикография, словарь рифм, конкорданс*

К настоящему времени накоплен богатый опыт составления чосеровских словарей. В распоряжении чосеровской лексикографии находится более 70 лингвистических и энциклопедических справочников ко всему творчеству и к отдельным произведениям писателя. В течение трех веков словари языка Чосера составлялись преимущественно в форме глоссариев, практика создания которых уходит своими корнями в конец XVI в. Выдвижение глоссария в качестве доминирующей лексикографической формы не было случайным: неотъемлемой составляющей его микроструктуры является дефиниция, которая изначально отсутствует в конкордансах, стоявших у истоков западноевропейской писательской лексикографии [2, с. 26], так как основная функция словарей языка Чосера заключается в обеспечении адекватной интерпретации произведений писателя, хронологически все более удаленных от каждого последующего поколения читателей [3, с. 10].

Заметное повышение интереса к изучению истории становления английского языка и изменение профиля пользователя чосеровских справочников на современном этапе развития чосеровской лексикографии вызывают необходимость создания различных типов словарей языка художника слова наряду с глоссариями. Одну из групп подобных справочников составляют так называемые *словари рифм* Чосера.

Основное отличие данных лексикографических произведений от остальных чосеровских словарей состоит в реализуемой ими функции – они направлены не на описание лексики Чосера (например, экспликацию трудных слов или демонстрацию контекста употребления той или иной лексической единицы), а на изучение особенностей его системы стихосложения – в качестве входных единиц в справочниках такого рода выступают рифмующиеся элементы слов.

Появление такого рода справочных пособий в ряду чосеровских словарей не случайно. Среди исследователей творчества мастера слова прочно укоренилась точка зрения относительно того, что именно Чосер заложил фундамент английской поэзии, переняв опыт своих французских и итальянских современников.

В первую очередь это проявилось в обращении писателя к силлаботонике в английском стихе, что было новаторским решением для поэтического наследия Англии, где на протяжении нескольких столетий складывалась богатая аллитерационная традиция [1, с. 20]. Вкладом Чосера в развитие английской поэтической техники стало активное внедрение пятистопного ямба и создание так называемой *королевской строфы* (rhyme royal) – семистрочной строфы, имитирующей римскую октаву Боккаччо, в которой писатель сократил седьмую строку [5, с. 392].

Первые лексикографические труды, направленные на изучение системы стихосложения художника слова, появились в конце XIX в. Они составлялись в форме индексов к отдельным произведениям Чосера, например, *Ryme-Index to the Ellesmere Manuscript of Chaucer's Canterbury Tales. The Chaucer Society Publication* [4]; *Ryme-Index to the Manuscript Texts of Chaucer's Minor Poems* [6]; *Rime-Index to Chaucer's Troilus and Criseyde* [8].

Очередное лексикографическое произведение подобного рода вышло в свет только в 1994 г. в качестве приложения к самому полному чосеровскому конкордансу А. Ойцуми [7]. Возможная причина возобновления интереса лексикографов к рассмотрению данного аспекта языка Чосера была связана с общей тенденцией обращения составителей словарей к изучению фонетических особенностей словоупотребления писателей.

Основное отличие новаторского справочника А. Ойцуми от аналогичных словарей, выпущенных его предшественниками, состоит в том, что в вопросе выбора оптимальной лексикографической формы для своего словаря рифм он остался верен конкордансу.

Источником *A Rhyme Concordance* послужило авторитетное собрание сочинений Чосера *The Riverside Chaucer*, изданное в 2008 Л. Бенсоном и др. Круг адресатов данного лексикографического произведения определяется А. Ойцуми как широкий ряд пользователей – от студентов до специалистов, которые заинтересованы в изучении техники стихосложения писателя. Автор подчеркивает, что конкорданс рифм может помочь не только в исследовании поэтического мастерства Чосера, но и выявить различные варианты его произношения рифмующихся элементов [7, с. V].

Мегаструктура словаря включает руководство по использованию конкорданса рифм и список аббревиатур.

Макроструктура справочника унаследована от индексов рифм, созданных в XIX в. Его основная особенность состоит в том, что в словнике регистрируются не слова из произведений Чосера (как, например, в глоссариях и собственно конкордансах), а рифмующиеся элементы слов. Они расположены в корпусе в алфавитном порядке:

-**able** …
-**ables** …
-**ace is/-acis** …
-**acles** …

Особенно внимательного рассмотрения требует **микроструктура** конкорданса. Каждая словарная статья содержит одинаковый набор информационных категорий. Рассмотрим их на примере:

-**able** (57) -V-C-C-V
a-a (23) A.GP 99-100, 167-8, A.KN 1241-2, 3009-10,
A.MI 3571-2, D.WB 441-2, D.SM 1795-6, 1913-4 …
A. GP 99-100

Curteis he was, lowely, and **servysable**,
And carf biform his fader at the **table**…

a-b-**a**-b-b-c-c (1) E.CL 197-203.
E.CL 197-203 Noght fer fro thilke paleys **honurable**,
Wher as this markys shoop his mariage,
There stood a throop, of site **delitable**,...

a-**b**-a-**b**-**b**-c-**b**-c (1) B.MK 2599-606.
B.MK 2599-606

God for his manace hym so soore smoot
With invisible wounde, ay **incurable**,
That in his guttes carf it so and boot
That his peynes weren **importable**.
And certeinly the wreche was **resonable….**

Входная единица представляет собой рифмующийся элемент, для которого представлены все возможные схемы рифмовки в произведениях Чосера. В круглых скобках дается общая частота появления этого компонента в рифмованной позиции в поэзии писателя.

Безусловным достоинством справочника является то, что А. Ойцуми не просто обращает внимание пользователя конкорданса на факт существования того или иного рифмующегося элемента в языке Чосера, но демонстрирует многообразие схем рифмовки, применяемых мастером слова для создания различных видов строф. По-мнению А. Ойцуми, это может в значительной степени способствовать правильному прочтению его произведений. В данном случае рифмующийся компонент слова в схеме выделен жирным шрифтом: **a**-**a** (схема рифмовки, образующая дистих); **a**-b-**a**-b-b-c-c (королевская строфа Чосера).

Для каждой схемы рифмовки приводятся частотная характеристика и все существующие рифмы из сочинений Чосера, что позволяет выявить доминирование той или иной традиции стихосложения в его произведениях.

Немаловажным дополнением к конкордансу рифм А. Ойцуми является приложение *An Integrated Rhyme Word Index to Chaucer's Poetical Works*, в котором собраны все слова, находящие в рифмованной позиции в работах писателя. На наш взгляд, основное достоинство данного индекса состоит в принципах обработки его входных единиц. Автор не только предлагает пользователю перечень лексических единиц, формирующих рифму у Чосера, что было традиционным для индексов XIX в., но в то же самое время демонстрирует все возможные варианты его рифмовки с указанием их частоты и адреса в трудах мастера слова:

most (4/2)
ost (2): LGW F 1294; Rom B 3932.
ost/oost (2): Tr II 1368; IV 1621.

Приведенный пример снабжает пользователя следующей информацией: слово *most* появляется в произведениях Чосера в рифме четыре раза, из которых в двух случаях формирует рифму с рифмующимся элементом *ost*, и в двух других – с *oost.*

Словари рифм рассчитаны на достаточно узкую целевую аудиторию в связи со специфичностью предмета лексикографического описания, однако, для литературоведов и фонетистов, вовлеченных в исследование истории развития системы английского стихосложения, они станут незаменимыми справочными пособиями.

Список литературы

1. *Горбунов А.Н.* Чосер средневековый (серия «Разыскания в области филологии, истории и традиционной культуры»). – М.: Лабиринт, 2010. –335 с.
2. *Карпова О.М.* Очерки по шекспировской лексикографии. –Lambert Academic Publishing, 2014. – 236 с.
3. *Мелентьева О.А.* Словари языка Чосера в парадигме английской писательской лексикографии: Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Нижний Новгород, 2014. – 24 с.
4. *Cromie H.* Ryme-Index to the Ellesmere Manuscript of Chaucer's Canterbury Tales. The Chaucer Society Publication. – L.: N. Trübner & Co., 1875. – 260 p.
5. *Hart J.S.* A Manual of Composition and Rethoric: a Text-book for Schools and Colleges. – Philadelphia: Elderedge & Brother, 1881. – 395 p.
6. *Marshall I., Porter L.* Ryme-Index to the Manuscript Texts of Chaucer's Minor Poems. – L.: Published for the Chaucer Society by K. Paul, Trench, Trübner & Co.; Reprint edition, 1887. – 224 p.
7. *Oizumi A.* A Complete Concordance to the Works of Geoffrey Chaucer. 10 vols. – Hildesheim: Georg Olms Verlag AG, 1991–1992. – 9 510 p.
8. *Skeat W.W.* Rime-Index to Chaucer's Troilus and Criseyde. The Chaucer Society Publication. – L.: Kegan Paul, Trench, Trübner and Co., Ltd., 1891. – 92 p.

10.02.04

В.М. Насртдинова канд. филос. наук

Казанское высшее танковое командное училище,
кафедра иностранных языков,
Казань, vmnasrtdinova@mail.ru

КАТЕГОРИИ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ И РЕЧЕВЫХ ОБРАЗЦОВ (ЛЕ И РО), РЕЛЕВАНТНЫХ ДЛЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕМ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА ВО ВРЕМЯ TEACHER TALKING TIME

В работе рассмотрено лексико-семантическое содержание времени разговора учителя (TTT) при проведении занятия по английскому языку. На основе предложенной дихотомии auxiliary vocabulary – notional vocabulary представлена классификация ЛЕ и РО, используемых преподавателем, а также выделены категории ЛЕ, способствующих устойчивому росту языковых компетенций обучающихся.

Ключевые слова: *время разговора учителя, речевые образцы, лексические единицы, аутентичные коллокации.*

Teacher Talking Time, то есть время разговора учителя, является неотъемлемым компонентом повседневной практико-педагогической деятельности преподавателя английского языка. Согласно актуальным международным методическим стандартам, объёмы Teacher Talking Time (далее – TTT) должны быть максимально редуцированы с целью пропорционального увеличения времени говорения учащихся – Student Talking Time (STT). Например, официальный сайт Британского Совета (British Council) – международной общественной организации, являющейся одной из крупнейших интерактивных площадок обмена опытом по теории и методике преподавания английского языка, указывает, что одним из ключевых элементов многих современных подходов является сокращение объемов TTT настолько, насколько это возможно с целью предоставления обучающимся возможности говорить и учиться через говорение *(«One key element of many modern approaches is to reduce the amount of TTT as much as possible, to allow learners opportunities to speak, and learn from speaking»)* [2]. Однако, вместе с тем, вышеуказанный источник также содержит следующие методические предуведомления: преподаватель, осуществляющий мониторинг учащихся, работающих в группах и ведущих обсуждение, будет, вероятно, разговаривать довольно немного, ограничиваясь разъяснением задач и предлагая языковые единицы по запросу. Тот же преподаватель, осуществляющий вводную (индуктивную) презентацию грамматики, вероятно, будет больше говорить, поскольку он объясняет, иллюстрирует и проверяет понимание *(«A teacher monitoring students working in groups completing a discussion will probably do fairly little talking, limiting themselves to clarification of the task and offering language when requested. The same teacher leading an inductive grammar presentation will probably talk more, as they explain, illustrate and check understanding»)* [2]. Авторитетный методист CELTA Андреа Заким (Andréia Zakime) также отмечает, что время разговора учителя может являться бесценным источником (знания) языка для студентов *(«TTT can be an invaluable source of language to students»)*[3].Таким образом, нецелесообразно говорить о простом сокращении вербальной активности преподавателя на занятии; релевантным является вопрос оптимизации времени говорения педагога с непременным сохранением таких прагматических целей, как актуализация и семантизация лексико-грамматического материала и формирование устойчивых речевых компетенций.

Именно здесь обнаруживается известная лакунарность существующих на сегодняшний день междисциплинарных научных изысканий: в большинстве своём, они имеют методическую, а не лингвистическую направленность, и сосредоточены на квантитативном аспекте ТТТ (сколько говорить в той или иной ситуации образовательного взаимодействия), нежели на квалитативных показателях (какие категории ЛЕ и РО следует избрать для наилучшего достижения целей занятия). В рамках настоящей статьи, стремясь к преодолению недостаточной информационной обеспеченности в указанной области, мы сосредоточим своё исследовательское внимание на лингвистической и лексико-семантической стороне вопроса и рассмотрим конкретные речевые паттерны, необходимые для обеспечения роста языковых компетенций обучающихся. В качестве методологического основания исследования нами избрана восходящая к грамматике дихотомия auxiliary – notional [1, с. 48]: все существующие в английском языке глаголы принято подразделять на вспомогательные (также «глаголы-помощники»), не несущие смысловой нагрузки (auxiliary verbs) и смысловые, непосредственно обеспечивающие передачу смыслов, вербальный трансфер денотаций и коннотаций (notional verbs). Аналогичным образом можно произвести классификацию лексических единиц, клише и речевых образцов, звучащих в речи преподавателя на занятии: ряд из них носит выраженный сервисный характер, а при артикуляции таковых преподаватель выступает прежде всего речевым фасилитатором, а не самостоятельным актором коммуникации. Главным образом, это те фразы и реплики, которые принято относить к категории classroom vocabulary – т. е. короткие стандартизированные аннотации и указания, сопровождающие процесс обучения. Наклонение этих высказываний в большинстве случаев императивное, например: *“Open your books to page eleven”, “Write down these words”, “Answer the questions”, “Repeat after me”, “Work in pairs”*. Инструментальный характер этих и подобных речевых образцов для ситуации аудиторного взаимодействия педагога и обучающихся самоочевиден: они позволяют четко структурировать виды учебной деятельности, корректно обслуживают образовательный процесс, легки для восприятия, грамматичны. Однако возможность их интеграции в аутентичное (внеаудиторное, неучебное) коммуницирование минимальна – функциональный ареал фраз *“Match the items”, “Underline the word”* и других с очевидностью сведён к артифициальному, формализованно-игровому общению. Поэтому этот круг речевых клише мы предлагаем относить к категории auxiliary vocabulary – участвуя в формировании языковой компетенции учащихся, они, тем не менее, не могут быть в полной мере присвоены последними; выполняют вспомогательные задачи. Гораздо более тщательного рассмотрения требует круг ЛЕ и РО, относимых нами к группе notional vocabulary. Эвристический, когнитивный и прикладной потенциал этого круга лексем (в широком смысле слова) огромен. На первый взгляд, любые речевые паттерны, не относящиеся к описанной выше сервисной группе auxiliary vocabulary, могут быть автоматически отнесены к notional vocabulary, но это не вполне справедливо. Разумеется, обладание преподавателем богатым и разнообразным словарным запасом важно как таковое, но не менее важным является умение педагога формировать адекватную лексико-грамматическую наполненность собственных высказываний для продуктивного хода занятия по английскому языку (далее – АЯ). Рассмотрим конкретные категории ЛЕ и РО, необходимые для звучания в речи преподавателя АЯ во время ТТТ. Во-первых, исходя из понимания фактически отнологизирующей функции глагола в АЯ *(“you ARE a leader”*, “*he IS a writer”,*), не только самостоятельные знаменательные глаголы *(to think, to devise, to contemplate и др.)*, но и целые глагольные группы должны быть максимально реализованы в речевой деятельности преподавателя. Критически важным является употребление глагольно-предложных конструкций, во множестве представленных в речи носителей языка: *to tend to, to contribute to, to agree upon, to enshrine in, to be centered around, to gravitate towards*, а также сложных контекстных синонимов глагола to be (*proves to be, happens to be, appears to be*) и конструкций пересказывательности (*is believed to be, is said to be, are commonly seen as, are referred to as, are deemed advisable* и проч). Задачей преподавателя является не только

семантизация лексических оборотов и грамматических конструкций, но и валидная презентация инаковости логики языкового мышления (по сравнению, например, с русским языком). Например, носитель русского языка, привыкший к «собиранию» высказывания вокруг имени существительного, будет склонен перевести предложение «Их вклад в развитие этого проекта был значителен», придерживаясь логики родного языка: *"Their contribution to the development of this project has been considerable"*, тогда как более «нативным», в силу ведущей роли сказуемого, является вариант *"They have contributed considerably to the development of this project"*. Во-вторых, принимая во внимание значительную лексико-семантическую клишированность (стандартизацию) АЯ, следует уделять должное внимание *аутентичным лексическим коллокациям (authentic lexical collocations)* – т. е. таким комбинациям слов, которые при попытке самостоятельного словарного перевода могут быть переведены неадекватно, путем простого калькирования смысловых парадигм родного (русского) языка. Например, аутентичными коллокациями являются "strong tea", "tall tree", "heavy rain", "rich taste", "big mistake", "great fun" (сравним с распространёнными ошибками русскоязычных изучающих АЯ: "powerful tea", "high tree", "weighty rain", "deep taste", "large mistake", "big fun" и проч.). Для высоких компетентностных уровней коллокации также используются во множестве: "breaking news", "terrestrial rain", "plausible pretext", "reliable ground", "terminally ill", "ulterior motive", "burning issue", "daunting challenge" и многие другие. Широкое применение коллокаций в речи педагога ведёт к развитию языковой *наслышанности и* языковой интуиции учащихся, интенсивному росту словарного запаса, а также повышению качества неподготовленной речи (unprepared speech) за счёт присвоения большего количества контекстообеспеченных лексем в единицу времени. В-третьих, учитывая реализацию такой значимой функции ТТТ, как создание локальной языковой иммерсии, обосновано использование широкого круга устойчивых выражений коллоквиального характера, частотных для ситуаций повседневного диалога и полилога. В отличие от собственно идиоматических выражений (например, "once in a blue moon", "it takes two to tango" и др.), более типичных для констатирующих, повествовательных и описательных высказываний, такие реплики, как "Too bad!", "That's on me", "My fault!", "You don't say!", "Say no more!", "See you around!", "Come again?", "Been there, done that!" и прочие, им подобные, потребуют незамедлительной реакции коммуникантов, а значит, должны быть актуализированы педагогом через моделирование директного речевого взаимодействия со студентами. Должное внимание преподавателя к рассмотренным выше категориям ЛЕ и РО, а также адекватное насыщение ими ТТТ способствуют устойчивому повышению языковых компетенций учащихся.

Список литературы

1. *Иванова, И.П., Бурлакова, В.В., Почепцов, Г.Г.* Теоретическая грамматика современного английского языка. – М.: Высшая школа. – 1981, 287 с.
2. Teacher talking time. British Council. [Электронный ресурс]. – https://www.teachingenglish.org.uk/article/teacher-talking-time-0 (дата обращения 21.10.2020).
3. Zakime, Andreia What is TTT (Teacher Talking Time)? [Электронный ресурс]. – https://www.whatiselt.com/single-post/2017/09/15/What-is-TTT-Teacher-Talking-Time (дата обращения 21.10.2020).

10.02.04

Л.Г. Юсупова канд. педагог. наук

Уральский государственный горный университет,
Екатеринбург, lyalyax@bk.ru

ЯЗЫКОВАЯ И КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ КАРТИНЫ МИРА СКВОЗЬ ПРИЗМУ АНТРОПОМОРФИЗМА

Данная статья посвящена вопросам описания картины мира с помощью пространственных, временных, количественных, этических и других параметров. Автор убедительно доказывает, что на формирование картины мира влияют язык, традиции, природа, воспитание, обучение и другие социальные факторы. В статье делается акцент на тот факт, что каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации мира. Выражаемые в нем значения складываются в некую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка. Автор отмечает, что языковая картина мира организована по законам языка, а концептуальная – по законам физического мира. Автор выделяет также и антропоморфную языковую картину мира как составляющую целостной концептуальной языковой картины мира, очерченную и переданную средствами метафор, метонимий и фразеологических единиц

Ключевые слова: *языковая картина мира, концептуальная картина мира, концепт, когнитивные механизмы, антропоморфная языковая картину мира.*

В нашу задачу входит анализ лексических единиц с антропоморфными переосмыслениями и реконструкцией присущего носителю конкретной языковой картины мира цельного, хотя и ненаучного, наивного взгляда на мир. При этом акцент ставится именно на антропоморфическую целостную языковую картину мира. Это своего рода коллективная философия, которая навязывается, являясь обязательной для всех носителей языка. Таким образом, следует выделить также и антропоморфную языковую картину мира как составляющую целостной концептуальной языковой картины мира, очерченную и переданную средствами метафор, метонимий и фразеологических единиц. Оказавшись в лингвокультурной среде конкретного языка внутри соответствующего языкового контента, усваивая соответствующие реалии, индивид неизбежно попадает в синергетически развивающееся культурное и языковое пространство. Научное и обыденное познание постоянно взаимодействуют и взаимно обогащаются. Если обыденное познание формируется в ходе практической деятельности и направлено на решение прикладных задач, оно естественным образом предстает как некая совокупность знаний о мире, умений, навыков, накопленных человеком в рамках национальной картины мира. Научная картина мира как сплав понятийно-логического и рационального, представляя собой идеальный инструмент познавательной деятельности субъекта, также не чужда чувственного. В последнее время в рамках когнитивной лингвистики были сформулированы важнейшие задачи в области изучения человеческого фактора в языке, в том числе касающиеся того, насколько развитие языка зависит от культурной обусловленности того или иного языкового сообщества, какое влияние оказывает определенная языковая и концептуальная картины мира и др.

Картину мира можно представить с помощью пространственных, временных, количественных, этических и других параметров. На ее формирование влияют язык, традиции, природа, воспитание, обучение и другие социальные факторы. Язык и мышление представляют две самостоятельные области, которые тесно между собой связанные. При этом окружающий человека мир представлен в трех формах:

– реальная картина мира — объективная внечеловеческая данность, это мир, окружающий человека;

– концептуальная картина мира — это отражение реальной картины через призму понятий, сформированных на основе представлений человека, полученных с помощью органов чувств и прошедших через его сознание, как коллективное, так и индивидуальное;

– языковая картина мира — отражает реальность средствами языка, но не прямо, а через культурную картину мира [2].

Картина мира создается в результате познавательной деятельности человека и его способности отражать мышление, к важнейшим свойствам картины мира можно отнести целостность, а важнейшему элементу следует отнести смысл, к основным характеристикам которого относятся инвариантность, актуальность, субъективность, неполная экспликация, недоступность полного восприятия, динамичность. Картина мира отражает производное функционирование объективной реальности, существующее только в сознании носителей языка, представленное и развивающееся в специфической биоматериальной форме, которая являет собой язык. Отсюда человеческая система концептов является не зеркальным отражением мира, но отношением наших связей с окружающей средой. Человек в процессе своей материальной и духовной деятельности создает совершенно иной, новый мир, в котором реализуется он сам как личность.

Понятие «картина мира» широко употребляется в разных науках: философии, языкознании, физике и т.д. Данное понятие было выдвинуто в физике в конце XIX – начале XX в. Одним из первых этот термин стал употреблять Г. Герц (1918) применительно к физической картине мира, трактуемой им как совокупность внутренних образов внешних предметов, из которых логическим путем можно получать сведения относительно поведения этих предметов. Внутренние образы, или символы, внешних предметов, создаваемые исследователями, по Г. Герцу, должны быть такими, чтобы «логически необходимые следствия этих представлений были в свою очередь образами естественно необходимых следствий отображенных предметов» (Серебренников Б.А. и др., 1988: 12).

Между картиной мира как отражением реального мира и языковой картиной мира как фиксацией этого отражения существуют тесные отношения. Каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации мира. Выражаемые в нем значения складываются в некую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка [4].

В современной философии, как отмечает Т.Г. Смотрова, при определении термина «картина мира» необходимо иметь в виду следующие аспекты:

- картина мира занимает промежуточное положение между двумя полюсами: наукой и мировоззрением или же наукой и философией;

- картина мира является мировоззрением, заключая в себе тип социальной практики; - картина мира представляет собой вид философской рефлексии (неонатуралистическая концепция научной картины мира);

- картина мира представляет собой вид научного знания (сциентистская концепция научной картины мира) [9].

Интерес к языковой картине мира обнаруживается еще в трудах В. Гумбольдта, Боаса, Сепира и Уорфа. Как Уорф, так и его предшественники Боас и Сепир, признавая единые биологические и психологические основания языковых и мыслительных возможностей человека, считали приоритетным для лингвистики исследование различий, а не сходств между картинами мира в разных языках и культурах.

В конце XX в., когда появилось много философских и лингвистических работ, посвященных изучению языковой картины мира (работы Г. А. Брутяна, С. А. Васильева, Ю. Н. Караулова, Г. В. Колшанского, Е. С. Кубряковой, Р. И. Павилениса, Б. А. Серебренникова, Н. И. Сукаленко, А. А. Уфимцевой, М. Блэка, Д. Хаймса. и др.). Современная лингвистика определяет картину мира как глобальный образ мира, лежащий в основе мировидения человека, репрезентирующий сущностные свойства мира в понимании

ее носителей и являющийся результатом всей духовной активности человека (мир – это человек и среда в их взаимодействии; картина мира – результат переработки информации о среде и человеке. Э.Фромм отмечает, что без организованной и внутренне связанной картины мира … невозможно было бы ориентироваться в окружающей действительности [2].

М. Хайдеггер рассматривает картину мира «как сущностное понятие, означающее не картину, которая изображает мир, а мир, понятый как картина» [11].

Языковая картина мира заключает в себе вербализованную часть сложившихся в сознании человека представлений о мире – натурфактах, артефактах, биофактах и т.д. Кроме того, она включает совокупность сведений о системе языка и правилах, существующих в нем. Языковая картина мира – это важная составляющая часть общей модели мира в голове человека, интегрированная в некое целое и помогающая ему в его дальнейшей ориентации при восприятии и осознании мира [3].

Концептуальная картина мира шире и богаче языковой. Языковая картина мира организована по законам языка, концептуальная – по законам физического мира. Определяющим элементом языковой картины мира является семантическое поле, а единицами концептуальной картины мира – константы сознания. Концептуальная картина мира содержит информацию, представленную в понятиях, а в основе языковой картины мира лежат знания, закрепленные в семантических категориях, семантических полях. На взаимосвязь этих двух картин указывал Ю.С.Степанов, предостерегая, однако, от подмены одной картины мира другой: «Нельзя переносить языковую модель на предметную область культуры и, напротив, модель культуры на предметную область языка» [10].

Концепт является ключевым понятием в языковой картине мира, под понятием «концепт» подразумевают знание, структурированное во фрейм, а это значит, что он отражает не просто существенные признаки объекта, а все те, которые в данном языковом коллективе заполняются знанием о сущности (следует также отметить, что в математической логике (особенно в ее наиболее распространенной версии, принятой в системе Г. Фреге и А. Черча) этим термином называют лишь содержание понятия, таким образом, термин концепт становится синонимичным термину смысл.). Философская теория концепта, попав на филологическую почву, позволяет примирить существующие в современной лингвистике множественные гипотезы и разноголосицу мнений о сущности и функционировании концепта. Как справедливо полагают Ж. Делез и Ф. Гваттари, концепты – это кристаллы или самородки смысла – абсолютные пространственные формы [1]. Как справедливо отмечает С.А. Песина, для коммуникантов концепт становится понятен только через язык, однако природа концепта всё же ментальная, он, строго говоря, ненаблюдаем [6]. Слова, словосочетания, развернутые высказывания и описания выступают как средство объективации, вербализации концептов в случае коммуникативной необходимости. Если те или иные концепты коммуникативно релевантны, становятся регулярно предметом обсуждения в обществе, то они становятся языковыми знаками, получая стандартную языковую привязку. Если нет – остаются невербализованными, а в случае необходимости вербализуются описательными средствами. Сложность концепта состоит в наличии двусторонней связи между языком и сознанием, так как категории сознания реализуются в языковых категориях и одновременно детерминируются ими.

Две исследуемые картины мира одновременно объективны и субъективны (поскольку, строго говоря, у каждого значения есть свой автор), но в любом случае ведущим фактором является стремление человека с помощью лексических единиц отобразить свою картину мира. Субъективный образ объективного мира и индивидуальная картина мира, отраженные в речи, преломляются через коллективные сведения о мире, уже «пропущенные» через язык [3]. Кроме того, человек всегда стремится занять центральное место в своей картине мира, хотя и организует свое бытие по аналогии с законами окружающей среды, данными ему в ощущениях.

Картина мира (включающая как концепты, так и значения), формируемая в сознании человека и космологически ориентированная, являясь глобальным образом мира, «несет в себе черты специфически человеческого способа миропостижения». Вместе с тем, как справедливо полагает Б. А. Серебренников, любая создаваемая индивидом картина мира связана с возможностями воспринимаемого, поскольку не может быть создана на незнакомом человеку языке. Обе картины мира – концептуальная и языковая – должны быть не бесконечными, а обозримыми, т.к. в противном случае они были бы лишены целостности и превосходили бы мыслительные и языковые возможности человека. Б. А. Серебренников считает, что «обыденная/наивная картина мира, которая выражается в самой возможности мыслить явлениями природы, создается по антропоцентрическому канону [8].

Мы не совсем согласны с утверждением лингвистов о том, что отношение к действительности в наивном повседневном знании – это «стихийное отражение человеком окружающего мира» [7]. Обыденное знание (как и научное) структурируется в соответствии с определенными когнитивными механизмами (об этом см. ниже в разделах о метафорических переносах и сущностных особенностях фразеологизмов). Речь идет о таких известных механизмах, как схематизация, категоризация с когнитивными прототипами в центре категорий, когнитивное выделение (cognitive entrenchment), воплощение (embodiment) и др. К когнитивным механизмам относятся также процедуры, используемые для манипулирования ментальными репрезентациями – дедукция, поиск, сопоставление, извлечение и ротация [12].

Действительно, наличие «человеческого начала» в картине мира составляет ее основную характеристику, вскрывающую антропоцентрическую и антропоморфическую сущность процесса познания человеком окружающей действительности. При этом человек опирается на особенности своего виртуального и перцептивного аппарата, привнося индивидуальный компонент в значение и функционирование языковой единицы, а его знакомство с окружающей средой начинается с чувственного восприятия как процесса воздействия объекта на сенсорную систему, что одновременно соотносится с его виртуальностью (когнитивной и языковой).

Список литературы

1. *Делез Ж.* Что такое философия? / Ж. Делез, Ф. Гваттари. – М. : Ин-т эксперимент. социологии ; СПб. : Алетейя, 1998.
2. *Колшанский Г.В.* Объективная картина мира в познании и языке / Г. В. Колшанский. – М. : КомКнига, 2005. – 128 с.
3. *Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г.* Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.
4. *Маслова В.А.* Введение в лингвокультурологию. М., 1997.
5. *Маслова В.А.* Когнитивная лингвистика. — Мн.: ТетраСистемс, 2004.
6. *Песина С.А.* Ядро как базовый слой концепта. Интеллектуальный потнциал XXI века: ступени познания. Изд.: ООО "Центр развития научного сотрудничества" (Новосибирск). № 29, 2015 с. 66-71
7. *Радугин А.А., Радугина О.А.* Философия науки: общие проблемы. М. Библионика 2006.
8. *Серебренников Б.А., Кубрякова Е.С., Постовалова В.И., Телия В.Н., Уфимцева А.А.* Роль человеческого фактора в языке. – М.: Наука, 1988. – 416 с.
9. *Смотрова Т.Г.* Концепты «победа» и «поражение» в статической и динамической картинах мира: Дисс. … канд. филол. наук. – Таганрог, 2005. – 162 с.
10. *Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997.
11. *Хайдеггер М.* Язык / М. Хайдеггер. – С.-Петербург: ЭЙДОС, 1991.
12. *Thagard P.* The Brain and the Meaning of Life Paul Thagard. Editions. Paperback, 2010.

10.02.19 - ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

10.02.19

А.В. Абрегова канд. филол. наук, Р.Б. Кенетова канд. филол. наук, Р.А. Теуважукова

ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет
им. Х. М. Бербекова»,
социально-гуманитарный институт,
кафедра иностранных языков,
Нальчик, alla.abregova@yandex.ru

СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ

В настоящей статье проведено сопоставительное исследование глаголов движения в русском и английском языке в семантическом и когнитивном аспекте. Выделены их обобщающие и отличительные признаки. Проанализировано сходство и различие в выражении направленности действия глаголов движения. Перспектива решения проблемы изучения глаголов движения кроется в систематизации их морфологических характеристик.

Ключевые слова: *русский язык, английский язык, глаголы движения, сопоставительный анализ, семантико-сопоставительный анализ, когнитивно-сопоставительный анализ.*

Сопоставительный анализ глаголов движения в разноструктурных языках (русском и английском) в последнее время особенно вызывает интерес у лингвистов. Это связано с тем, что категориальное понятие «движение» выражается через две ключевые формы существования материального мира – пространства и времени. Посредством их, а значит и движения, выражаются практически все области человеческого бытия. Люди постоянно находятся в движении, что требует обязательного выражения или вербализации данных действий. Динамика современной жизни заставляет людей ускоряться, а значит, выражение действий через языковую культуру народа становится более сложной, принимая все чаще формы переносного смысла в различных контекстах.

При этом восприятие картины мира у разных народов имеет свои национальные особенности, так как по-разному видится и оценивается действительность. В связи с этим возникает много вопросов в процессе перевода глаголов движения с одного языка на другой с учетом всех нюансов разных языковых культур, тем самым усложняется перевод и процесс обучения английскому языку русскоязычных, и наоборот, поскольку в английском языке по сравнению с русским имеется сравнительно небольшое количество глаголов движения. Русский язык более богат глаголами, обозначающими движение (его способов, направления, перемещения и т.п.).

Актуальным настоящее исследование делает то, что сопоставление глаголов движения в русском и английском языке произведено с помощью семантического и когнитивного анализа. Семантико-сопоставительный анализ позволяет определить (проследить) национальную специфику того, как разные народы воспринимают и трактуют семантику движения. Когнитивно-сопоставительный анализ дает возможность рассмотреть категориальное значение глаголов движения, связывая «речевую деятельность носителя языка с его мыслительной деятельностью, что также необходимо для интерпретации семантики движения в разноструктурных языках» [4, с. 248], в контексте исследования – русского и английского языков.

В целом глаголы в обоих языках делятся на две большие группы: динамические (обозначают действие) и статические (обозначают состояние) [6, с. 105]. Динамические глаголы образуют более многообразную группу. Очевидно, что именно к ней и относится самая многочисленная группа – глаголы движения, относящихся к числу так называемых базисных глаголов [2, с. 580].

Важно уточнить соотношение глаголов движения и перемещения, поскольку в лингвистической литературе можно встретить, во-первых, их разделение, а во-вторых, отнесение то к одной, то к другой группе. В настоящем же исследовании принимается позиция Л. Теньера, согласно которой глаголы движения представляют собой любые глагольные слова, указывающие на смену местоположения субъекта в пространстве [5, с. 108].

И действительно, глаголы перемещения следует относить к одной из подгрупп глаголов движения, поскольку все глаголы движения в той или иной степени, или в том или ином виде, предполагают перемещение в пространстве, в английском: *to drive, to circle, to drag*; в русском: *ехать* (например, в машине), *кружить, тащить*. То есть глагол «ехать» означает перемещение на чем-либо из одной точки пространства в другую, глагол «кружить» означает перемещение в пространстве чего-либо относительно своего местоположения, глагол «тащить» означает перемещение чего-либо из одного пункта в другой.

В русском языке к группе «глаголы движения» относятся:

– глаголы несовершенного вида, находящиеся в двучленном соотношении и образующиеся от одного корня: *бежать – бегать, везти – возить, вести – водить, гнать – гонять, ехать – ездить, идти – ходить, катить – катать, лезть – лазить, лететь – летать, нести – носить, нестись – носиться, плыть – плавать, ползти – ползать, тащить – таскать;*

– а также множество других глаголов, которые такие пары не создают: *кружить, крутить, кидать, вертеть, качать, шагать* и т.д.

От глаголов первой группы с помощью префикса образуются глаголы совершенного вида, от которых в свою очередь образуются вторичные глаголы несовершенного вида [4, с. 249], например: *войти – входить, внести – вносить, пригнать – пригонять, заползти – заползать.* От второй группы образуются также с помощью префикса глаголы совершенного вида, но пару со вторичным глаголом несовершенного вида они образуют не всегда: *покружить, скрутить – скручивать, покидать – подкидывать, вертеть, подкачать – подкачивать, пошагать – пошагивать* и т.д.

Как видно, в русском языке группа глаголов движения представлена широко: это четырнадцать пар однокоренных глаголов несовершенного вида, находящихся в двучленном соотношении, плюс большой перечень других глаголов, а также префиксальные образования от них. В английском же языке глаголы движения имеют иную представленность.

В английском языке одному и тому же русскому глаголу может соответствовать разное число глагольных совпадений. Например, паре глаголов *«бежать»* и *«бегать»*, включая производные от них префиксальным способом глаголы, в английском языке соответствует всего один глагол to run, а глаголам *«везти»* и *«возить»* – целых шесть: *to carry, to convey, to take, to cart, to bring, to drive.*

Кроме того, в семантике глаголов движения двух сравниваемых языков имеются свои особенности. В русском языке больше выражена пространственная отнесенность глагола и его направленность, чем в английском языке.

С точки зрения направленности глаголы делятся на ненаправленные (двунаправленные и разнонаправленные) и направленные (однонаправленные). Глаголы ненаправленного действия означают, что действие завершено само по себе, то есть замкнуто. Для таких глаголов характерно нулевое окружение синтагматическими элементами. Направленность бывает объективной, адресной и обстоятельной. В английском языке особенностью глаголов движения является обстоятельная направленность [3, с. 34].

Вообще, направленность движения является важнейшим фактором его восприятия.

В русском языке направленность и ненаправленность выражается в соотношении пары глаголов движения, например: *идти – ходить, плыть – плавать* и др., то есть направленность движения выражается в оценке «куда-то конкретно в одну условную точку», а ненаправленность – «вообще, в целом, двигаться куда-то».

Двунаправленное действие означает перемещение в одну точку, там нахождение какое-то время и возврат обратно, а разноправленное действие не конкретизирует направление, то есть это некратная локализация объекта в пространстве.

Направленность действия в русском языке выражается главным образом с помощью использования различных префиксов. Именно эта морфемная специфика глаголов движения в русском языке делают данную группу глаголов очень представительной [1, с. 43].

В английском же языке для передачи направленного (однонаправленного) движения используются предлоги, наречия и послелоги (табл. 1).

Таблица – Различие в выражении направленности действия в русском и английском языках

Направление	Префиксы в русских глаголах движения	Послелоги (предлоги) в английских глаголах движения
Вверх	вз- / вс- (взбегать – взбежать, всходить – взойти)	up (to run up)
Вниз	с- (сбегать – сбежать, сходить – сойти)	down (to run down)
Вовнутрь	в- (вбегать – вбежать, входить – войти)	in (to come in)
Изнутри	вы- (выбегать – выбежать, выходить – выйти)	out (to run out)

Разнонаправленное движение содержится в семантике таких глаголов в русском языке, как: *блуждать, бродить, кочевать, путешествовать, скитаться,* и др. В английском языке: *to cruise, to gad, to hop, to meander, to ply, to ramble, to roam, to rove, to stroll, to tramp, to walk, to wander* и др.

Двунаправленное движение содержится в семантике таких глаголов в русском языке, как: *сходить, навестить, сбегать, съездить* и т.п. В английском языке: *to drop in, to pop across, to drop around, to run in, to visit* и др.

В английском языке за счет сочетания глаголов с послелогами могут возникать единые семантические единицы. Так, например, русский глагол «ходить» в английском языке имеет большую вариативность в зависимости от контекста употребления:

– *to walk* – двигаться пешком в каком-нибудь направлении;

– *to go* – направляться куда-нибудь с какой-то целью;

– *to attend* или *to visit* – направиться к кому-нибудь, чтобы его навестить или за чем-либо;

– *to follow* – следовать за кем -либо;

– *to head* – хождение автобусов и поездов, то есть по расписанию (в русском языке часто употребляется слово ходить: «когда придет автобус?», «поезд ходит по четвергам» и т.п.);

– *to run* или *to sail* – то же самое только относительно морских судов и моряков (ходят в море);

– *to play* – ходить (сделать ход) в какой-либо игре;

– *to tend* или *to take care (of)* – осуществлять уход за больным, ухаживать, заботиться.

Этот список не является исчерпывающим.

Таким образом, резюмируя результаты сопоставительного исследования глаголов движения в русском и английском языках в семантическом и когнитивном аспекте, можно говорить о том, что в обоих языках данная группа глаголов четко сегментируется. С учетом семантики выявлены общие черты: передача идеи изменения местонахождения в пространстве, указание на скорость, средство передвижения. Однако, в русском языке одним глаголом движения может выражаться множество различных действий относительно

различных объектов, в английском же языке глаголы или глагольные фразы (с учетом послелогов), описывающие движения, в этом плане применяются более консервативно. Их употребление более узконаправленно. При этом разнообразие глаголов движения в русском языке достигается широким применением префиксального способа словообразования.

Список литературы

1. *Баскакова, А.В.* Особенности работы с глаголами движения с учетом сопоставительной грамматики русского и английского языков / А. В. Баскакова – Текст: непосредственный // Вестник Ярославского высшего военного училища противовоздушной обороны. – Ярославль: Изд-во ФГК ВОУВО «Ярославское высшее военное училище ПВО» Министерства обороны РФ. – 2020. – № 2 (9). – С. 42–46.
2. *Брятцева, А.В.* Глаголы движения в английском языке / А. В. Брятцева. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – Казань: Изд-во «Молодой ученый». – 2016. – № 23 (127). – С. 579–581.
3. *Ильясов, И.О., Гаджиева, Л.Г., Мусаева, З.И.* О некоторых признаках сочетаемости глаголов движения современного английского языка в сравнении с русским / И. О. Ильясов, Л. Г. Гаджиева, З. И. Мусаева – Текст: непосредственный // Вестник тюркского мира. – Махачкала: Изд-во Дагестанского государственного педагогического университета. – 2017. – № 2 (12). – С. 32–36.
4. *Кенетова, Р.Б.* Глаголы движения в когнитивном аспекте (на материале русского и английского языков) / Р. Б. Кенетова – Текст: непосредственный // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – Нальчик: Изд-во Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук. – 2014. – № 6 (62). – С. 248–253.
5. *Омарова, Э.И.* Структурно-семантический анализ глаголов перемещения в английском, русском и даргинском языках / Э. И. Омарова – Текст: непосредственный // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. – Махачкала: Изд-во: Дагестанского государственного педагогического университета. – 2014. – № 4 (29). – С. 107–109.
6. Русский язык (как иностранный): учебник / Э. Н. Анохина, И. А. Антипова, Т. С. Павлова [и др.]; под общ. ред. проф. Т. Е. Токаревой. – Москва: ВУ, 2019. – 615 с. – Текст: непосредственный.

10.02.19

Е.Н. Азначеева д-р филол. наук, А.Г-Б. Салахова канд. филол. наук

ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет» (ЧелГУ),
факультет лингвистики и перевода,
кафедра романо-германских языков и межкультурной коммуникации,
Челябинск, aznacheeva.elena@yandex.ru, adelina-salakhova@yandex.ru

АНАЛОГИЯ КАК РИТОРИЧЕСКИЙ ПРИЕМ В РЕЛИГИОЗНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В статье анализируется использование аналогии и особенностей ее функционирования в религиозной коммуникации на материале православных богословских текстов. Аналогия рассматривается как риторический приём, в основе которого лежит рассуждение по аналогии и основными формами реализации которого являются развернутое сравнение и метафорический образ. Выявляется роль аналогии при разъяснении и назидании в религиозном дискурсе.

Ключевые слова: *аналогия; церковно-религиозный стиль; риторика; сравнение; метафора.*

Аналогия – один из приемов убеждения и воздействия в религиозной коммуникации, широко используемый как в канонических христианских текстах, так и в современной религиозной практике. В философии и логике аналогия определяется как сходство между лицами, предметами, явлениями, действиями по каким-либо признакам. При этом на основе сходства свойств, качеств либо параметров двух объектов делается вывод об их сходстве по другим параметрам [1, с. 15]. В процессе коммуникации принцип аналогии актуализируется как аргументированное выказывание, в основе которого лежит параллелизм разнородных явлений, сравнение их признаков, во многих случаях сопряженное с метафорическим образом.

Аргументированное высказывание, основанное на аналогии, является распространенным средством в таких сферах речевой деятельности, как в научном, педагогическом, публицистическом дискурсах и в религиозной коммуникации. В данной статье мы будем понимать аналогию и как когнитивный механизм, и как риторический прием, реализующийся посредством высказывания или фрагмента текста, в основе которого лежит рассуждение по аналогии.

Как метод познания аналогия позволяет на основе сходства объектов по одним признакам сделать вероятностный вывод об их сходстве по другим. Таким образом, главной функцией аналогии в научном познании является эвристическая.

В религиозной коммуникации аналогия помогает осуществлять дидактическую и персуазивную функции. Реализация дидактической функции обусловливает сходство религиозного и педагогического дискурсов, на которое обращает внимание В. И. Карасик. По мнению ученого, основная цель обоих типов дискурса состоит в социализации человека, в воспитании «члена общества, разделяющего систему ценностей, знаний и мнений, норм и правил поведения этого общества» [4, с. 213]. Их отличительной особенностью является назидательность, которая выражается в передаче поведенческих норм и правил представляемого адресантом общественного или государственного института, а также в непосредственном нравственном воздействии на индивида. Поэтому в религиозном дискурсе так велика роль наставлений, нравоучений, а также дидактических приемов, среди которых особое место принадлежит сравнениям, рассуждениям по аналогии и притчам.

Дидактическая функция реализуется в двух основных формах - разъяснении и назидании. Толкование, разъяснение используется в процессе передачи информации, при конкретизации отвлеченных идей и проблем, и аналогия, являющаяся важнейшей формой мышления, применяется здесь очень широко. На основе параллелизма явлений или ситуаций из различных сфер реальности аналогии позволяют, благодаря увиденному сходству, представить незнакомые явления как знакомые, помогая лучше понять и осмыслить проблему, а знакомое представить с новой, неожиданной стороны.

Широкое распространение аналогий в религиозной практике обусловлено трудностью для понимания и восприятия верующими истин Священного Писания. В Евангелии имеется много эпизодов, повествующих о том, как Иисус Христос использовал самые разные аналогии, в частности, когда учил народ при помощи притч. Например, аналогия с раскаявшимся блудным сыном указывает на язычников, выразивших желание последовать за Христом (Лк.15:11-32). Притчевые аналогии отличаются от обычных умозаключений по аналогии тем, что они не содержат эксплицитного вывода, поэтому для их понимания необходимо дополнительное толкование.

В основе аналогии лежит сравнение, которое позволяет установить сходство между объектами. Но, в отличие от сравнения, аналогия распространяет данное сходство и на новые свойства данных объектов: «Наблюдали ли вы, как дождь, напояя растения, оживляет их? Так живит и нас Дух Святой. Дождь не оживит растения, если не будет в них своей растительной силы; не поможет и нам Дух Святой, если мы сами не будем усиливаться» [8]. Кроме того, сравнение предполагает как сходство, так и различия, а аналогия учитывает только сходные признаки.

Метафора также содержит в себе аналогию в свернутом виде. Метафорический образ часто лежит в основе развернутой образной аналогии, которая преобладает в религиозном дискурсе в отличие от рациональной аналогии научного дискурса. Как указывают Х. Перельман и Л. Олбрехт-Тытека, «любая аналогия – за исключением тех, что представлены в застывших формах, подобно притчам или аллегориям, - способна спонтанно стать метафорой» [7, с. 253].

Частота аналогий в религиозной коммуникации во многом обусловлена аналоговой картиной мира христианства, согласно которой в основе мироустройства лежит единообразие принципов и все земные явления являются отражением божественной воли. Как говорится в «Аскетических опытах» св. Игнатия, «Наш ум, слово и дух, по единовременности своего начала и по своим взаимным отношениям, служат образом Отца, Сына и Святого Духа, совечных, собезначальных, равночестных, единоестественных» [9].

В зависимости от переносимого признака различаются аналогия свойств и аналогия отношений. При аналогии свойств объектом отождествления становятся два единичных предмета, а переносимыми признаками - свойства этих предметов. Аналогия отношений отличается тем, что уподобляемые предметы могут, не обладая сходными свойствами, иметь, тем не менее, сходные отношения с другими предметами [2, с.15].

В религиозной практике преобладает аналогия отношений, которая является относительно независимой от конкретной природы рассматриваемых явлений. «Как дыханием обнаруживается и поддерживается жизнь телесная – тот и жить перестает, кто перестает дышать, – так молитвой обнаруживается и поддерживается жизнь духовная, благочестивая; тот живет худо, порочно, кто молится мало и редко» [8]. Это способствует повышению образности речи, но уменьшает вероятность истинности умозаключений.

Наибольшее распространение получили аналогии, основанные на соотнесенности сферы природного и божественного, материального и идеального, обыденной и духовной жизни. Принцип двоемирия – один из основных в религиозном мироощущении верующих, которые, следуя потребностям обыденной жизни, в то же время соотносят повседневные явления материальной жизни с сакральным миром высшей реальности. Так, при разъяснении догмата о Боге и Троице проповедниками использовались аналогии с различными природными явлениями. Так, Григорий Богослов в своем 31 Слове пишет: «По примеру других

представлял я себе родник, ключ и поток, и рассуждал: не имеют ли сходства с одним Отец, с другим Сын, с третьим Дух Святой? Ибо родник, ключ и поток не раздельны временем, и сопребываемость их непрерывна, хотя и кажется, что они разделены тремя свойствами <…> Брал опять в рассмотрение солнце, луч и свет» [10, с. 131-132]. Кроме того, при изучении и постижении Святой Троицы использовались природные аналоги солнца и исходящих от него лучей и света, соотносимых с Отцом, Сыном и Святым Духом, а также огня и исходящих от него света и тепла.

Наряду с разъяснением, дидактическая цель предполагает также назидание, в основе которого лежит опора на христианские ценности, моральные ориентиры, на авторитеты, образцы и модели человеческого поведения и стиля жизни, которым должны следовать верующие. Поэтому большинство религиозных аналогий носит оценочный характер.

Так как высшими моральными авторитетами для христиан являются прототипические личности из истории христианства и жизни церкви, к числу главных конститутивных принципов религиозного дискурса относится прецедентность, которая основывается на наборе канонических прототекстов и прецедентных феноменов. Этим обусловлена роль прецедентности как одного из главных конститутивных принципов религиозного дискурса [3].

Использование проповедником механизма прецедентности в качестве аргумента позволяет верующим в процессе принятия решения руководствоваться примером авторитетной инстанции при аналогичной проблеме или в аналогичной ситуации. Прототексты, главными из которых являются эпизоды из Ветхого и Нового Заветов, жития святых, истории мучеников и праведников, примеры из современной церковной жизни, задают нормы, критерии и ценности, которые формируют поведение, подобающее христианину. Верующим предписывается следовать этим образцам и строить свою жизнь по аналогии с поведением религиозных прототипов.

В отличие от научной сферы, где в большинстве случаев используется строгая рациональная аналогия, в религиозном дискурсе аналогия часто имеет лишь относительное сходство с прототипической ситуацией по некоторым, иногда случайным свойствам и признакам. Прецедентные ситуации и ситуации современной жизни могут иметь между собой мало общего, однако они используются проповедниками для демонстрации образцов следования христианской этике. Перенос признаков одной ситуации на другую предполагает перенос качеств и поведения прецедентной личности на личность реципиента с целью убеждения и достижения у него нужного понимания и поведения в его жизненной ситуации. Поэтому дидактическая функция в большинстве случаев сочетается с персуазивной функцией.

Риторика опирается на два основных способа аргументации: - рациональную и нерациональную, или универсальную и контекстуальную [2, с.139]. Апелляция к рациональной сфере человека опосредована использованием фактов и логических доказательств, связанных с установкой на мышление и аналитическое рассуждение. Нерациональная аргументация осуществляется при обращении к эмоциональной сфере человека с использованием доводов, влияющих не только на разум, но и на психику человека в целом. Однако, по мнению А. А. Ивина, граница между этими двумя видами аргументации относительна [2].

В религиозной коммуникации психологический компонент аргументации выходит на первый план. Особенность этого вида аналогии – высокая эмоциональность, а также яркая, необычная образность, показывающая предмет или явление с новой или даже с неожиданной стороны.

Так, в проповеди, произнесенной в святой четверг пасхальной недели 2020 года патриарх Кирилл, призывая паству не посещать церковь во время пасхи из-за пандемии коронавируса, апеллирует к подвигу преподобной Марии Египетской, которая для искупления грехов десятки лет провела в молитвах в пустыне вдали от Иерусалима и Храма Гроба Господня. На примере Марии Египетской патриарх убеждает паству в том, что и «без посещения храма можно спастись» [6].

Развернутая аналогия между прецедентной ситуацией Марии Египетской и актуальной ситуацией из жизни российских граждан, вынужденных в период пандемии оставаться дома, возникает на основе сравнений по признакам: невозможность посещения храма, необходимость терпеть лишения и неудобства, одиночество, самоизоляция, которая в данном случае приравнивается к подвигу.

Развертывание аналогии подготавливает неожиданную, даже парадоксальную метафору «ДОМ – ПУСТЫНЯ»: «Но есть место, которое может стать пустыней, — это наш собственный дом. Давайте сделаем наши дома пустыней, давайте будем там возносить горячую молитву». [6]. Рассуждение по аналогии заканчивается эксплицитным выводом и призывом к верующим соблюдать карантин.

В отличие от поэтических метафор, которые реализуются в минимальном контексте, данная метафора подготовлена развернутой аналогией. В результате такие признаки значения лексемы «дом», как наличие пола, стен, потолка, нейтрализуются, а на первый план выдвигаются признаки замкнутости, изолированности и защищенности, сближающие дом с пустыней.

Образная аналогия в христианских текстах может служить не только для назидания и убеждения, но выполняет также текстообразующую функцию, поскольку способна организовывать целый фрагмент или даже композицию всего текста. В ряде случаев текст проповеди может содержать несколько аналогий, из которых одна, сквозная, охватывает весь текст, а другие, производные, иллюстрируют отдельные положения.

Таким образом, рассуждения по аналогии – распространенное средство разъяснения и убеждения, использующееся в православных проповедях. В основе аналогий лежит сравнение поведения верующих и ситуаций из современной жизни с каноническими христианскими фигурами и сюжетами для просвещения и воспитания прихожан. Наиболее частыми являются аналогии, основанные на соотнесенности сферы природного и божественного, телесной и духовной жизни, а также на параллелизме между библейскими персонажами и верующими с целью формирования у последних надлежащего поведения и отношения к духовным ценностям.

Список литературы

1. *Ивин, А.А., Никифоров, А.Л.* Словарь по логике. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1997. – 384 с.

2. *Ивин, А.А.* Основы теории аргументации : учебн. / А.А. Ивин. – 2-е изд. – Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2015. – 459 с.

3. *Ицкович, Т.В.* Прототекстуальность как конструктивный принцип религиозного стиля / Т. В. Ицкович // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. - 2018. - Т. 17, №2 1. - С. 6-16.

4. *Карасик, В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. - Волгоград, 2002. – 447 с.

5. *Митрополит Иларион (Алфеев).* Православные проповеди [Электронный ресурс]. Режим доступа : https://azbyka.ru/propovedi/propovedi-mitropolita-ilariona-alfeeva.shtml

6. Патриаршая проповедь в Неделю 4-ю Великого поста после Литургии в Храме Христа Спасителя [Электронный ресурс]. Режим доступа : http://www.patriarchia.ru/db/text/5613859.html

7. *Перельман, Х.* Новая риторика: трактат об аргументации / Х. Перельман, Л. Олбрехт-Тытека // Язык и моделирование социального взаимодействия. - М.: Прогресс, 1987. – 340 с.

8. *Путятин, Р.* Проповеди [Электронный ресурс]. Режим доступа : http://www.ubrus.org/data/library/

9. *Свт. Игнатий (Брянчанинов).* Аскетические опыты. Том II. О образе и подобии Божиих в человеке [Электронный ресурс]. Режим доступа : https://petru44o.livejournal.com/25311.html

10. Творения Святых Отцов в русском переводе. Том 3. Творения иже во святых Отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского. Ч. 3. – М.: Типография Августа Семена, 1844. – 324 с.

10.02.19

[1]С.З. Анохина канд. филол. наук, [2]Г.В. Вахитова канд. филол. наук

[1]Уфимский государственный нефтяной технический университет,
кафедра «Иностранный язык»,
[2]Башкирский государственный университет,
кафедра международного права и международных отношений,
Уфа, kashkadan@yandex.ru, v.guzel.v@mail.ru

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ И ПРЕДСТАВЛЕНИЕ СИТУАЦИЙ ЗРИТЕЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ

В статье рассматриваются ситуации зрительного восприятия во фразеологии и их роль в выражении культурной идентичности представителей английской и русской лингвокультур. Было выяснено, что фразеологический состав языка отражает культурную идентичность не только как фрагмент реальной действительности отдельного этноса, но менталитет народа в целом. Можно утверждать, что фразеологические единицы считаются своеобразным зеркалом культуры, отображающим общественное сознание людей, обычаи и традиции, и именно поэтому они являются ценным материалом для изучения вопросов языковой культуры. Также в статье исследованы ценностные картины мира англичан и русских, содержащих общие ключевые концепты, которые можно увидеть на примере фразеологических единиц.

Ключевые слова: *языковое сознание, зрительное восприятие, фразеологизмы.*

В парадигме современных лингвистических научных исследований, ориентированных на представление всех аспектов бытия человека через язык, особую актуальность приобретают междисциплинарные исследования, которые большое внимание уделяют концептам культурной идентичности личности. Идентичность личности формируется лишь в контексте коллектива и под его непосредственным влиянием, где язык и принадлежность к определенному социокультурному сообществу являются его важными компонентами.

Любые культурно-исторические трансформации в обществе отражаются в языковом пространстве, и чаще всего языковыми реалиями, которые постоянно обогащают и пополняют языковую систему, раскрывают процесс ее приспособления к новым потребностям коммуникации.

Методологической основой данного исследования являются работы В.М. Огольцева, А.В. Костина, В.Н. Телии и др., которые утверждают, что национальная самобытность языка получает самое яркое и непосредственное определение во фразеологическом фонде. Культурные особенности фразеологии привлекали внимание таких лингвистов, как Р. Ладо, А.Н. Баранова, Н.А. Рябининой, В.В. Воробьева и др., которые изучали языковые реалии и опирались на идею о накопительной способности языка, благодаря чему в языке отражается, хранится и передается опыт народа, формируя его языковое сознание.

Современные ученые занимаются исследованием и анализом конкретного вида идентичности ее особенностей и факторов, которые влияют на ее формирование. Однако роль языка в формировании того или иного вида идентичности продолжает оставаться объектом дискуссий. Более того в языкознании, культурологии и философии языка остается неисследованным вопрос о фразеологии как способе выражения культурной принадлежности.

Цель данной статьи – раскрыть роль фразеологизмов, показывающих ситуации зрительной перцепции как средств выражения языкового сознания, выявить национально-культурную специфику и особенности перевода фразеологизмов для обозначения концепта «зрительное восприятие».

Внешним проявлением идентичности является способ ее маркировки, то есть способ, который определяет наличие некоторых общих для группы, этноса знаков или символов. Для многих групп наиболее значимыми смыслами идентификации являются язык, религия, образ мышления, способ питания, стиль одежды и др. Стоит подчеркнуть, что человек не всегда осознает параметры своей культурной идентичности, но весь набор символов-маркеров закрепляет ее причастность к конкретной культуре. В частности, следует отметить двустороннюю связь между языком и идентификацией. С одной стороны, использование языка как культурного смысла и маркера является следствием идентификации, с другой, – существование языка является необходимым условием самоидентификации человека в культуре.

Культурная идентификация представляет установление духовной взаимосвязи между собой и своим народом, отношение к национальной культуре, принятие ее ценностей как смысла для себя. Обретение человеком определенной культурной идентичности осуществляется в процессе социализации личности, путем усвоения и принятия господствующих в данном обществе элементов сознания, вкусов, привычек, норм, ценностей [8, с. 176]. На основе устанавливаемой эмоциональной связи, а также перенимания в собственный внутренний мир образцов, норм, ценностей и восприятия их как собственных, индивид сопоставляет себя с другими. Все эти компоненты культуры тесно переплетены между собой и формируют единое поле, которое делает социальные взаимодействия понятными, упорядоченными и предсказуемыми. Эти ценности определяют приоритеты индивида и векторы дальнейшего развития [8, с. 176].

Язык является проявлением идентичности и рассматривается как составная, интегративная часть культуры, поскольку не существует без нее и вне практических навыков и идей, которые характеризуют наш образ жизни и социальный статус [4, с. 185]. Именно язык является одной из форм сохранения культурных ценностей народа, способом отражения представлений народа об окружающем мире и хранит память о значительных исторических событиях в жизни этноса.

Язык и культура являются двумя неотъемлемыми характеристиками этноса. А фразеологизмы, в свою очередь, выступают как знаки культурной идентичности, которые свойственны всем языкам. Фразеологический фонд языка – это зеркало, в котором отражается национальное самосознание общество и в любом языке оно имеет свои особые формы идентификации. Таким образом, фразеологический пласт наиболее выразительно раскрывает характер этнического сообщества, передает самобытное национально-культурное сокровище из поколения в поколение, отображает языковое сознание его представителей. Во фразеологии спрятана вся многогранность исторического бытия народа. Поэтому вполне естественно, что многие ученые обращаются к истории и этимологии фразеологизмов как ценного фактографического источника. По мнению лингвиста Б.А. Ларина, идеи народа, общественное устройство всегда опосредованно отражаются при помощи фразеологизмов [6, с. 156]. Так, исследование фразеологических единиц позволяет выявить специфические характеристики языка народа, раскрывая при этом концептуальную картину мира.

Языковые и концептуальные картины мира являются аксиологическими по своей природе, ведь они созданы человеком и составляют основу человеческой ментальности. Совокупность существенных для определенной культуры ценностных доминант, отражающих общечеловеческие ценности и определяют границы национальных культур, составляет ценностную (аксиологическая) картину мира. Способами выражения ценностных доминант служат языковые и концептуальные образования. Национальные ценности определенного народа представляют собой аксиологические ориентиры, которые определяют приоритеты духовной жизни и закрепляются в так называемых ценностных (ключевых) концептах. Изучение и сравнение концептосфер помогают раскрыть их неповторимость и исследовать, почему именно такие концепты стали ключевыми для определенной нации.

Понятийная часть концепта составляет основу лексического значения слова, а культурное наслоение содержит аксиологическая оценку, эмоции, ассоциации, образы. Это вербализирует этническую специфику, национальный дух народа, что позволяет выявить особенности ментального мира определенного этноса. Концептосфера является общим для нации психоментальным представлением, «духом народа», который, по В. фон Гумбольдту, невидимым ореолом сопровождает жизнь каждой нации [5, с. 125]. Концепты как единицы этнокультурной информации отражают мировосприятие предметов и понятий, обозначенных языком. В качестве примера рассмотрим фразеологизмы, обозначающие концепт «зрительное восприятие», которое является одним из ключевых для любого языка.

Концепт «зрение» широко представлен в английских фразеологизмах, которые отражают способность видеть, инструмент видения, объект зрения, условия и результат видения.

Итак, сначала рассмотрим фразеологизмы, обозначающие способность видеть. Данные фразеологизмы находят такие соответствия: «See right through smb» – «Видеть насквозь», «That’s obvious» – «Оно и видно», «Then we’ll see» – «Там видно будет».

Следующая группа фразеологизмов связана с инструментом зрительного восприятия – глазами, что является самой обширной группой. Такие фразеологизмы широко употребляются в ежедневной жизни, акцентируя внимание на качество зрительного восприятия, например: «Be all eyes» – «Глядеть во все глаза / Не сводить глаз»; «Collect eyes» – «Привлекать внимание»; «Catch smb’s eye» – «Поймать, перехватить, привлечь чей-то взгляд»; «By eye» – «На глазок, на глаз»; «An eagle eye» – «Зоркий, орлиный глаз»; «Give smb the beady eye» – «Косо смотреть на кого-л.»; «Глаз не оторвать» – «Fasten (fix) one’s eyes on»; «The evil eye» – «Дурной глаз»; «Look aside» – «Прятать глаза».

Объект зрения и результат видимости, представлены фразеологизмами, передающими в английском и русском языках направление и отрицательный результат видения: «Wherever you look» – «Куда ни кинь взгляд»; «It is pitch dark» – «Ни зги не видно»; «Lose sight of smb» – «терять из вида(у)»; «Vanish from view» – «Исчезать из вида(у)». Такие фразеологизмы, как «Look down at smb» – «Смотреть свысока / Смотреть сверху вниз»; «Keep your eyes open» – «Смотреть в оба» показывают условия видимости в двух языках.

Рассмотрев фразеологизмы, обозначающие концепт "зрительное восприятие " в английском и русском языках, можно заметить, что они тесно связаны между собой и остаются одними из ключевых ценностей и средств выражения для представителей каждого народа. Данный анализ позволяет сделать вывод, что именно глаза имеют особое значение в английской и русской культурах. Они ассоциируются со способностью привлечь внимание, раскрывают качественную характеристику индивида.

Следует отметить, что ценностные картины мира как англичан, так и русских, в целом содержат общие ключевые концепты, что можно увидеть на примере фразеологических единиц, однако каждая нация имеет присущие только ей ценностные приоритеты, которые сформировались исторически и могут быть специфическими по сравнению с другими культурами.

Итак, фразеологизмы являются своеобразным зеркалом культуры, в котором отражается языковое сознание народа, образ жизни, традиции и обычаи. Именно поэтому они служат ценным материалом для исследования вопросов культурной идентичности представителей определенного этноса.

Дальнейшие научные исследования требуют отражения языковой идентичности представителей разных этносов на фразеологическом уровне в переводческом аспекте. Перспективными являются исследования фразеологических единиц, используемых в средствах массовой информации, что позволит более полно показать особенности культур носителей языков, раскрыть общие и специфические характеристики представителей современного общества.

Список литературы

1. *Анохина С.З., Вахитова Г.В.* Интегративное исследование категории объекта в пространстве зрительного восприятия // Вестник Башкирского университета. – 2018. Т.23. №4. – С.1197-1202.
2. *Афанасьева А.Э.* Отражение во фразеологии разных языков специфики материальных культур // Проблемы идиоэтнической фразеологии: Доклады на межвузовском семинаре «Идиоэтническая фразеология романских, германских и славянских языков», 10-11 ноября 1999г. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И.Герцена, 2000. – Вып. 3. СПб., 2000. – С. 28-33.
3. *Брагина Н.Г.* Фрагмент лингвокультурологического лексикона (базовые понятия) // Фразеология в контексте культуры. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 131-138.
4. *Вендина Т.И.* Язык как форма реализации культурной идентичности // Культура сквозь призму идентичности. – М.: Индрик, 2006. – 424 с.
5. *Гумбольдт В.* О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Избр. труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – С. 37-296.
6. *Ларин Б.А.* О народной фразеологии // История русского языка и общее языкознание. – М.: Просвещение, 1977. – 223 с.
7. *Рябинина Н.А.* Когнитивная модель обонятельного восприятия (на материале фразеологизмов) // Периодическое научное издание Украины «Язык и культура» по филологическим дисциплинам. – Киев, 2004. Вып.7. Т.6. – С.288-294.
8. *Сепир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М.: Прогресс, 1993. – 350 с.

10.02.19

[1]Н.В. Арчахова, [2]М.Ю. Дайнеко, [2]И.И. Могилева канд. филол. наук

[1]Северо-Восточный федеральный университет имени М.К.Аммосова,
Институт зарубежной филологии и регионоведения,
кафедра иностранных языков по гуманитарным специальностям,
Якутск, archakhova@mail.ru,
[2]Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет,
кафедра иностранных языков с курсами русского и латинского языков,
Санкт-Петербург, mariadaineko@gmail.com, flan43@mail.ru

ВЛИЯНИЕ ОБУЧЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19 НА МОТИВАЦИЮ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ ВУЗОВ

Пандемия коронавирусной инфекции стала мощным вызовом для высшего образования во всем мире, затронув 90% всех обучающихся и потребовав максимальной адаптации учебного процесса к создавшимся условиям. Остро встала необходимость внедрения абсолютно новой модели образования, что связано с выбором оптимальных дистанционных образовательных платформ. В связи с этим мониторинг процесса обучения в плане удовлетворенности обучающихся представляет собой отдельный интерес.

Ключевые слова: *мотивация, иностранный язык, студент, неязыковой вуз, онлайн обучение, пандемия, коронавирусная инфекция,COVID-19.*

Актуальность выбранной темы обусловлена вынужденными и абсолютно неожиданными изменениями в подходе к обучению иностранным языкам и к образованию в целом в условиях пандемии в связи с распространением COVID-19. Если до объявления карантина использование информационно-дистанционных технологий и облачных платформ в образовании было крайне желательным, но не являлось обязательным компонентом, то в условиях карантина данные методы стали единственным средством обучения. Такая весьма резкая и абсолютно полная трансформация с упором на незнакомые методики преподавания вызвала вариативность реакций как у педагогов, так и у обучающихся. Как показывает практика, полярность мнений наблюдается и внутри группы студентов [1; 242]. По мере пролонгации карантина наступило осознание того факта, что обучение на облачных платформах становится не временным явлением, а постоянным методом обучения. Как следствие, возникла острая необходимость полностью пересмотреть подходы и методы к обучению, обеспечить технические условия для полноценной работы, приобрести актуальное оборудование – камеры, микрофоны, современные смартфоны и ноутбуки, без которых невозможно полное включение в работу качественного уровня. Равнозначной необходимостью стал перманентный доступ к высокоскоростному интернету, что, к сожалению, не всегда возможно в отдаленных регионах страны.

В связи с этим возникла идея выяснить, как полный переход на дистанционное обучение повлиял на мотивацию обучающихся по отношению к изучению иностранных языков. Нами был проведен опрос среди студентов Северо-Восточного федерального университета имени М.К.Аммосова (город Якутск). Целью исследования стало изучение изменение мотивации студентов в связи с переходом на дистанционное обучение. В совокупности в опросе принял участие 181 студент. Среди опрошенных 79,6% студентов женского пола, 20,4% - мужского. Возраст респондентов – от 17 до 25 лет. Самая многочисленная возрастная категория – 21 год (20,5%), 18 лет (17,7%), 19 лет (17,1%), 22 года (16,6%).

В результате проведенного анализа полученных данных выявлено следующее: 77,9% опрошенных пользовалось дистанционными технологиями до пандемии, из них 46,9% использовали технологии в образовательных целях, 28,5% для поиска полезной информации и только 14,6% - для игр и без определенной цели (по 12,3% соответственно). Также нами был задан студентам вопрос относительно того, применяли ли их преподаватели дистанционные технологии до пандемии в образовательных целях. На этот вопрос 63,5% студентов ответили положительно, однако только половина (55,1%) ответили, что им было интересно на занятиях с применением дистанционных технологий, а 63,3% посчитали, что такие занятия имели положительный эффект. В настоящее время наиболее используемыми преподавателями образовательными платформами являются облачная платформа Zoom (97,2%) и виртуальная обучающая среда Moodle (88,4%). Discord на третьем месте по популярности, однако им пользуются всего 9,9% преподавателей и студентов.

Что касается степени удовлетворенности работой на дистанционных образовательных платформах, то большинство студентов относится к их использованию нейтрально 62,4%, высокую удовлетворенность выразили 14,9%, а 12,7% чувствуют низкую удовлетворенность. 8,3% удовлетворены крайне низко. Тем не менее, 65,2% студентов считают, что работа на дистанционных образовательных платформах все же развивает уровень владения иностранным языком, примерно треть (34,8%) с ними не согласилась. 59,1% респондентов полагают, что уровень владения языком развивается средне и только 19,3% посчитали, что хорошо, а 6,1%, что очень хорошо, мнение остальных студентов разделилось между плохо (10,5%) и очень плохо (5%).

Половина опрошенных студентов (51,9%) оценили уровень доступа к Интернету как средний, достаточно высокий отметили всего 22,7%, а 18,2% - низкий. Более половины студентов подчеркнули, что качество подачи материала в дистанционном формате четко коррелирует с возрастными характеристиками преподавателя (59,7%), остальные студенты с ними не согласились.

Крайне интересным оказался тот факт, что 76,2% студентов не выразили желания полностью перейти на дистанционное обучение после отмены ограничений, связанных с пандемией, несмотря на то, что многие ответившие указали среди удобств существенную экономию времени на поездки в Университет и обратно, а также возможность заниматься в комфортных домашних условиях, не подразумевающих необходимости рано вставать и тратить время на дорогу, потенциальность обучаться из любой точки страны и низкую вероятность того, что во время карантина занятия могут пропасть. Следует отметить, для студентов из Якутии оказалось актуальным то, что пропала нужда выходить из дома в зимнее время года, когда на улице сильная стужа и холод.

Базовыми недостатками проведения занятий с помощью образовательных платформ респонденты назвали проблемы с интернетом, технические неполадки, ухудшение зрения и самочувствия, отсутствие живого контакта с преподавателем и однокурсниками, однообразие занятий, отсутствие желаемых условий дома (наличие шумовых помех, нехватка компьютера, нерабочая обстановка), отсутствие опыта и плохое владение преподавателями техническими средствами и неумение использовать все возможности облачных платформ, злоупотребление преподавателями СРС (самостоятельной работой студентов), обилие домашних заданий. В своих рекомендациях по усовершенствованию работы на дистанционных платформах студенты указали следующие моменты:

- острая необходимость обучить преподавателей максимально профессионально использовать разнообразные образовательные платформы, грамотно сочетая их;
- использование более удобных для обучения платформ, приложений и дополнительных ресурсов;
- разнообразие видов деятельности на занятиях;
- усиление контроля за усвоением материалов, возможно, при помощи дополнительных средств, так как не все студенты честно выполняют тестовые задания;

- обеспечение стабильного доступа к интернету для всех участников образовательного процесса.

Итак, проведенный в октябре 2020 г. опрос студентов позволил выделить ряд факторов, как положительного, так и негативного свойства, связанных с реализацией учебного процесса полностью в дистанционном формате. Среди положительных факторов студентами были отмечены такие как возможность посещения занятий в условиях карантина и отсутствие необходимости тратить время на дорогу и выходить на улицу в зимнее время. Однако, в целом негативных факторов оказалось больше. Во-первых, это ухудшение физического и психологического самочувствия. Многие отметили снижение остроты зрения и высокую утомляемость. Негативными последствиями в психологическом плане стали ощущение отсутствия связи с преподавателем и однокурсниками, а также стресс, вызванный техническими сбоями, отсутствием стабильной связи и большим объемом заданий для самостоятельной работы. Аналогичные негативные последствия отмечают и наши коллеги [2; 6]. Также учебе мешало отсутствие собственного рабочего места, посторонние шумы и нехватка технических средств, например, один компьютер на семью, когда приходится делить время работы с другими членами семьи. Достижению наибольшей результативности при онлайн обучении мешал тот факт, что процесс обучения реализовывался преподавателями и студентами с использованием бесплатных программных приложений и ресурсов с рядом ограничений, например, 40 минут многопользовательской видеоконференции в приложении Zoom. В неравной позиции оказались преподаватели разных возрастных категорий, что повлияло на реализацию учебного процесса. Вследствие преобладания негативных факторов большая часть студентов выразила нежелание остаться в дистанционном формате обучения после окончания карантинных мер.

Список литературы

1. *Каплина С.Е.* Образование в условиях пандемии covid - 19 // Новая наука: история становления, современное состояние, перспективы развития: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции (Уфа, 29 июня 2020 г). - Уфа, 2020. – С. 241-244.

2. *Климентьев Д.Д.* Опыт обучения иностранным языкам в вузе в условиях дистанционного образования: анализ и перспективы // Актуальные проблемы современного иноязычного образования. – 2020. - №11 – С.6.

3. *Мелкумова М.В.* Дистанционный формат обучения иностранному языку в условиях пандемии коронавирусной инфекции (covid-19) // Научные исследования и разработки: проблемы развития и приоритетные направления: сборник научных трудов по материалам Междисциплинарного форума. Москва, 2020. - С.39-44.

4. *Иванов Д.О., Александрович Ю.С., Орел В.И. и др.* Пандемия коронавирусной инфекции: вызов высшему медицинскому образованию и реагирование // Педиатр. - 2020. - Т.11. - Вып.3. – С.5-12.

10.02.19

Р.К. Ахметгареева канд. педагог. наук, М.К. Гулканян канд. филол. наук

Казанский государственный архитектурно-строительный университет,
кафедра иностранных языков,
Казань, rozateacher@mail.ru, mgerandmary@yandex.ru

ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК КАК ФАКТОР УСПЕШНОЙ АДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ К СОВРЕМЕННЫМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМ УСЛОВИЯМ

В представленной работе анализируется современная ситуация в системе подготовки современных инженеров. Подчеркивается, что выпускника-инженера необходимо вооружить дополнительным объемом знаний и сформировать новые компетенции, в том числе и умения профессионального общения, включающие иностранный язык. В условиях распространения коронавирусной инфекции «COVID-19» преподавателям необходимо проявить готовность к работе в «онлайн» формате, освоить и уметь работать в системах дистанционного обучения (СДО) «Moodle», платформе «Zoom».

Ключевые слова: *Инженерное образование, профессиональное общение, система дистанционного обучения, профессионально значимые учебно-речевые ситуации.*

На базе КНИТУ (КХТИ) 3 сентября 2020г. прошло открытие международной конференции в рамках Татарстанского нефтегазохимического форума – 2020, посвященного 100-летию ТАССР. Был организован круглый стол «Кадровое обеспечение предприятий нефтегазохимического комплекса: вопросы развития инженерной педагогики». В 2020 году конференция носит название «Инженерное образование в контексте будущих промышленных революций - Синергия-2020». Участники конференции приняли участие в совместном обсуждении современных мировых тенденций развития инженерного образования, новаций в подготовке инженеров с учетом потребностей реального сектора экономики.

Сегодня, говоря об образовании, часто употребляют термин «синергетика», имея в виду при этом образование, стимулирующее собственные, скрытые линии развития, которые проявляются как расширение ресурсов развития личности и интеграция целей педагогической деятельности на междисциплинарном уровне.

Участники конференции, анализируя современную ситуацию на рынке труда признавали, что для того, чтобы выпускник-инженер был конкурентоспособным, востребованным, его надо вооружить дополнительным объемом знаний и сформировать новые компетенции, в том числе и умения профессионального общения, включающие иностранный язык. Качественное и свободное речевое взаимодействие является неотъемлемой частью любой организаторской и управленческой деятельности, охватывает различные по уровню, содержанию и форме организации контакты, осуществляется в устной и письменной форме и опирается на знание таких дисциплин как психология, социология, иностранный язык, риторика и т.д.

Все это проходит в условиях, когда весь мир охвачен пандемией коронавируса «COVID-19». Образовательные учреждения с начала 2020года в таких жестких условиях запрета аудиторных занятий, введения режима самоизоляции были вынуждены в кратчайшие сроки перейти к занятиям в «онлайн» формате. Как отмечают многие преподаватели, образовательный процесс реально показал, что есть и затруднения в работе в «онлайн» формате. Учебные заведения не умели упаковывать контент, правильно его подавать аудитории, правильно выстроить взаимодействие с обучающимися в «онлайн» режиме. Многие преподаватели оказались не готовы и с технической точки зрения. На вопрос, что

мешает эффективному переходу на работу в «онлайн» формате были получены ответы: проблемы с компьютерной техникой и недостаток соответствующих знаний и навыков. Многим преподавателям пришло осознание, что на данном этапе обновление содержания современного высшего образования должно сопровождаться разработкой эффективных обучающих технологий.

Рассмотрим небольшой пример. Проведенный опрос преподавателей вузов показал, что многие из них на начальном этапе испытывали затруднения в работе с системой дистанционного обучения (СДО) «Moodle». Как показывают результаты опроса преподавателей вузов эта платформа широко используется многими учебными заведениями. Сочетая в себе грамотную структуру, гибкость и множество функций для организации дистанционного обучения, система «Moodle» очень проста в использовании. «Moodle» - это программное обеспечение, позволяющее преподавателю и студенту эффективно взаимодействовать в формате «онлайн».

Проводя занятия по иностранному языку, многие преподаватели КГАСУ отмечают прекрасные возможности образовательной платформы СДО «Moodle». Она является наиболее распространенной среди подобных программ и доступна на десятках языков. Данная платформа ориентирована на максимальное приближение дистанционной учебы к очному формату и на постоянное поддержание связи между преподавателем и обучающимся. Система очень мобильна, она позволяет педагогу создавать всевозможные веб-курсы и наполнять их учебным контентом. Элементами онлайн курсов выступают различные интерактивные задания, текстовые страницы, словари, ссылки, тестовые задания, файлы и многое другое. Программа легка в использовании: удобный интерфейс и возможность менять настройки под себя делают ее доступной и понятной даже неопытному пользователю Интернета. Преподаватели кафедры иностранных языков КГАСУ отмечают следующие особенности программного обеспечения: богатый функционал и простота использования; студенты могут настраивать и редактировать свои учетные записи; широкий набор составляющих для эффективного обмена информацией (учебно-методические материалы, презентации, терминологический словарь и другие); весь пройденный материал, как и контрольные работы, с комментариями преподавателя, сохраняются в системе, позже, по мере надобности, к ним можно вернуться; преподаватель постоянно находится на связи со студентами. Мы полностью согласны, что возможности СДО «Moodle» позволяют организовать качественное обучение на расстоянии. Тем не менее, надо понимать, что обучение в формате «онлайн», не позволяет полностью заменить ежедневный эмоциональный контакт с преподавателем во время традиционных занятий.

В данных условиях мы реально видим, что знание и хорошее владение иностранным языком является особенным профессиональным компонентом, именно он формирует конкурентоспособного специалиста в инженерной области. Подготовка современного инженера к общению с иностранными партнерами становится сегодня одним из важнейших показателей социально-профессионального статуса специалиста. При этом техническое двуязычие становится абсолютно необходимым значительному количеству инженеров. Именно свободное владение иностранным языком, умение читать техническую документацию на иностранном языке делает инженера конкурентоспособным, открывает перед ним хорошие профессиональные возможности.

Образовательный процесс, осуществляемый дистанционно во многих вузах по причине распространения коронавируса «COVID-19 должен быть максимально ориентирован на формирование у студентов готовности общения в иноязычной среде, чтения и понимания различной технической документации. При этом преподавателю, организующему занятия дистанционно необходимо в процессе обучения создавать определенную модель реального общения, организовать тренировку в речевом взаимодействии. На кафедре иностранных языков КГАСУ в системе дистанционного обучения также хорошо зарекомендовала себя платформа «Zoom». Данный сервис предназначен для проведения видеоконференций, онлайн-встреч и позволяет осуществлять дистанционное обучение. Программа хорошо

подходит для индивидуальных и групповых занятий. Студенты могут заходить в сервис как с компьютера, так и с планшета или с сотового телефона. К видеоконференции может подключиться любой, имеющий ссылку, или идентификатор конференции. На базе данной платформы хорошо себя зарекомендовали и оказались эффективным средством обучения иностранному языку на коммуникативной основе различные учебно-речевые ситуации. Под речевой (коммуникативной) ситуацией понимается ситуация общения, определяемая как совокупность обстоятельств, вызывающая необходимость обращения к речи в целях воздействия одного человека на других людей в процессе деятельности[2]. Ситуативный подход рассматривается в современной методике как средство реализации коммуникативного принципа в обучении. Воспроизводя эти условия на платформе дистанционного обучения «Zoom» с помощью учебно-речевых ситуаций, преподаватели могли получить от студентов высказывание с заданными параметрами. Такой способ получения высказывания гораздо совершеннее, чем широко распространенные пересказ, ответы на вопросы, изменение заданного готового текста и т. п., потому что он дает возможность будущему инженеру самостоятельно определять содержание своего высказывания, то есть действовать так, как действуют люди в реальном общении. В процессе использования на занятиях учебно-речевых ситуаций формируется языковая культура студентов, расширяется их лингвистический кругозор.

Список литературы

1. *Ахметгареев Р.А., Хацринова О.Ю., Ахметгареева Р.К.* Факторы и барьеры развития творческого мышления будущих инженеров в условиях современного вуза. // Сборник научных статей. Вестник№17. – Казань, КГТУ, 2011 – 230-234.

2. *Вайсбурд М.Л.* Использование учебно-речевых ситуаций при обучении устной речи на иностранном языке. - М.: Титул, 2001.-128с.

3. *Пассов Е.И.* Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению.- М., 1989.

4. *Ратнер Ф.Л.* Развитие межкультурной коммуникации в курсе обучения иностранным языкам в высшей школе // Лингвистические основы межкультурной коммуникации: Материалы международной научной конференции 14-15 ноября 2003 г. Н.Новгород: НГЛУ им. НА Добролюбова, 2003. С.42-44.

10.02.19

Д.Р. Гайнанова канд. филол. наук

Казанский государственный архитектурно-строительный университет,
кафедра иностранных языков,
Казань, dilyara2701@mail.ru

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО КОНЦЕПТА «АКЧА» (ДЕНЬГИ) В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Обзор современной научной литературы по языкознанию указывает на все более возрастающее количество трудов, посвященных изучению понятия концепт. Данная статья посвящена выявлению особенностей языковой реализации концепта «акча» (деньги) в татарском языке. Изучение этого концепта позволит определить культурные ценности татарской общности, вербализованные семантикой языковых единиц.

Ключевые слова: *концепт, акча (деньги), вербализация, лингвокультурология, татарский язык.*

Данная статья посвящена рассмотрению одного из значимых концептов татарской культуры – «акча» (деньги). На основе анализа лексикографических источников и паремий были рассмотрены особенности вербализации концепта «акча» (деньги) в татарском языке.

Рассмотрев ряд толкований концепта, согласно которым концепт не только мыслится, но и переживается, можно сделать следующий вывод: концепт дефинируется как культурно обусловленное смысловое образование, который базируется на понятийной основе, включающий в себя помимо понятия, образ и оценку.

Концепт «акча» (деньги) является базовым концептом татарской концептосферы. В результате проведения комплексного анализа лингвокультурологических особенностей концепта «акча» (деньги) были выявлены средства и способы вербализации данного понятия в татарском языке.

В структуру концепта входит все то, что и делает его фактом культуры – исходная форма (этимология); сжатая до основных признаков содержания история; современные ассоциации; оценки и т.д. Этимология раскрывает внутреннюю форму слова, «она – есть предыстория, дописьменная история концепта» [4].

Слово *акча* (деньги) зафиксировано уже в древнетюркском языке и имело значения *монета, деньга* [1:48]. В.В. Радловым зафиксированы следующие значения слова *акча* (деньги): *акча* (ак+ча): белый, беловатый; монета; деньги; *акчä*: монета; деньги; *акша*: беловатый; деньги [2:121-122].

Имеются две точки зрения на происхождение слова *акча* (деньги). Одни ученые придерживаются мнения об образовании *акча* от слова «белый, беленький». В этимологическом словаре Р.Г. Ахметьянова *акча* трактуется как «деньга, деньги» ист. «единица счета денег», основное значение «ак нәрсә» (нечто белое), т.е. «көмеш тәңкә» (серебряная монета) [5:52]. Существует и другая точка зрения на происхождение слова *акча* (деньги). Так, например, Г. Рамстедт возводил aqča к уменьшительной форме (афф. - ča) от древнетюркского *агы* (аγ1) «сокровище» [3:75].

Из вышеизложенного следует, что единой точки зрения по этимологии слова *акча* (деньги) не было. Однако большинство ученых придерживаются мнения, что *акча* (деньги) произошло от слова *ак* (белый).

Рассмотрим особенности семантической структуры ключевого слова концепта «акча» (деньги) на современном этапе. В современном толковом словаре татарского языка также отмечается многозначность слова *акча* (деньги). В словаре представлено три значения лексемы *акча* (деньги): 1) *Сату-алуда әйбер бәясенең үлчәве булып хезмәт итә торган*

металл һәм кәгазь билгеләр (букв. Металлические или бумажные знаки, являющиеся мерой стоимости товара в купле – продаже); 2) *күч. Капитал, байлык* (букв. перен. капитал; богатство); 3) *күч. кадерле нәрсә* (букв. перен. дорогая вещь, что-то дорогое, ценное) [6: 30]. Как видно из перечисленных значений, *акча* (деньги) для татарского народа интерпретировались не только как бумажные и металлические знаки, но и как богатство и ценность.

Результаты концептуализации культурного знания отражают синонимия, антонимия, синтагматика и словообразовательная деривация ключевого слова концепта.

Рассмотрим синонимический ряд слов, объединенных значением *акча* (деньги) на основе изучения семантических схождений и расхождений среди членов синонимического ряда. Исследуемый синонимический ряд выделен методом сплошной выборки из современных толковых словарей татарского языка. Сравнивая толкования слов, можно сказать, что для слов *сәмән* (капитал, деньги), *тәңкә* (монета), *тиен* (монета), *сум* (рубль), *көмеш* (серебро), *алтын* (золото), *бакыр* (медь), *керем* (доход) общим компонентом значения является слово *акча* (деньги). В семантике слов *тәңкә, тиен, сум* общим компонентом значения является *акча берәмлеге* (денежная единица), а у слов *капитал и мал – байлык* (богатство). При сравнении и анализе значений слов, можно заметить, что слова могут толковаться и друг через друга. Например, *тәңкә* (*биш тәңкә акча* – пять рублей) – *сум* (*ун сум акча* – десять рублей). Синонимы ключевого слова концепта «акча» (деньги) являются неполными, так как отражают только один из видов и функций денег в татарском языке.

Антонимия отражает особенности развития концепта «акча» (деньги) и ценностную шкалу, функционирующую в татарской лингвокультурной общности. Ключевое слово концепта «акча» (деньги) не зафиксировано в словаре антонимов татарского языка. Однако в словаре зафиксированы производные от данного слова: *акчалы – акчасыз* (денежный – безденежный). Данная антонимическая пара эксплицирует такие семы как *акчалы: бай, хәлле, маллы, дәүләтле, барлыклы, барлы, җитешле, мөлкәтле и др. – акчасыз: хәерче, хәлсез, малсыз, ярлы, юклыклы, юклы, җитешсез, мөлкәтсез* и др. В значениях данных антонимических пар соотносительным элементом является материальное положение.

Анализ языкового материала показывает, что синонимические ряды и антонимические пары слов могут определяться в качестве смысловых многомерных объединений.

В татарском языке «акча» (деньги) концептуализируется главным образом словообразовательными суффиксами. Данный способ словообразования является наиболее продуктивным. Само слово *акча* (деньги) образовано при присоединении суффикса *-ча* к основе *ак*. Таким образом образуется новое значение другого предмета: *ак* (белый, беленький, драгоценность и т.д.) + *-ча* = *акча* (деньги). В данном случае словообразовательный суффикс является простым и состоит из одного суффикса. При слиянии существительного *акча* (деньги) и суффикса *–лата* образуется наречие образа действия *акчалата* (деньгами). Суффикс *–лы* при присоединении к абстрактному существительному *акча* (деньги) образует прилагательное *акчалы* (с деньгами, при деньгах; денежный). Суффикс *–сыз* присоединяясь к основе *акча* (деньги) образует прилагательное *акчасыз* (без денег, не при деньгах; бесплатный, бесплатно). Словообразующий суффикс *–сыз* является антонимом суффикса *–лы*. При присоединении к одной и той же производящей основе данные суффиксы выражают антонимичные значения: *акчалы* (с деньгами, при деньгах) – *акчасыз* (без денег). Сложный суффикс *- сызлык* выражает недостаток в средствах, финансах, деньгах: а*кча* (деньги) + *-сызлык* = *акчасызлык* (безденежье). Таким образом, абстрактное существительное *акча* (деньги) в татарском языке концептуализируется следующими словообразовательными суффиксами: *-лы, -лата, -сыз, -сызлык*. Вышеупомянутые производные образуют словообразовательное гнездо с производной *акча* (деньги).

Специфические черты обыденного сознания этноса хранятся в паремиологическом фонде языка. Признание значимости денег, отношение человека к ним закреплено в пословицах и поговорках.

В паремиях, концептуализирующих деньги, выделяются три результатирующие: позитивная – *Акча булса, мал табыла (букв.* Если будут деньги, будет и имущество), негативная – *Акча аздыра (букв.* Деньги портят, развращают*)*, двусторонняя – *Акчаң барда сөярләр, акчаң беткәч сүгәрләр (букв.* Когда есть деньги – будут любить, когда деньги закончатся – будут ругать*)* и т.д.

Множество пословиц татарского языка о деньгах можно разделить на две группы: первая из них содержит пословицы, отражающие убеждение, что деньги играют могущественную роль в жизни человека. Смысл этих пословиц сводится к тому, что «деньги могут все», «деньги – благо»: *Акча булса – бар да була* (букв. Если есть деньги, все будет) и др. В другую группу входят пословицы, отражающие противоположное мнение «деньги – ничто», «деньги – зло». Например, они могут сбить с правильного пути человека: *Акча кешене сикертә (букв.* Деньги развращают человека) и др.

Паремии с лексемой *акча* (деньги) и ее репрезентанты *тиен, тәңкә, сум, алтын, көмеш, бакыр, мал, байлык* дают представление о ценностях и в тоже время антиценностях татарского народа. Анализ языкового материала показывает, что в татарских пословицах и поговорках о деньгах наблюдается противоречивость смыслов, что свидетельствует о двояком подходе людей к их оценке, отразившего опыт татарского народа в выборе между материальными и духовными ценностями.

Таким образом, в лингвокультурологическом понимании концепт «акча» (деньги) представляет собой многомерную единицу ментального уровня, которая структурирована научными, обыденными понятиями, представлениями, культурными установками, разнообразием содержания различных типов знаковых репрезентаций.

Список литературы

1. Древнетюркский словарь / В.М. Наделяев, Д.М. Насилов и др. – Л.: «Наука», 1969. – С. 48.
2. *Радлов В.В.* Опыт словаря тюркских наречий. В 4 т. Т. 1, ч. 1. – СПб, 1893. – С. 121 – 122.
3. *Сагдеева Ф.К., Гайнанова Д.Р.* Татарский концепт как объект лингвокультурологического анализа: монография. – Казань: ИЯЛИ, 2017. – 248 с.
4. *Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.
5. *Әхмәтьянов Р.* Татар теленең кыскача тарихи-этимологик сүзлеге. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2001. – 271 б.
6. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге. – Казан: Матбугат йорты нәшр., 2005. – 848 б.
7. Татар халык мәкальләре / Җыючысы һәм төзүчесе Н.Исәнбәт. Өч томда. – Казан: Татар. кит. нәшр., Т.3. – 1967. – 1013 б.

10.02.19

[1]А.Н. Гуров канд. филол. наук, [2]А.В. Пахарь канд. филол. наук

[1]Московский государственный лингвистический университет,
переводческий факультет,
кафедра испанского языка и перевода,
[2]холдинг «Вертолеты России»,
Москва, gurovan@inbox.ru, alexey-pak@yandex.ru

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИСПАНСКИХ ВОЕННЫХ ТЕКСТОВ

В работе рассматриваются особенности подстиля военных текстов как особой функциональной разновидности языка, исследуются его дифференциальные признаки. Основной акцент сделан на военных терминах испанского языка и их отличиях от русских военных терминов.

Ключевые слова: *военные тексты, военные термины, военные аббревиатуры, подстиль военных текстов.*

Язык военных текстов представляет собой очень сложное, неоднородное явление. Обусловлено это тем, что в военных текстах нашли свое отражение самые различные отрасли знаний, связанные с военным делом [3]. Поэтому военные материалы разнородны по своей содержательной направленности и коммуникативной функции. Их можно разделить на две большие группы: 1. тексты информационного содержания; 2. тексты, регламентирующие жизнь и деятельность войск.

К первым относятся военно-научные и военно-технические тексты, ко вторым – различного рода боевые документы (приказы, распоряжения, приказания, доклады, донесения, сводки и т.п.).

Однако, несмотря на имеющиеся различия военных текстов, все они объединены общей тематикой, терминологией и общим набором языковых средств. Эта совокупность общих признаков и позволяет выделить военные тексты в особую функциональную разновидность – подстиль военных текстов [3]. Как и в других функциональных разновидностях языка, в них, с одной стороны, существует ряд дифференциальных признаков, присущих только данному подстилю, а с другой – в них используются своеобразно преломляемые признаки других стилей.

Поскольку военные тексты образуют особую функциональную разновидность языка, то им присущи определенные дифференциальные признаки [1]: а) насыщенность текстов специальными терминами; б) использование большого количества различного рода аббревиатур и сокращенных обозначений; в) логичность и ясность изложения; г) динамизм высказывания; д) официальность изложения; е) безличность высказывания; ж) отсутствие образности; з) отсутствие эмоциональности.

Военные термины характеризуются, как правило, стилистической нейтральностью, независимостью от контекста и однозначностью в пределах определенной области военного дела [2]. При этом испанские военные термины имеют свои особенности и очевидные отличия от русских военных терминов:

1. В испанских военных текстах значительно чаще, чем в русских, используются терминологические синонимы. Например, русскому термину **ракета** в испанском языке соответствуют термины *cohete, misil, proyectil, ingenio, proyectil-cohete*; слово **танк** может переводиться как *carro de combate, tanque, vehículo acorazado, carro blindado.* Термину **стрельба** соответствуют испанские термины: *tiro, fuego, cañoneo, tiroteo, disparo,* etc.

2. Испанская военная лексика менее устойчива и менее терминологична, чем русская. Границы между военной терминологией и общеупотребительной лексикой в испанском языке более подвижны, менее строги, чем в русском. В испанском языке имеется большое

количество слов (терминов), которые обозначают не одно понятие, а несколько, причем эти понятия могут относиться как к различным областям военного дела, так и к различным сферам человеческой деятельности, т.е. слова могут выступать как термины и как нетермины. Так, например, слово *alcance* в военной сфере обозначает: **дальнобойность, дальность действия**, **дальность полета, радиус действия**, **досягаемость, дистанция**, а как нетермин может иметь значение **успех**, **достижение цели**, **способность**, **одаренность, значение**, **важность**. Слово *depósito* как военный термин выступает со значением: **магазинная коробка**, **база**, **хранилище**, **склад**, **сборный пункт**, как нетермин употребляется в значении **денежный вклад, осадок, бачок.**

3. Испанские военные тексты изобилуют терминами, заимствованными из английского языка, что обусловлено тесными связями как Испании, так и многих стран Латинской Америки с США в военной области. Особенно часто в испанских военных текстах используются заимствованные термины в таких областях, как ПВО, ракетная техника, радиоэлектроника, ядерное оружие:

*El **briefing** y **debriefing** para las tripulaciones tienen lugar en el Centro de Operaciones en Curso, desde donde se siguen, también en tiempo real, las evoluciones en vuelo de la aeronave.*

*Los socios del programa Eurofihter firmaron el contrato de mejora llamado **Phase 3 Capability Enhancement** cuyas entregas comenzarán este año y que contempla entre otras mejoras la integración del misil Brimstone 2 de MBDA.*

4. Для испанских военных текстов характерно наличие значительного числа безэквивалентных терминов-реалий, т.е. терминов, которые обозначают специфические военные понятия, отсутствующие в русском языке: *patrono* – национальный герой, который за свой вклад в обеспечение безопасности государства назначается символом воинской доблести; *tercio de infantería de Marina* – часть морской пехоты, соответствующая полку; *hijos de tropa* – дети военнослужащих от 8 до 14 лет, воспитывающиеся за счет государства и числящиеся в списках Вооруженных сил; *sahariana* – куртка, которая носится военнослужащими в районах с жарким климатом.

Термины-реалии характерны и для русского языка: **валенки** – *botas de fieltro*; **тулуп** – *capote de piel*; **шапка-ушанка** – *gorro de piel con orejas*; **дембель** – *soldado al que le queda poco tiempo de servicio*; **дедовщина** – *humillación a los jóvenes soldados*.

5. Заметно несовпадение объема значений одних и тех же терминов в испанском и русском военных текстах. Например, *ala* в испанском языке имеет больший объем значений, чем соответствующее ему слово **крыло** в русском языке; испанское *volar* шире по значению, чем русское **летать**; *zona* – шире по значению, чем русское слово **зона**; слово *unidad* – более многозначно, чем русский термин **часть.**

Одной из важных стилевых черт военных текстов является насыщенность их различного рода **аббревиатурами и сокращениями**. В испанских военных текстах аббревиатуры используются значительно чаще, чем в русских, при этом в испанском языке в отличие от русского одно и то же сокращение может иметь несколько значений. Так, сокращение "*R"* означает: *remolque, regimiento, regulación, remolcador, reparación, reservado, (puesto de) regulación.* Сокращение "*S" – sección, secreto, seguro, submarino, sur,* etc,

В то же время один и тот же термин в испанском языке может обозначаться различными сокращениями. Так, термин "*helicóptero*" имеет 4 обозначения: *H, He, Heli, Hol*, термин "*cañón*" имеет 5 обозначений: *C, Ca, Can, Cnr, Cn*.

Следует также отметить, что в испанских военных текстах используются заимствования из английского языка, сокращения, в частности в ВМС, для обозначения классов и типов кораблей, приобретенных в США (*BDK, LDK, AVT*, etc.) [5]. В ракетных войсках – для обозначения различных классов ракет (*AAM, ASM, SSM, SAM, SUN, UAM, USM, ICBM, IRBM, SRBM*) [4].

Военные тексты характеризуются также **логичностью и ясностью** изложения. Эта стилевая черта военных текстов полностью исключает двоякое толкование высказывания и реализуется как средствами языка, так и синтаксическим построением письменных

сообщений, их графическим оформлением. Одним из приемов реализации этой стилевой черты является деление текста на параграфы и пункты. Особенно четкое членение текста наблюдается в боевых документах.

Кроме того, для боевых документов характерно использование простых предложений, инфинитива и инфинитивных конструкций, а также абсолютных причастных оборотов вместо придаточных предложений:

Las fuerzas de las Naciones Unidas en Somalia serán retiradas ***una vez cumplida su misión*** *en la zona.*

Ясность изложения достигается также конкретной передачей понятий, явлений, операций, указанием конкретных исполнителей, четкостью формулировок. Достижению ясности изложения боевых документов способствует также и то, что все числительные, указывающие на количество частей, подразделений, боевой техники и т.п., пишутся прописью, что полностью исключает возможность принять их за нумерацию подразделений и частей.

Динамизм высказывания на уровне морфологии достигается широким использованием (особенно в боевых приказах, инструкциях, наставлениях) будущего времени в модальном значении и инфинитива для выражения побуждения к действию:

En 1994 ***se retirará*** *el batallón de señales y los civiles o los contingentes a nivel de batallones se encargarán del funcionamiento del centro de comunicaciones.*

Misiones de su unidad: ***organizar*** *en el centro de resistencia cuatro puntos de apoyo,* ***cerrar*** *a la penetración enemiga con dos puntos de apoyo,* ***montar*** *el escalón de vigilancia con entidad de tres secciones de fusiles...*

Другим синтаксическим средством достижения динамизма высказывания является употребление эллипсов (намеренный пропуск слов, не существенных для смысла выражения), которые особенно часто используются в боевых документах.

Официальность изложения достигается полным отсутствием каких-либо эмоциональных выражений или стилистических фигур [1]. Именно отсутствие образности высказывания в сочетании со строго выдержанным объективным тоном повествования, сухостью сообщения фактов, которые не вызывают никаких эмоциональных оценок, и придают военным текстам официальность.

Безличность высказывания выражается в том, что на первый план выдвигается само действие, а не его производитель. Основным реализатором безличности является использование форм пассивного залога и, в частности, местоименной пассивной конструкции, позволяющей сосредоточить основное внимание на самом действии.

Пассивные формы чаще всего используются в различного рода инструкциях, руководствах, описаниях операций, боевых документах:

... se llevará a cabo la operación con el apoyo del fuego de la artillería ...

... se efectuará el desplazamiento a la hora indicada.

Таким образом, стилевые черты, типичные для военных текстов, реализуются через определенные наборы элементов языка, а также с помощью синтаксического построения и графического оформления письменных сообщений. Нам представляется, что стилевая черта объединяет языковые стилистические элементы нескольких уровней языка включая и экстралингвистические средства, которые выполняют единую функцию, являясь реализаторами одного и того же дифференциального признака стиля.

Список литературы

1. *Григораш Э.В.*, Иноязычные заимствования в военном тексте: функционально-стилистический аспект: Автореф. дис. канд. филол. наук. – Москва, 2015. – 18 с.
2. *Нелюбин Л.Л.*, Перевод боевых документов армии США. - М.:, Воениздат, 1989, стр. 93-95.
3. *Мельцев И.Ф.*, Учебник военного перевода. Часть 1. – М.:, ВКИ, 1986, стр. 12-14.
4. https://www.defensa.gob.es/defensa_yo/glosario/ (дата обращения 20.09.2020).
5. https://nso.nato.int/natoterm/Web.mvc (дата обращения 10.10.2020).

10.02.19

Ю.И. Детинко канд. филол. наук

Сибирский федеральный университет,
институт филологии и языковой коммуникации,
кафедра теории германских языков и межкультурной коммуникации,
Красноярск, yuliyadetinko@gmail.com

МУЛЬТИМОДАЛЬНЫЙ ТЕКСТ КАК ПРЕДМЕТ АНАЛИЗА

В статье представлены подходы к изучению мультимодальности, в частности подробно рассматривается социально-семиотический подход. Раскрывается механизм анализа мультимодального текста с учетом разных семиотических ресурсов, или модусов коммуникации, обозначаются параметры, которые необходимо учитывать при анализе изображения. В качестве примера представлен анализ мультимодального текста из британской газеты Daily Mail.

Ключевые слова: *мультимодальный текст, мультимодальный анализ, семиотические ресурсы, модус коммуникации, анализ изображения*.

Термин «мультимодальность» прочно вошел в научный обиход, представляя важный аспект исследования неоднородных текстов массовой коммуникации. Под мультимодальными текстами понимаются тексты, объединяющие разные семиотические компоненты. К.Л. О'Хэллоран и Б.А. Смит отмечают, что мультимодальный анализ предполагает анализ коммуникации во всех ее формах, но в особенности занимается текстами, которые содержат взаимодействие и внедрение двух или более семиотических ресурсов – или модусов коммуникации – необходимых для того, чтобы реализовать коммуникативные функции текста [7].

К. Джюит [4, с. 28] выделяет три основных подхода к изучению мультимодальности:

– социально-семиотический подход к мультимодальному анализу (*social semiotic multimodal analysis*), связанный с именами Г. Кресса и Т. ван Ливена. Суть данного подхода заключается в выявлении смыслов через визуальные образы посредством таких параметров как представленные участники, модальность, композиция и взаимодействие участников.

– системный функциональный подход (*systemic functional approach*), известный также как мультимодальный дискурс-анализ (*multimodal discourse analysis*), рассматриваемый в работах М. О'Тула и К.Л. О'Хэллорана. Подход сводится к анализу систем значений (например, вертикальных линий, движения взгляда) для реализации метафункций – репрезентативной (эмпирической), модальной (межличностной) и композиционной (текстовой).

– мультимодальный анализ интеракции (*multimodal interactional analysis*), связанный с именами С. Норриса, Р. Сколлон и С. Сколлон. Суть данного подхода состоит в том, чтобы объяснить и описать, что происходит в рамках интеракции. С. Норрис отмечает, что «мы анализируем, как люди выражают себя и на что реагируют в определенных ситуациях, в которых взаимно конструируется процесс интеракции» [4, с. 33].

Хотя фокус представленных направлений отличается в зависимости от степени учета контекста, деятельности агента, внутренних связей между модусами и модальными системами, объединяющим условием всех трех направлений является рассмотрение мультимодального текста как единого целого с учетом всех входящих в этот феномен семиотических ресурсов, поскольку информация, воспринимаемая посредством разных модусов, интегрируется и перерабатывается реципиентом целостно [6].

В рамках данной работы мы опираемся на социально-семиотический подход к исследованию мультимодального текста. При этом важно понимать, что семиотические ресурсы включают в себя как материальные средства, модусы, так и нематериальные концептуальные средства, категории, которые формируют социальный и культурный мир [2, с. 83].

Мультимодальность предполагает выбор того или иного модуса в зависимости от средства передачи информации и поставленных задач. Так, например, «слова дают факты, объяснения, – то, что должно быть выражено ясно, недвусмысленно, в то время как изображения представляют разъяснения, идеологически окрашенные ракурсы, и они делают это не эксплицитно, а на основании намека, коннотации, апелляции к едва осознаваемым, почти забытым знаниям» [5, с. 136].

Д. Матисон отмечает, что Г. Кресс и Т. ван Ливен анализируют изображения, как если бы они были предложениями, включающими два основных элемента: 1) участников (существительное в простом предложении); 2) процессы (обычно глаголы). Участники в изображениях – это люди или объекты, которые выделяются как особые – либо в силу своей позиции (на передней части изображения), либо же благодаря уникальному способу использования цвета, размера или формы. Идентифицировать этих участников мы можем также благодаря тому, что они подразумеваются во втором элементе – в процессах [3, с. 164–165].

При анализе мультимодального текста важно учитывать, что лингвистические и визуальные значения основываются на одинаковых когнитивных механизмах: «где» и «что». Компонент «где» соотносится с дейксисом и идеей о «положении субъекта»; а компонент «что» представляет собой обозначение объектов, связанное с когнитивными фреймами и социокультурными знаниями; описание изображенных действий (процессов), соотносимых с когнитивными скриптами, что является культурно опосредованным параметром [1, с. 36].

П. Чилтон предлагает принимать во внимание положение реципиента и виды объектов, которые имеют «значение» для реципиента; «идеологическое» значение объектов для наблюдателя (анализируется посредством логических умозаключений и объяснений); точку зрения наблюдателя (определяется с помощью пространственной перспективы изображения и объясняется зрительной системой человеческого мозга); когнитивные операции, такие как метонимия (например, сумка для покупок), блендинг разных областей социальных знаний; эмоции, возникающие у наблюдателя (страх, сожаление, солидарность и т.д.). Исследователь отмечает, что положение реципиента может быть интерпретировано с точки зрения социальной значимости, иногда на основе метафоры, например, «смотреть свысока» (взгляд сверху вниз), «смотреть почтительно» (взгляд снизу вверх), «сходиться во взглядах», «конфронтация лицом к лицу» и т.д.; объекты и люди идентифицируются на основании социальных знаний, включая стереотипы [1, с. 36–37].

Т. ван Ливен, подчеркивая важность анализа взаимодействия между изображенными людьми (субъектами) и наблюдателем, предлагает учитывать три измерения: социальная дистанция, социальные отношения и социальное взаимодействие. Рассмотрим их более подробно.

Социальная дистанция на изображении, так же, как и в реальной жизни, маркирует межличностные отношения: мы держимся на расстоянии от незнакомцев и близки с родными. На изображении дистанция становится символичной: люди, показанные на дальнем плане, представлены незнакомыми, «чужими», в то время как люди, показанные крупным планом, представлены «одними из нас».

Социальные отношения – это положение, из которого мы видим человека на изображении. Положение может быть вертикальным, то есть мы смотрим на человека сверху вниз, на одном уровне или снизу вверх; и горизонтальным, когда мы смотрим на человека «в лицо» или со стороны. Эти положения выражают два аспекта социальных отношений между наблюдателем и людьми на изображении: власть и вовлечение.

Социальное взаимодействие, при котором мы анализируем взгляд изображенных субъектов на наблюдателя. Если они «не смотрят» на нас (наблюдателей), мы выступаем в роли пассивных зрителей, не участников взаимодействия. При этом люди на изображении как будто не осознают, что на них смотрят. Если же взгляд изображенных людей обращен непосредственно к нам, это можно интерпретировать как символическое требование. Люди на изображении хотят чего-то от нас, а что именно, часто актуализировано другими элементами изображения: выражением лица, жестами, положением тела и т.п. [5, с. 137–141].

Как правило, градация и многочисленные комбинации, допустимые этими тремя измерениями – дистанция, положение и взгляд, – могут помочь исследователю интерпретировать интенцию автора.

В качестве примера анализа рассмотрим мультимодальный текст из газеты *Daily Mail* от 10 августа 2013 года. Статья под названием *The fruit of my loins! Proud father shows the world his brilliant method for keeping his son cool... shorts and hat carved from frozen watermelon* представляет новость из Китая и рассказывает о необычном костюме, который придумал изобретательный отец для своего маленького сына. В период публикации статьи в Китае стояла очень жаркая погода и для того, чтобы как-то облегчить жизнь ребенка мужчина вырезал шорты из арбузной корки. Такой метод «охлаждения» стал очень популярным в Китае и привел к появлению и других модифицированных моделей одежды из арбуза.

Рис. 1 – Keeping cool: Fans of the watermelon suits say they're an eco-friendly way for babies to beat the heat

Где: Снимок сделан в домашней обстановке; мы видим комнату, позади малыша стоит детский манеж с игрушками.

Что: Главным действующим лицом снимка является ребенок в «арбузном костюме». Он находится в центре изображения, близко к наблюдателю. Судя по улыбке, непринужденной позе, а также взгляду в сторону, очевидно, что малыш как бы играет в переодевание в необычную «одежду» и вполне доволен этим занятием. Наблюдатель и ребенок находятся на одном уровне, позволяя зрителю почувствовать вовлеченность в процесс. Фотография вызывает положительные эмоции.

Подпись к изображению разъясняет «охлаждающую функцию» такой одежды (*keeping cool*) и делает акцент на ее экологичности при борьбе с жарой (*eco-friendly way for babies to beat the heat*).

При интерпретации изображения в сочетании с вербальными средствами мы выстраиваем анализ на основе видимых материальных предметов и подразумеваемых концептуальных знаний, которые помогают нам распознать замысел автора, а также учитываем согласованность невербальных средств с вербальной составляющей.

Таким образом, обращение к мультимодальному тексту требует от исследователя учета всех задействованных в тексте модусов коммуникации. Социально-семиотический подход при описании комплекса семиотических ресурсов позволяет принять во внимание такие параметры, как участники, модальность, композиция и взаимодействие участников. Представив таким образом разносторонний анализ мультимодального текста, исследователь может интерпретировать заложенную автором интенцию.

Список литературы

1. *Детинко Ю.И.* Политическая коммуникация: опыт мультимодального и критического дискурс-анализа: монография / Ю. И. Детинко, Л. В. Куликова. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2017. – 168 с.
2. *Кресс Г.* Социальная семиотика и вызовы мультимодальности // Политическая наука. – 2016. – Вып. 3. – С. 77–100.
3. *Матисон Д.* Медиа-дискурс. Анализ медиа-текстов. – Х.: Изд-во «Гуманитарный Центр» (О. В. Гритчина), 2013. – 264 с.
4. *Jewitt C.* Different approaches to multimodality // The Handbook of multimodal analysis [ed. by C. Jewitt]. – London: Routledge, 2009. – P. 28–39.
5. *Leeuwen T. van* Discourse and practice: New tools for critical discourse analysis / T. van Leeuwen, G. Kress. – Oxford: Oxford University Press, 2008. – 172 p.
6. *Leeuwen T. van* Discourse semiotics // Discourse studies: A multidisciplinary introduction [ed. by T.A. van Dijk]. – 2nd edition. – London: Sage Publications Ltd, 2011. – P. 107–125.
7. *O'Halloran K.L.* Multimodal text analysis / K. L. O'Halloran, B. A. Smith [Электронный ресурс]. – 2010. – URL: http://multimodal-analysis-lab.org/_docs/encyclopedia/01-Multimodal_Text_Analysis-O'Halloran_and_Smith.pdf (дата обращения 17.10.2020)

10.02.19

Н.В. Зотова канд. филол. наук

Технический институт (филиал) федерального государственного
автономного образовательного учреждения высшего образования
«Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова» в г. Нерюнгри,
кафедра филологии,
Нерюнгри, tyurikalova@mail.ru

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОЦИИ СТРАХА В РАССКАЗЕ R. BRADBURY «THE ELECTROCUTION»

Работа посвящена рассмотрению особенностей использования лексических и синтаксических средств для иллюстрации вербального и невербального выражения эмоции страха в художественном тексте на английском языке. В качестве материала исследования использовано художественное произведение R. Bradbury «The Electrocution». В рамках исследования выявлены наиболее активно используемые языковые средства выражения эмотивности.

Ключевые слова: *эмотивность, эмоция, синтаксис, эмотивный текст.*

Для современной гуманитарной науки в высокой степени свойственно проявление интереса к проблеме текстовой эмотивности. Данный интерес подтверждается рядом научных трудов, посвященных исследованию реализации категории эмотивности в текстах различной жанровой принадлежности. Так, вопросы изучения текстовой эмотивности освещаются в трудах И. Р. Гальперина, О. В. Александровой, О. Е. Филимоновой, Т. В. Адамчук, М. Х. Токмаковой и др.

Опираясь на определение, введенное В. И. Шаховским [5], и рассматривая эмотивность как свойство языка выражать эмоции посредством языковых единиц, можно предположить, что эмотивность наиболее ярко выражается в устной речи. Однако изучение языковых средств выражения эмоций не может быть полным без исследования эмотивного текста, которому свойственна высокая степень экспрессии, образности. Кроме того, в пользу исследования эмотивного текста также выступает и его фиксированная, стабильная форма. Возможность использовать все языковые уровни, возможности эмотивной компенсации (см. об этом: [1, с. 44]), в свою очередь, позволяет свести к минимуму помехи при восприятии информации.

В качестве материала для исследования был выбран рассказ выдающегося американского писателя Р. Брэдбери «The Electrocution», в котором поднимаются одни из ключевых тем в творчестве писателя – темы страха и смерти.

Исследование реализации категории эмотивности в рассказе Р. Брэдбери «The Electrocution» с учетом таких особенностей авторского стиля, как лаконичность и минималистичность, стремление выдавать только самое необходимое для повествования, опускание подробностей, деталей, описаний при сохранении психологической глубины произведения (см. об этом: [4]) вызывает определенный исследовательский интерес благодаря особому языку чувственного восприятия, который использует автор, чтобы передать эмоции опосредованно, не описывая и не называя их напрямую. Так, например, название рассказа «The Electrocution» уже вызывает определенный эмоциональный отклик. В английском языке словосочетание *electric chair* (электрический стул) обозначает, прежде всего, ***название приспособления*** для приведения в исполнение приговора о смертной казни с помощью электрического тока высокого напряжения, слово *electrocution* содержит в себе обозначение самой ***процедуры*** – казнь на электрическом стуле. В других контекстах, например, в автоматике или в технической сфере это же слово обозначает смертельное

поражение электротоком, смерть от электрического удара. Примечательно, что слово *electrocution* рифмуется со словом *prosecution*, которое означает привлечение к уголовной ответственности, уголовное преследование. Таким образом, уже само название рассказа вызывает эмоцию страха, связанного с ожиданием неотвратимого наказания, приближением смерти. Вероятно, улавливаемое сходство слов не случайно – в тексте Брэдбери использует в отношении главной героини, подвергающейся своеобразной казни, слово *criminal* (преступник, т.е. лицо, виновное в совершении преступления и признанное преступником по суду), к тому же выделенное графически.

В целом, произведение пронизано эмоцией страха. Однако автор зачастую не называет её, не выражает напрямую, но показывает ее в невербальных реакциях. Примечательно, что эмоция страха зачастую именно так выражается в реальности. Человеку, испытывающему страх, свойственно вести себя осторожнее и в то же время пытаться скрыть свой страх, заглушить его, казаться бодрее и увереннее. Подобные переживания создают стандартную невербальную схему, которая всегда срабатывает, так как в состоянии страха крайне сложно контролировать свое тело. Таким образом, происходит своеобразная «невербальная утечка информации» (см. об этом подробнее: [6]). Главным передатчиком информации, по мнению П. Экмана и У. Фризена, является лицо, так как является наиболее подвижной и видимой частью тела. Однако в стремлении скрыть свой страх люди стремятся контролировать именно лицо как самый очевидный источник утечки информации. Таким образом, действительные переживания человека чаще всего выдают трудно контролируемые движения других частей тела – вздрагивания тела, губ или век, необычный блеск глаз, суетливые движения или, наоборот, ступор.

Из вышесказанного возможно сделать вывод, что выражение эмоции не может быть сведено только к вербальным или невербальным действиям. О том, что эмоция – это реакция всей личности (включая самоотчет человека о переживаемом состоянии и изменения вегетативных показателей) на те ситуации, к которым она не может адаптироваться, писал еще П. Жане [3]. Ранее идеи о связи эмоций с физиологическими реакциями организма высказывались, например, Аристотелем и Р. Декартом.

Следует заметить, что Р. Брэдбери в рассказе умело сочетает вербальное и невербальное выражение эмоции страха. Так, например, в рассказе использовано очень большое количество слов для передачи нервного напряжения, которое выражается через дрожь (*shiver, trembling, shaking, quivering*), резкие вздрагивания, вздохи (*gasp, jerking, twitching, convulsively*), зажатость, скованность, напряженность (*tense, shrunken, stiffened, shuddered, clamped lips, clenched, stirred, fists tightened, sank upon*). Примечательно, что в данные группы собраны реакции двух героев рассказа. Главная героиня испытывает страх, но пытается спрятать его и казаться спокойной и хладнокровной куклой, которой привык ее видеть муж. Подобный образ куклы часто применяем в творчестве Р. Брэдбери и находит свое отражение исключительно в значении несвободы и страха (см. об этом: [2]). За ревностью и агрессией мужа главной героини, так же прячется страх потерять свою куклу – инструмент для заработка и жену в одном лице. Таким образом, испытывая страх, один герой пытается спрятаться, другой выбирает нападение.

Интонационные изменения в репликах героев, выражающие нервное напряжение, в тексте компенсируются с помощью синтаксической организации предложений и графического оформления.

Высказывания героев в рассказе «The Electrocution» преимущественно краткие, отрывистые, усеченные, часто используется эллипсис, парцелляция: «It’s nothing. Go on! Now!» [7, p. 59], «Damn it, *tonight*!» [7, p. 60-61], «*Miss* him?» [7, p. 61], «“Afraid?” he wondered quietly. “What of?” He snapped the straps around her ankles. “Don’t be afraid. Good clean electricity”» [7, p. 62]. Суетливость, порывистость действий, стремление «заговорить» страх выражается с помощью различных видов повторов: «"What's the matter?" he said. "Nothing, nothing, Johnny." "What was that you pulled out there just now?" "Nothing, nothing." "Nothing, nothing," he said. "Like hell it is." His face twisted. "Like hell! You haven't done

anything like that for years!"» [7, p. 60], «"Please, please, Johnny. I was nervous." <…> "Nothing, Johnny, nothing." He grabbed her hair. "Please!" [7, p. 61].

Следует отметить, что для выражения эмоций персонажей в тексте также использованы междометия и фразеологические единицы: *damn you, my God, damn it, like hell, please, oh, great.* Однако, несмотря на высокий потенциал выражения эмотивности, подобных единиц в тексте встречается сравнительно мало, и данный способ выражения эмоций нельзя назвать доминирующим.

Подводя итоги, следует отметить, что реализация категории эмотивности в рассказе не ограничивается вербализацией эмоций или описанием состояний, переживаний и чувств. Физические реакции, невербальные действия персонажей, представленные в тексте, обладают не меньшим выразительным потенциалом, чем вербальные реакции, и способны так же содержать значительные пласты эмотивной информации.

Список литературы

1. *Зотова Н.В., Кондратьева Н.В., Зайцева Т.И.* Категория эмотивности в современном удмуртском языке (на материале художественной прозы): Монография / Н. В. Зотова, Н. В. Кондратьева, Т. И. Зайцева; под общ. ред. Н. В. Кондратьевой – Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет», 2020. – 156 с.
2. *Иванова П.С.* Феномен карнавала в раннем творчестве Р.Д. Брэдбери // Культура народов Причерноморья с древнейших времен до наших дней: материалы конференции: XLII Международные научные чтения (19-20 апреля 2017, г. Симферополь) / ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского». – 2017. С. 142–147.
3. *Ильин Е.П.* Эмоции и чувства. – СПб.: Питер, 2001. – 752 с.
4. *Литвинова В.В.* Индивидуально-авторские концепты в структуре художественного мира Рэя Брэдбери: дис. …канд. филол. наук. – Волгоград, 2009. – 234 с.
5. *Шаховский В.И.* Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 208 с.
6. *Экман П. Фризен У.* Узнай лжеца по выражению лица. – СПб.: Питер; 2017. – 320 с.
7. *Bradbury R.* The Electrocution // Quicker than the Eye. – London, HarperCollins. 2014 – P. 56–
8. [Электронный ресурс] URL: https://www.litres.ru/static/or4/view/or.html?cover=%2Fpub%2Fc%2Fcover%2F39802257.jpg&art=39802257&trials=1&or_auth_reg=0&uuid=f5918b61-02df-11e9-9e03-0cc47a520474&baseurl=%2Fpub%2Ft%2F39802257.&file=56544286&user=789568264 (дата обращения: 08.10.2020).

10.02.19

Л.В. Иванова, Г.С. Стренадюк канд. педагог. наук, Т.С. Талалай канд. филол. наук

Оренбургский государственный университет,
факультет филологии,
кафедра немецкой филологии и методики преподавания немецкого языка,
Оренбург, chigorinal@mail.ru

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ТАКСИСНЫХ ОТНОШЕНИЙ НЕСТРОГОЙ РАЗНОВРЕМЕННОСТИ И НЕОПРЕДЕЛЕННО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

Статья посвящена исследованию таксисных отношений нестрогой разновременности и неопределенно-хронологических отношений. На сегодняшний день эти отношения представляют особый интерес в современной лингвистике, так как в немецком и русском языках способы выражения временных отношений отличаются ввиду особенностей грамматического строя языков.

В ходе исследования, проведенного на материале произведений художественной литературы, удалось выявить наиболее частотные способы и средства выражения таксисных отношений нестрогой разновременности и неопределенно-хронологических отношений в немецком языке. Авторы приходят к выводу, что формирование таксисных отношений нестрогой разновремённости и неопределенно-хронологических отношений происходит в результате сложного взаимодействия разноуровневых языковых единиц.

Ключевые слова: *таксис, таксисные отношения, отношения нестрогой разновременности, неопределенно-хронологические отношения.*

Изначально под таксисом понималась категория, которая была ориентирована на семантику высказывания [7, с. 101]. По мнению В.С. Храковского, категория таксиса воплощается, как правило, в би- и полипредикативных конструкциях, где прослеживается временная локализация одной ситуации по отношению к другой [6, с. 20]. А.В. Бондарко дефинировал семантику категории таксиса в качестве временного отношения между действиями (в широком смысле, включая любые значения предикатов) в рамках единого ограниченного периода времени, включающего значения всех компонентов, выражаемого в высказывании полипредикативного комплекса, склоняясь тем самым к узкой семантической трактовке [1, с. 237]. Однако позже он меняет свою точку зрения на категорию таксиса, рассматривая семантику сопряженности действий как инвариантный признак, объединяющий отношения одновременности/неодновременности, обусловленности и характеризации. Отрезок времени, реализующий таксисные отношения, коррелируется с одним из временных планов – прошедшим, настоящим или будущим. Таксис служит выражением одновременности, предшествования, следования, обусловленности «по отношению к любой ситуации, эксплицитно или имплицитно заданной контекстом (такую ситуацию <…> принято называть “точкой отсчёта”, англ. point of reference)» [4, с. 271].

Ситуации не допускают однозначной интерпретации распределения соотносимых действий во времени, если в них осуществляются таксисные отношения нестрогой разновременности. В результате этого вероятно допущение сосуществования на одном отрезке времени начальной части одного действия с конечной какой-то неопределенной частью другого.

Под нестрогой разновременностью понимают такое сочетание действий, при котором реализуется слабое предшествование одного события другому. Это означает, что в какой-то отрезок времени имеют место оба действия или какая-то часть одного из реализуемых

действий. Значение нестрогой разновременности предполагает такое сочетание действий, при котором хотя бы одно из них имеет сравнительно длительных границ их сопряжения.

Целью нашего исследования является выделение наиболее частотных способов и средств выражения таксисных отношений нестрогой разновремённости и неопределенно-хронологических отношений и их взаимодействия. Выборка примеров производилась из немецкоязычной художественной литературы. Для анализа были отобраны предложения, в которых представлены предикаты, иллюстрирующие отношения нестрогой разновремённости и неопределенно-хронологические отношения. В результате анализа нами были выявлены наиболее употребительные средства выражения данных отношений, а также их взаимодействие при формировании указанного типа таксисных отношений.

Отношение слабого предшествования одного события другому «не означает ни того, что начало второго из них расположено позднее начала или конца первого, ни того, что конец первого находится ранее конца второго» [2, с. 119]. В какой-то отрезок времени или А, или В или какая-то часть А и В соприкасаются между собой. Например:

Effi stand hinter ihm und umarmte und küsste ihn, noch eh er sich von seinem Platz erheben konnte [9].

Sie sagte nichts. Als er aber zu ihr hinüberblickte, sah er, dass eine Träne in ihrem Auge stand [9].

… ich lachte natürlich, aber ich streichelte sie, wie man eine junge Witwe streichelt und tröstet, und küsste sie [10].

Высказывания, в которых формируются подобные значения, строятся обычно на базе конструкций, обладающих полифункциональным характером (то есть, способных передавать как разновремённость, так и одновремённость). Обычные временные формы при этом – неперфектные (претерит либо презенс), семантика которых сама по себе нейтральна по отношению к функции временного ограничения действий друг от друга. Обычно это сочетание предикатов, один из которых представлен глаголом действия, а другой – глаголом зрительного восприятия (например, sehen, zusehen, betrachten), либо глаголом, выражающим эмоциональное состояние (например, lachen, weinen, lächeln). Например:

Sie fasste mich wieder so fest am Arm und blickte mich wieder mit ihren verschwommenen und verschwollenen Augen so eindringlich und flehend an … [8].

Sie hielt sich standhaft die Ohren zu, während ich ihr zulächelte, weitertrank und den Gesang verfolgte … [8].

“Meine Nichte kommt hierher”, sagte sie und blickte mich an, “ein hübsches, junges Ding, das wird Schwung in den Laden bringen, ich habe mich entschlossen, meiner Nichte den Laden zu geben”… [8].

Часто встречается одновременное употребление предикатов с глаголами действия и глаголами речи. При этом одно из действий имеет продолжительный характер и не содержит указания на завершенность действия (процесса). Например:

“So”, sagte sie endlich und warf die letzte geschälte Kartoffel in einen halb mit Wasser gefüllten Kessel, “das genügt für heute. Jetzt will ich mir die Finger waschen gehen…“ [8].

Instetten nahm ihre Hand und sagte: „So darfst du nicht sprechen, Effi. Spuck, dazu kann man sich stellen, wie man will. Aber hüte dich vor dem Aparten, oder was man so das Aparte nennt…“ [9].

“Nix”, schrie der Junge und versuchte, mit den Armen um sich zu schlagen, „ich bin nicht gelauft“ [8].

Damit wandte er sich an eine Person, die hinter ihm stand, und sagte: „Sie haben also gehört, Herr Noir, die Zeit ist auf halb zehn verschoben worden“ [11].

Особенность ситуаций нестрогой разновремённости состоит в том, что остаётся неясным, в какой из фаз своего протекания каждое из сопоставляемых действий соотносится с другим.

При формировании значений неопределенно-хронологической соотнесенности каждое из соотносимых действий представлено как незавершенное и нелокализованное внутри целостного времени и пространства изображаемой ситуации [5, с. 41], например:

Bald stand er inmitten einer Schar von Jungen, die rannten, hüpften, Ball spielten, Bockspringen machten und sich anderweitig belustigten, und zwar recht lärmend [11].

В рассматриваемом примере существительное die Jungen представлено множеством деятелей, которые выполняют определенные действия.

В сложносочиненных и –подчиненных предложениях, субъекты которых представляют единичного деятеля, могут иметь место значения временной нелокализованности действий. В результате создается эффект неопределенно-хронологической соотнесенности всей ситуации. Например:

Sie pumpte jedem, trank mit jedem, liess sich zum Tanz verleiten mit ihrem massigen Leib, grölte dann und fiel, wenn der Zapfenstreich nahte, in krampfhaftes Schluchzen [8].

В вышеназванном примере предикаты являются средствами создания эффекта нелокализованности действий в общем времени ситуации (pumpte, trank, liess sich, grölte, fiel), которые указывают в том числе на разнообразные действия, и повторяющееся местоимение “jedem”.

При передаче ситуаций неопределенно-хронологической соотнесенности используются, как правило, нейтральные неперфектные временные формы: претерит и повествовательный презенс.

Таким образом, в результате исследования было выявлено, что наиболее частотными средствами выражения таксисных отношений нестрогой разновременности и неопределенно-хронологических отношений являются темпоральные формы и лексические экспликаторы, указывающие на слабо выраженную разновременность действий.

Важную роль играют предикаты, которые могут быть хронологически частично совместимыми, означать временную сопряженность действий в процессе их протекания.

Список литературы

1. *Бондарко А.В.* Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. - Л.: Наука, 1987. – 348 с.
2. *Ивин А.А.* Логические теории времени // Вопросы философии. – 1969 - №3. – с. 117-126. – С. 119.
3. *Павлов В.Т.* Логические функции категорий пространства и времени. – Киев : Изд-во Киевск. ун-та, 1966. – 235 с.
4. *Плунгян В.А.* Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. - М.: Изд-во РГГУ, 2011. – 672 с.
5. *Полянский С.М.* Основы функционально-семантического анализа категории таксиса (на материале немецкого языка): Учеб. пособие к спецкурсу. – Новосибирск: Изд-во Н.Г.П.И., 1990. – 90с.
6. *Храковский В.С.* Типология таксисных конструкций. - М.: Знак, 2009. – 912 с.
7. *Якобсон Р.О.* Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков разного строя. - М., 1972. - С. 101.
8. *Böll H.* Ansichten eines Clowns. – München : Deutscher Taschenbuch Verlag GmbH@Co.KG, 2004. – 282 S.
9. *Fontane Th.* Romane. Irrungen Wirrungen. Frau Jenny Treibel. Effi Briest. Der Stechlin. – Düsseldorf; Zürich : Artemis@Winkler, 1998, 996 S.
10. *Frisch M.* Homo Faber. – Ulm : Erbner@Spiegel, 1992, 203 S.
11. *Twain M.* Ein Bummel durch Europa. – Frankfurt/M – Berlin – Wien: Verlag Ullstein GmbH, 1979. – 186 S.

10.02.19

А.В. Кириллова канд. филол. наук, С.В. Маслечкина канд. филол. наук,
Д.Е. Меренкова канд. филол. наук, М.В. Шурупова канд. филол. наук

Государственный гуманитарно-технологический университет,
кафедра английской филологии и переводоведения,
кафедра романо-германской филологии,
Орехово-Зуево МО, mar4878@yandex.ru

К ВОПРОСУ О КОМПОЗИЦИОННОЙ СПЕЦИФИКЕ НЕОЛОГИЗМОВ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСА

В статье рассматриваются наиболее частотные способы образования новых слов английского языка в рамках молодежного Интернет-дискурса. Авторы отмечают разнообразие структурного оформления неологизмов, однако подчеркивают определенную степень их стандартизированности и клишированности.

Ключевые слова: *неологизм, композиционная структура, Интернет-дискурс.*

Прежде чем рассматривать структурные особенности неологизмов английского языка, представленных в рамках молодежного Интернет-дискурса, необходимо дать определение понятию «Интернет-дискурс». В работах различных исследователей под Интернет-дискурсом понимают глобальное межкультурное явление, особую разновидность устно-письменного дискурса, существующего в интерактивной сфере. Дискурс сети Интернет рассматривается как виртуальное образование, которое обладает набором специфических черт [9, с. 12], виртуальность Интернет-дискурса можно объяснить его глобальностью, условностью, домысливаемостью, необозримостью, бесконечностью [7, с. 4].

Под Интернет-дискурсом мы будем понимать совокупность сетевых продуктов, созданных и существующих в виртуально-реальных условиях, в рамках лингвистического и паралингвистического контекста и воспринимаемых адресатом с учетом производимой коммуникативной и когнитивной деятельности на иностранном языке. Молодежный Интернет-дискурс мы будем трактовать как дискурс, созданный для молодого поколения и отражающий весь спектр его интересов.

В качестве источников иллюстративного материала нами были проанализированы наиболее популярные молодежные блоги. Интерес к блогосфере не случаен: блоги представляют собой тип монологического дискурса, который состоит из хронологически расположенных текстов, чаще всего ориентированный на высказывание собственного мнения о каких-либо событиях как личностно значимого, так и социально детерминированного характера. Кроме того, Интернет-блоги открыты для публичного просмотра массовой аудиторией, что создает дополнительное удобство для отбора материала исследования.

Неологизмы являются специфическим зеркалом языкового развития и становления на каждом этапе жизни любого языка. Они отражают адаптацию языка к изменяющимся под влиянием внешних факторов условиям и реалиям его функционирования. На формирование неологизмов, несомненно, оказывают воздействие культурно-исторические и социально-политические условия жизни [8, с. 117]. Особенно справедливо данное утверждение в контексте анализа языка молодежной среды. Отметим также, что основной характеристикой общения в социальных сетях является сближение коммуникантов в процессе обмена информацией и, как следствие, максимальное приближение их речи к разговорной [11, с. 128].

Анализ структуры неологизмов, представленных в англоязычных блогах Teen Speak [3]; TeensGotCents [4]; The Teenager Today Magazine [5]; Teen Relationship Advice [2]; Teen Line [1], показал, что их образование происходит одним из следующих способов: фонологический, словосложение, аффиксальный. Рассмотрим каждый способ более подробно.

Так, фонологический способ основан на чередовании звуков или на переносе ударения. Особое место среди фонологических новообразований занимает довольно обширная группа сленгизмов, представленная междометиями, которые придают эмоционально-экспрессивную окраску высказыванию и служат для прямого выражения чувств, что достаточно типично для рассматриваемых нами блогов [10, с. 8–12]. Чаще всего неологизмы, образованные фонологическим способом, выражают следующие эмоции говорящего:

- удивление: bonk!, chyaa!, eesh!;
- согласие: bet!, dude!, shoots for real!;
- несогласие: bet!, dude!, negotary!;
- одобрение: dig that!, cool! score!;
- неодобрение: boo!;
- возбуждение: squish!, woochow!;
- радость: woopty-woo!

Словосложение представляет собой цельнооформленное соединение двух и более морфем, выступающих в качестве корневых компонентов в отдельных словах [6, с. 415]. Нормы словосложения современного английского языка позволяют сочетать слова с идентичными лексико-грамматическими характеристиками. В связи с этим иногда трудно отграничить сложное слово-неологизм от общеупотребимого словосочетания. В этом случае необходимо принимать во внимание орфографический критерий, суть которого заключается в том, что слово может писаться разными способами, например:

- слитно: outlex, backlife, netiquette, humblebrag, shapeware, jeggings, cyberjack, winklepickers, teacherspeak, guyliner;
- через дефис: body-con, pot-culture, log-roller, put-down, roll-call, satellite-delivered;
- раздельно (данные слова могут рассматриваться как словосочетания): knee breeches, larger than life, trade off, chat show, inflight movies, hot pants, leg-of-mutton sleeve, go bananas, all agog.

Далее рассмотрим аффиксальный способ словообразования. Прежде всего отметим, что в проанализированном материале аффиксальный способ образования неологизмов наименее продуктивен. Среди неологизмов, образованных при помощи аффиксации, имеются суффиксальные и префиксальные единицы. Префиксальные единицы в количественном отношении уступают суффиксальным, однако отличаются высоким уровнем прагматизации в речи, являются широкоупотребительными в повседневном общении молодых людей и в большей степени эмоционально маркированы.

В текстах блогов были обнаружены следующие неологизмы, образованные суффиксальным способом: braniac, adland, globalization, dollarization, ludicrous, plasticarian, rhapsodize, educatee, schooler, educationalist.

Среди префиксальных способов словообразования новых единиц более пристального внимания заслуживают полупрефиксы. Одним из наиболее продуктивных в области современных англоязычных молодежных неологизмов является полупрефикс cyber-. Первоначально он имел значение «компьютер», однако сегодня он все чаще употребляется в значении «Интернет». Поскольку жизнь современной молодежи непосредственно связана с глобальной сетью, этим и обусловлено столь частое использование слов с полупрефиксом cyber- именно молодыми людьми. Например: *cybercafe, cyberctime, cyberfraud, cyber-terrorism, cyber-addict.*

Эмоциональность неологизмов может быть выражена через формирование определенной устойчивости в речи вследствие частого употребления, в результате чего они могут переходить из одного стилистического регистра в другой (например, *rentals* = parents – родители; *digetheat* или *tool* – тот, кто много работает с компьютером, *brainiac* – интеллигентный студент; *floppydisk* – зубрила; *ironpimp* – школьный автобус; *metalmouth* – подросток, носящий брекеты и т.д.)

Подводя итог, отметим, что в целом структура неологизмов, используемых молодыми людьми в рамках Интернет-дискурса, характеризуется определенной степенью однообразия и шаблонности.

Список литературы

1. Teen Line [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: https://teenlineonline.org/category/through-ups-and-downs/ (дата обращения: 09.07.2020).
2. Teen Relationship Advice [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: https://www.reddit.com/r/teenrelationships/ (дата обращения: 05.07.2020).
3. Teen Speak [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: https://teenspeak.org/ (дата обращения: 11.07.2020).
4. TeensGotCents [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: https://teensgotcents.com/blog/ (дата обращения: 08.07.2020).
5. The Teenager Today Magazine [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: http://theteenagertoday.com/ (дата обращения: 01.07.2020).
6. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 598 с.
7. *Галичкина Е.Н.* Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках: на материале жанра компьютерных конференций: автореф. дис. … канд. филол. наук. – Волгоград, 2001. – 18 с.
8. *Иванова Н.Г., Кириллова А.В., Меренкова Д.Е., Шурупова М.В.* Английские неологизмы в системе русского языка XXI века// Казанская наука. – Казань: Изд-во Рашин Сайнс, 2019. – №11. – С. 117–119.
9. *Кондрашов П.Е.* Компьютерный дискурс: социолингвистический аспект: автореф. дис. … канд. филол. наук. – Краснодар, 2004. – 19 с.
10. *Черепанова И.С.* Особенности возникновения и функционирования современной молодежной лексики (на примере немецкого. английского и русского языков). – Исследовательская работа на конференцию «От родного порога – к мировым ценностям». – Сургут, 2012. – С. 8–12.
11. *Шурупова М.В.* К вопросу о специфике языка Интернет-коммуникации в англоязычной среде// Казанская наука. – Казань: Изд-во Рашин Сайнс, 2020. – №2. – С. 128–130.

10.02.19

Е.А. Коломейцев

Сибирский Государственный Университет Путей Сообщения,
факультет «СЖД»,
кафедра «Иностранные языки»,
Новосибирск, pro-english@mail.ru

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ БИЛИНГВА: КОГНИТИВНАЯ СЛОЖНОСТЬ И ИНТЕЛЛЕКТ

В статье рассматриваются две гипотезы, касающиеся знания иностранных языков и его корреляции с усложнением структуры ментального опыта, рассматриваемой как система взаимосвязанных и взаимозависимых структур, с помощью которых личность отражает и перерабатывает поступающую информацию. В исследовании применен тест «Прогрессивные матрицы Равена» для определения уровня психометрического интеллекта (ПИ) билингвов, обучающихся в вузе. Делается вывод о том, что не знание языка влияет на интеллект, а интеллект влияет на то, как человек использует язык, и не знание языка усложняет человека, а его когнитивная сложность.

Ключевые слова: *прогрессивные матрицы Равена, билингв, билингвизм, психометрический интеллект, полезависимость, поленезависимость, когнитивная простота, когнитивная сложность.*

1. ВВЕДЕНИЕ

На современном этапе развития человечества вопросы межкультурной коммуникации и мультилингвизма приобретают особую актуальность в поликультурном мире. Стремительное развитие информационных и коммуникационных технологий, а также интеграция стран в мировое информационное, культурное и экономическое пространство меняют форму установления контактов и взаимодействия людей между собой. В этом контексте радикально изменяется роль иностранного языка в системе обучения, так как он из обычного школьного или академического вузовского предмета превращается не только в один из основных инструментов образования, но и в эффективное средство для достижения профессиональных целей.

Однако до сих пор в психолингвистике активно обсуждается проблема взаимосвязи владения и изучения (в том числе именно раннего изучения языков и самих способов обучения им) языков с когнитивным развитием личности. Очевидно, что одновременное оперирование двумя языковыми системами билингвами создает предпосылки для возникновения особенной связи между понятием и словом, и этот известный факт даёт основания для прямо противоположных утверждений.

С одной стороны, значительное число исследователей утверждает, что чем больше языков знает человек, тем он более когнитивно развит. Соответственно, знание языков усложняет человека, и когнитивная сложность, по их мнению, более характерна для билингвов. Например, Н.С. Нагапетян пишет о том, что «двуязычие положительно сказывается на развитии памяти, умении понимать, анализировать и обсуждать явления языка, сообразительности, быстроте реакции, математических навыках и логике. Полноценно развивающиеся билингвы, как правило, хорошо учатся и лучше других усваивают абстрактные науки, литературу и другие иностранные языки» [8]. У.И. Нишонов рассматривает билингвизм как феномен, влияющий на жизни людей, говорящих на нескольких языках. По мнению автора статьи, «это касается улучшения когнитивных способностей, которые имеют влияние на работу мозга, отвечающего за такие функции, как высокий уровень логического мышления, многозадачность и устойчивое внимание» [9].

С другой стороны, М.Шпитцер, автор широко известной сегодня работы «Антимозг: цифровые технологии и мозг» [13, 65] на основе многочисленных научных данных, полученных экспериментально, утверждает, что многозадачность и устойчивое внимание – это противоречащие друг другу характеристики познавательного стиля личности, а знание иностранных языков обеспечивает, прежде всего, развитие памяти, в том числе долговременной, что, безусловно, является важнейшим качеством мозга, позволяющим личности планировать и осуществлять свою деятельность с учетом широкого спектра факторов, однако само количество сохраненной информации, процесс ее поиска, успешное либо неуспешное извлечение зависит от специфики кодирования и управления ею [1, 31–33], то есть от процессов, относящихся к строению всего ментального опыта личности, иными словами – интеллекта человека [12, 221]. Более того, если говорить о раннем обучении иностранным языкам, которое стало именно модным в настоящий момент, то следует отметить, что, как писал ещё Л. С. Выготский: «В областях, где детское население с самого раннего возраста находится под влиянием двух различных языковых систем, когда ребёнок, не усвоивший ещё хорошо формы родного языка, начинает овладевать ещё одним или двумя языками чужими, мы наблюдаем печальные формы речевого развития. Дети часто, особенно в неблагоприятных условиях, не овладевают ни одной языковой системой в совершенстве ни с фонетической, ни с синтаксической, ни со стилистической стороны. Родной язык засоряется примешиваемыми к нему элементами чужой речи, различные языковые формы, несогласуемые и внутренне чуждые друг другу, ассимилируются» [4, 64]. Таким образом в результате получается более или менее испорченный диалект родного и чужого языка. Несмотря на тот факт, что данный вывод Л. С. Выготского был сделан достаточно давно, до сих пор вопрос о влиянии раннего изучения иностранных языков окончательно не решён и представляет интерес для исследователей.

Учитывая все вышеперечисленные мнения, в своей работе мы выдвигаем следующие гипотезы:

1. Знание нескольких языков способствует усложнению структуры ментального опыта, что проявляется в когнитивной сложности и использовании более продуктивных когнитивных стилей.
2. Знание нескольких языков не влияет на когнитивную сложность как способность индивида к эффективной переработке поступающей информации. С точки зрения когнитивной психологии, сложность отражается в показателях психометрического интеллекта, то есть именно интеллект является фактором, способствующим продуктивному использованию языков в случае билингвизма. В целях доказательства или опровержения выдвинутых гипотез была проведена серия психолингвистических экспериментов.

2. ОПИСАНИЕ ЭКСПЕРИМЕНТОВ, ПОЛУЧЕННЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Опираясь на исследования М.А. Холодной [12, 91–93], мы предлагаем следующее определение: когнитивно сложная личность – это индивид, который использует в процессе познания продуктивные когнитивные стили и легко может их менять.

В связи с тем, что когнитивные стили представляют собой целый спектр характеристик личности, определяющих ее познавательную деятельность, в нашей работе исследуется одна из них, опосредующая строение ментального опыта человека, – полезависимость/поленезависимость, которая отражает степень ригидности (то есть отсутствие способности к переключению способов деятельности) и, соответственно, степень когнитивной сложности, предполагающей использование различных когнитивных стилей в процессе познания. В исследованиях данного когнитивного стиля превалирует следующая идея: каждый индивид по-своему воспринимает, интерпретирует и прогнозирует действительность на основе собственного проприоцептивного опыта [12, 243].

Экспериментальное исследование проводилось в несколько этапов.

I этап: Эксперимент, целью которого стало выявление уровня психометрического интеллекта, проходил в Сибирском Государственном Университете Путей Сообщения в г. Новосибирске. В нём приняла участие группа респондентов-билингвов, которые владеют двумя языками, русским и английским, в количестве 300 человек, средний возраст респондентов 17–22 года, среди них выделяются группы, уровень владения языком которых различен: высокий, средний и низкий (лингвистическая разница необходима была для объективизации полученных результатов).

В соответствии с гипотезой о том, что показатели интеллекта – особой формы организации индивидуального ментального (умственного) опыта в виде наличных ментальных структур, прогнозируемого ими ментального пространства, и строящихся в рамках этого пространства, ментальных репрезентаций происходящего [11, 90] – обусловливают ментальную сложность личности, что, в свою очередь, отражается на уровне владения иностранным языком, на первом этапе нами применяется тест «Прогрессивные матрицы Дж. Равена», входящий в число «чистых» измерений уровня общего интеллекта g, исследованного Ч.Э. Спирменом, имеющий 80-летнюю историю и неоднократно подтверждавший высокие показатели валидности [10].

После обработки результатов исследования были получены следующие результаты: с высоким показателем ПИ – 66 человек; с показателем ПИ выше среднего – 185 человек; со средним показателем ПИ –18 человек; с показателем ПИ ниже среднего – 7 человек; с низким показателем ПИ – 4 человека, практически нулевой результат – 6 анкет были признаны недействительными. Уровень психометрического интеллекта (ПИ) являлся независимой переменной, которая учитывалась при описании и сравнительном анализе структуры субъективных значений, выявленных в каждой группе испытуемых и при сравнении данных структур между собой [3, 52].

II этап: Для выявления психологической структуры значения слова как в родном, так и в иностранном (английском) языке нами применяется **метод свободного ассоциативного эксперимента**, который наиболее распространён в психолингвистике и заключается в том, что испытуемым предлагается ответить первой пришедшей в голову реакцией при предъявлении слова-стимула, ничем не ограничивая себя в употреблении ни семантическими, ни формальными особенностями слов-реакций. При выборе слов-стимулов для свободного ассоциативного эксперимента мы взяли за основу анализа ряд абстрактных существительных, относящихся к группе «эмоции и чувства»: *замешательство, любовь, ненависть, прощение, волнение* – и отражающих то смысловое содержание, которое стоит за словом в сознании носителей языка, то есть его психологическую структуру [6].

Для нашей работы важно подчеркнуть, что значение слова и психологически реальное значение – разные вещи. Психологическая структура значения – это личностный смысл слова, который зависит от опыта человека, его интеллекта и способности выйти за пределы ситуации и добавлять в смысл психологической структуры значения не только то, что зависит от его опыта, но и то, что он выделяет из опыта других людей, из прочитанных книг и т.д. То есть, психологическая структура значения будет значительно шире у человека когнитивно сложного, в данном случае при поленезависимости психологическая структура значения будет глубже и шире, чем у человека, который привязан к ситуации (полю) [6, 8–10].

Проиллюстрируем логику и сам ход исследования на примере слова-стимула *замешательство*.

Все реакции в дальнейшем были отнесены нами к разным группам: 1) чувства и эмоции; 2) ситуации; 3) действия. Важно подчеркнуть, что с точки зрения полезависимости/поленезависимости полученные АР по группам (выскоий ПИ - 75 АР, ПИ ниже среднего и низким – 61 АР) явно демонстрируют различия в когнитивной деятельности респондентов: одни испытуемые полагаются на внешнее, видимое поле, с трудом преодолевают его влияние, им требуется много времени, чтобы «увидеть» нужную деталь в

сложном изображении (полезависимые). Другие испытуемые, напротив, склонны контролировать влияние зрительных впечатлений за счет опоры на некоторые внутренние критерии (в частности, собственный проприоцептивный опыт), легко преодолевают влияние видимого поля, быстро находят деталь в сложном изображении (поленезависимые) [12, 46-47].

Сопоставим, насколько реакции респондентов в данных группах относятся к одному либо разным аспектам действительности. Результаты статистической обработки с указанием количества реакций представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Реакции респондентов по группам ПИ на слово-стимул *замешательство*

Эмоции и чувства		***Ситуации***		***Действия***	
высокий	низкий	высокий	низкий	высокий	низкий
волнение 7	неловкость 7	подарок 6	конфликт 7	краснеть 2	мешать 2
дискомфорт 6	неуверенность 7	беспорядок 5	мода 2		сдать сессию 1
стыд 6	стеснение 6	вопрос 3	выбор 1		
смятение 4	суета 4	комплимент 3	лифт 1		
неловкость 3	волнение 3	недоразумение 3	приезд 2		
неудобство 3	растерянность 3	публика 3	ответ на уроке 1		
стеснение 3	замкнутость 2	врач 2	первый класс 1		
неуверенность 2	конфуз 2	выступление 2			
неясность 2	нерешительность 2	неожиданность 2			
переживание 2	обида 2	случайность 2			
страх 2	расстройство 2	конфликт 7			
спутанность 1	стыд 2	мода 2			
трепет 1	румянец 1	выбор 1			

Очевидно, что все реакции группы с высоким показателем ПИ отражают широчайший спектр ситуаций, причём каждая АР предполагает, в свою очередь, также достаточно высокую вариативность действий и испытываемых чувств: в ходе дня человек может получить подарок, отвечает на вопросы на занятиях, либо вопрос может быть задан человеку в кафе, ресторане, на улице, различные недоразумения касаются не только бытовой жизни, но и вполне официального общения и т.д.: *вопрос – волнение, дискомфорт; врач – переживание, неясность; беспорядок – неловкость, стыд; недоразумение – смятение, стеснение, неудобство; неожиданность – неуверенность, страх, спутанность, трепет*, что в целом свидетельствует о поленезависимости данных студентов.

В группе испытуемых с показателями ПИ ниже среднего и низким ассоциации касаются конкретных чувств, испытываемых в не менее конкретных ситуациях: *конфликт – обида, расстройство, выбор – нерешительность, приезд – суета, ответ на уроке – нерешительность, неуверенность, стеснение, волнение, растерянность*. Обращает на себя внимание то, что одно и то же чувство, судя по данным реакциям, можно отнести к определённым ситуациям, как мода, растерянность. Эти ситуации подтверждаются чувствами, которые они дали. Далее проанализируем реакции, полученные от этих же

респондентов, но на английском языке. В группе с высоким показателем интеллекта на этом этапе эксперимента получено 54 АР, в группах с низким ПИ и ПИ ниже среднего – 64 АР. Все АР, как и в предыдущем случае, были распределены на группы (Таблица 2).

Таблица 2 – Реакции респондентов по группам ПИ на слово-стимул замешательство

Эмоции и чувства		***Ситуации***		***Действия***		***Представления***	
высокий	низкий	высокий	низкий	высокий	низкий	высокий	низкий
excitement 7	anger 6	present 5	conflict 5		interfere 1	fashion 1	appearance 1
shame 6	awkwardness 5	mess 4	constraint 3		to pass the session 1	doctor 1	
discomfort 3	uncertainty 5	coincidence 2	disorder 2			performance 1	
misunderstan-ding 3	confusion 3	compliment 2	arrival 1				
awkwardness 2	vanity 3	constraint 2	answer at the lesson 1				
blush 2	blush 2	experience 2	choice 1				
Fear 2	cruelty 2	surprise 2	first grade 1				
surprise 2	evil 2	car accident 1	isolation 1				
uncertainty 2	love 2	dilemma 1	need 1				
adrenaline 1	offense 2		quarrel 1				
appearance 1	rage 2		thunder 1				
evil 1	embarrassment 1						
love 1	emotions 1						
	envy 1						
	excitement 1						
	grin 1						
	indecision 1						

Анализ АР, полученных в ходе эксперимента, проведённого со списком стимулов, представленных респондентам на английском языке, показал следующее.

1. Как и на предыдущем этапе, в группе билингвов с высоким показателем ПИ полученные АР касаются весьма широкого спектра ситуаций, в которых человек может испытывать чувство замешательства (*confusion*). При этом ассоциации, отнесённые нами в группу «Эмоции и чувства», с одной стороны, достаточно разнообразны, с другой – явно коррелируют с лексемами, включёнными в группу «Ситуации», уточняя и одновременно имплицитно расширяя их круг: *surprise – excitement, blush, fear, adrenaline; constraint – discomfort 3, misunderstanding 3*.

2. Обращает на себя внимание тот факт, что в группе респондентов с низким ПИ количество полученных АР превышает число АР, данных в группе с высоким ПИ, причём их увеличение происходит, прежде всего, за счёт роста наименований эмоциональных состояний и чувств, сопутствующих либо вызывающих состояние замешательства.

3. Не менее важным оказывается и то, что большая часть (38 % в группе с высоким показателем ПИ, 37 % в группе с показателем ПИ ниже среднего и низким) полученных в ходе эксперимента АР в обеих группах совпадает, что, на наш взгляд, является свидетельством работы памяти, но не имеет никакого отношения ни к уровню ПИ, ни к предпочитаемому когнитивному стилю деятельности, ни к степени когнитивной сложности личности в целом.

4. Проведённое в ходе комплексного анализа АР сопоставление словарных значений с полученными в эксперименте реакциями позволяет сделать вывод о значительных расхождениях между значениями, зафиксированными в словарях, с реакциями, данными респондентами в обеих группах.

Так, значение слова *confusion*

В словаре Cambridge dictionary определяется следующим образом: NOT UNDERSTAND [C, U] – a state in which people do not understand what is happening or what they should do; THOUGHT [U] – a feeling of not being able to think clearly; BETWEEN SIMILAR THINGS [U] - the belief that one person or thing is another; SITUATION [U] – a situation that is confusing because there is a lot of noise and activity [14].

В словаре Oxford learner's dictionaries *confusion* [uncountable, countable] a state of not being certain about what is happening, what you should do, what something means, etc [15].

Полученные в группе с высоким показателем ПИ экспериментальный материал показывает, что лишь некоторые АР отражают конвенциональное значение слова в английском языке: *surprise; uncertainty; constraint* сопоставимы с дефинициями «*a state in which people do not understand what is happening or what they should do*», «*a state of not being certain about what is happening, what you should do, what something means, etc.*», «*a confused situation in which people do not know what action to take*»; ассоциация *mess* сопоставима с «*a situation that is confusing because there is a lot of noise and activity*».

Несмотря на то, что испытуемые в группе с низким ПИ дали больше ассоциаций, чем респонденты, чей уровень ПИ определяется как высокий, но в целом и в данной группе индивидуальный смысл слова и его словарное определение качественно отличаются.

В контексте нашего исследования значительно важным оказывается следующий факт: подавляющее большинство АР в обеих группах (52 % от общего количества в первой группе, 52 % от общего количества во второй) являются прямым переводом русских лексем, зафиксированных в качестве АР на предыдущем этапе (реакции респондентов, совпавшие при переводе, представлены в таблице 3).

Таблица 3 – Реакции респондентов по группам ПИ на слово-стимул *замешательство,* совпавшие при переводе

Эмоции и чувства *высокий уровень ПИ / низкий и ниже среднего уровень ПИ*		***Ситуации*** *высокий уровень ПИ / низкий и ниже среднего уровень ПИ*		***Действия*** *высокий уровень ПИ / низкий и ниже среднего уровень ПИ*	
excitement 7 / awkwardness 5	волнение 7 / неловкость 7	present 5 / conflict 5	подарок 6 / конфликт 7	/ interfere 1	/ мешать 2
shame 6 / uncertainty 5	стыд 6 / неуверенность 7	mess 4 / arrival 1	беспорядок 5 / приезд 2	/ to pass the session 1	/ сдать сессию 1
discomfort 3 / confusion 3	дискомфорт 6; неловкость 3 / конфуз 2; растерянность 3	compliment 2 / answer at the lesson 1	комплимент 3 / ответ на уроке 1		
fear 2 / vanity 3	страх 2 / суета 4	constraint 2 / choice 1	недоразумение 3 / выбор 1		
uncertainty 2 / blush 2	неуверенность 2; неясность 2 / румянец 1	surprise 2 / fashion 1	неожиданность 2 / мода 2		
/ offense 2	/ обида 2	doctor 1 /	врач 2 /		
/ excitement 1	/ волнение 3	performance 1 /	выступление 2 /		

ВЫВОДЫ

На основе проведённого эксперимента необходимо выделить следующее:

1. Процесс мышления у всех наших респондентов происходит на родном (русском) языке, при этом поленезависимость/полезависимость проявляется одинаково как при использовании родного, так и иностранного языков, что, в свою очередь, не подтверждает тезис об определяюшем влиянии знания иностранного языка на выбор наиболее продуктивных стилей познания.

2. Подтвердилась гипотеза о том, что не знание языка влияет на интеллект, а интеллект влияет на то, как человек использует язык. Это обусловлено следующими фактами:

a) Группу с высоким показателем ПИ характеризует высокая степень когнитивной сложности. Данный факт подтверждается тем, что ассоциации группы «чувства и эмоции» логично связаны с ситуацией, в которой студенты испытывают их, ассоциативный ряд представлен широким спектром реакций на русском языке, и у испытуемых в сознании превалирует более яркая картина мира, причём ситуации значительно более абстрактны и не привязаны к конкретному месту и времени, как это происходит в группе с низким показателем ПИ. В результате, в данном случае мы можем говорить о когнитивной сложности личности испытуемых с высоким показателем ПИ. Их мышление характеризует образ-мысль [5]. При анализе ассоциаций на русском языке наблюдается поленезависимость, в случае с английским языком мы наблюдаем работу памяти в чистом виде.

b) Среди респондентов с низким показателем ПИ и ПИ ниже среднего ассоциации разрозненны, испытуемые маркируют значимые для них ситуации, но эти ситуации конкретны. АР отличаются простотой и в большинстве случаев (от 63 % до 82 %) представляют собой перевод возникшей ассоциации на русском языке на английский язык. Реакции, данные испытуемыми в группах с показателем ПИ ниже среднего и низким показателем ПИ, очень конкретны, их можно характеризовать как образ-представление [5].

Таким образом, наша гипотеза о том, что знание нескольких языков способствует усложнению структуры ментального опыта, что проявляется в когнитивной сложности и использовании более продуктивных когнитивных стилей, была опровергнута. Не знание языка влияет на интеллект, а интеллект влияет на то, как человек использует язык, и не знание языка усложняет человека, а его когнитивная сложность, о чём свидетельствует сопоставительный анализ АР, данных в группах респондентов с разными показателями ПИ. Соответственно, чем выше уровень ПИ отдельного человека, тем более когнитивно сложна его личность.

Список литературы

1. *Аткинсон Р.* Человеческая память и процесс обучения : пер. с англ. / Р. Аткинсон ; общ. редакция Ю. М. Забродина, Б. Ф. Ломова. – М. : Прогресс, 1980. – 528 с.
2. *Бубнова И.А.* Структура субъективного значения слова (психолингвитический аспект). Автореф. дис. … док. филол. наук. – Москва : Ин-т языкознания РАН, 2008. – 52 с.
3. *Бубнова И.А.* Когнитивный механизм формирования структуры субъективного значения слова. // Вопросы когнитивной лингвистики. – Тамбов, 2008. – № 3. – С. 51–56.
4. *Выготский Л.С.* К вопросу о многоязычии в детском возрасте. / Выготский Л.С. Умственное развитие детей в процессе обучения. – М.-Л., 1935. – С. 53–72
5. *Леонтьев А.А.* Деятельный ум (Деятельность, Знак, Личность). – М. : Смысл, 2001. – 392 с.
6. *Леонтьев А.А.* Психологическая структура значения // Семантическая структура слова. Психолингвистические исследования. – М. : Наука, 1971. – С. 7–19.
7. *Леонтьев А.А.* Психолингвистический аспект языкового значения / Принципы и методы семантических исследований. – М., 1976. – 22 с.
8. *Нагапетян Р.С.* Билингвизм в наше время. [Электронный ресурс]. URL : https://cyberleninka.ru/article/n/bilingvizm-v-nashe-vremya
9. *Нишонов У.И.* Билингвизм и его использование в обучении. [Электронный ресурс]. URL : https://cyberleninka.ru/article/n/bilingvizm-i-ego-ispolzovanie-v-obuchenii
10. Прогрессивные матрицы Равена : методические рекомендации / сост. и общая редакция О.Е. Мухордовой, Т.В. Шрейбер. – Ижевск : Изд-во «Удмуртский университет», 2011. – 70 с.
11. *Холодная М.А.* Психология интеллекта. Парадоксы исследования : учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2019. – 334 с.
12. *Холодная М.А.* Когнитивные стили: О природе индивидуального ума – М. : ПЕР СЭ, 2002.
13. *Шпитцер М.* Антимозг: цифровые технологии и мозг: 16+ / Манфред Шпитцер ; пер. с нем. Гришина А.Г. – Москва : АСТ, 2014. – 284.
14. Cambridge dictionary [Электронный ресурс]. URL: https://dictionary.cambridge.org/ru/%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%80%D1%8C/%D0%B0%D0%BD%D0%B%D0%BB%D0%BE-%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9/confusion
15. Oxford learner’s dictionaries https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/confusion?q=confusion

10.02.19

Е.А. Линева, Е.Г. Котова, М.В. Овчинникова, Е.Б. Савельева, Т.Г. Юсупова

Государственный гуманитарно-технологический университет,
факультет иностранных языков,
кафедра английской филологии и переводоведения,
кафедра романо-германской филологии,
Орехово-Зуево, ealineva@mail.ru

КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТОМ ВОЗДУХ/AIR/L'AIR В РУССКОМ, АНГЛИЙСКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ

В данной статье представлен компаративный семантический анализ фразеологических единиц с компонентом воздух/air/l'air в русском, английском и французском языках который позволяет раскрыть национальную ментальность, лингвокультурную специфику трех народностей.

Ключевые слова: *фразеологические средства языка, национальная ментальность, языковое сознание, лингвокультурная общность, национально-культурная специфика, фразеологическая интерпретация мира.*

Одни и те же явления окружающей человека действительности могут получить как абсолютно идентичную, так и совершенно разную интерпретацию во фразеологической системе того или иного языка, «… именно фразеологизмы как бы навязывают носителям языка особое видение мира, ситуации» [3, с. 82].

Рассмотрим проявление национально-культурной специфики на примере фразеологических единиц с компонентом *воздух/air/l'air* в русском, английском, и французском языках.

Проведя компаративный анализ фразеологических единиц с компонентом *воздух/air/l'air* в трех языках мы обнружили, что в основу образности ряда идиом положена одна из важнейших функций воздуха – обеспечение жизни всего живого на Земле.

Жизнь человека зависит от дыхания, от свежего, чистого, насыщенного кислородом воздуха. Это общечеловеческое знание о воздухе нашло отражение в следующих фразеологизмах: русск.: *на свежем воздухе, на воздух, как воздух* (о чем-то, что очень необходимо, жизненно важно); англ.: *come up for air, take the air;* фр.: *grand air, en plein air, prendre (de) l'air, donner/renouveler de l'air* (букв.: дать воздух, обновить воздух). В этом значении с точки зрения национальной специфики интересен английский фразеологизм *come up for air* (букв.: «подняться за воздухом») - устроить передышку, отдохнуть, прийти в себя, заимствованый из австралийского варианта английского языка. В данном фразеологизме наблюдается образное переосмысление свободного словосочетания *come up for air*, которое семантически обновилось изменив свое конкретное значение. Предположительно это выражение заимствано из речи искателей жемчуга [1, с. 35]. Известно, что раньше ловцы жемчуга не имели специальных приспособлений для дыхания под водой, следовательно, за глотком воздуха нужно было каждый раз подниматься на поверхность воды.

Понятие жизни связано не только с обеспечением человека воздухом как источником кислорода. Жизненно нобходимыми условиями для человека являются наличие пищи и денежных средств, их отсутсвие негативно сказывается на качестве и уровне жизни. Так, во фразеологических единицах русского и французского языков воздух является воплощением бедности и голода: *питаться воздухом/святым духом, vivre de l'air du temps, avoir de l'air dans son porte-monnaie* (букв.: «иметь воздух в кошельке») - не иметь ни шиша, ни гроша.

У французов воздух также тесно связан с такими сторонами жизни как: комфорт, благоприятные условия для проживания: *changer d'air* – переменить климат, место жительства, обстановку; различного рода удовольствия: *se donner de l'air* – расслабиться, развлекаться, *s'envoyer en l'air* – получать удовольствие, наслаждаться, принимать наркотики.

Как было отмечено выше, воздух, во многих мифологиях, может не только даровать жизнь, но и отнять ее. Это мифическое свойство воздуха нашло отражение в идиомах французского языка: *se fishe(r) en l'air* - покончить с собой, *mettre en l'air* – убить, *se mettre en l'air* – покончить с собой, наложить на себя руки.

Примеры демонстрируют, что во фразеологизмах русского и английского языков воздух в основном является симовлом жизенного источника – кислорода, во французской фразеологии образ воздуха как воплощение жизни более многогранен.

Воздух с точки зрения физики представляет собой смесь газов, образующих земную атмосферу (от нидерл. gas, восходит к др.-греч. χάος). В древности эта неуловимая форма тела являлась чем-то средним между веществом и духом. Естествоиспытатель Ян Баптиста ван Гельмонт давший название этой группе соединений считал что газы это нечто неопределенное, неупорядоченное, хаотичное, связанное с духами и чем-то невидимым, но ощутимым. Эти свойства воздуха, как газообразного вещества, также нашли отражение во фразеологических единицах исследуемых языков.

В сознании представителей все трех культур воздух является символом неопределенности положения, незавершенности чего-либо: русск.: *висеть в воздухе*; англ.: *be in the air* – в неопределенном положении, *keep smb. in the air* - держать кого-либо в состоянии неизвестности, неуверенности, ожидания, *leave in the air smb./smth.* – оставить в недоумении, озадачить кого-л., оставить что-л., нерешенным, незаконченным; фр.: *en l'air* – повисший в воздухе, смутный, неопределенный, *être en l'air* - повиснуть в воздухе, быть в смятении, *se sentir en l'air* – не чувствовать твердой почвы под ногами, *manger d'air* - растеряться, не знать что делать.

Примечательно, что образ хаотичности во фразеологизмах русского языка выражается акциональным глаголом: *носиться в воздухе* (об идеях, планах, событиях), в английском языке неакциональным глаголом бытия: *be in the air*, во французском то же значение передают как неакциональный глагол бытия: *être dans l'air,* так и акциональный глагол: *traîner das l'air* (букв.: тащить в воздух). Подобный выбор глаголов, вероятнее всего, связан с менталитетом народа, восприятием окружающей его действительности.

Представление воздуха как безграничного пространства, в котором можно легко затеряться, скрыться, исчезнуть, убежать находит отражение во фразеологических единицах английского и французского языков: англ.: *disappear into thin air, take the air* – бесследно исчезнуть, раствориться в воздухе, удрать; фр.: *se donner de l'air, faire de l'air, se pousse de l'air, prendre (de) l'air* – убегать, удирать, смываться. В русском языковом сознании эти стереотипы передаются другими фразеологическими единицами, например: *как в воду канул, как сквозь землю провалился, дать стрекача, навострить лыжи*.

Бесполезность дел, планов, разговоров, угроз в английской и французской фразеологической системе также находит отражение в идиомах с компонентом *воздух*. Например, в английском языке в образное основание идиомы *fish/plough in the air* (букв.: ловить рыбу/пахать в воздухе) - «заниматься бесполезным делом», «попусту стараться» положена невозможность ловить рыбу или пахать землю в воздушном пространстве. Во фразеологизме *hot air* (букв.: горячий воздух) – болтовня, чепуха, ерунда основу образности составляет физическое свойство воздуха - при нагревании его вес уменьшается, он становиться легче, так и пустые слова, как горячий воздух не имеют никакого веса. Во французском языке сема бесполезности представлена в таких идиомах как: *contes en l'air* – вздор, пустые разговоры, пустые слова, *menaces en l'air* - пустые угрозы, *projects en l'air* - нереальные планы, беспочвенные разговоры, *promesses en l'air* - пустые обещания, *dire en l'air* -говорить необдуманно, на ветер, впустую, *batter l'air* (букв.: бить воздух) – зря

стараться, *cracher en l'air* (букв.: плевать в воздух) – заниматься пустым делом, *tirer en l'air* (букв.: стрелять в воздух)- бахвалиться, врать. В русской фразеологии символом напрасных действий является образ воды: *толочь воду в ступе, носить воду в решете, переливать из пустого в порожнее.*

Для человеческого восприятия воздух является олицетворением безмятежности, тишины, спокойствия и чистоты. Нарушение этого состояния находит отражение во фразеологических единицах с отрицательной коннотацией. Нарушение тишины, спокойствия, порядка: англ.: *rend the air* - разрывать тишину, *saw the air*, фр.: *battre l'air avec les bras* – размахивать руками, *ficher en l'air* – устроить разгром. Выражение отрицательных эмоций: англ.: *be up in the air,* фр.: *sauter en l'air* – прийти в бешенство, в негодование, фр.: *mettre en l'air* - взбудоражить, *foutre en l'air* - вывести из себя, англ.: *make the air blue* (букв.: делать воздух синим) – ругаться, сквернословить. Во фразеологизме *make the air blue* носителем культурной информации является компонент *blue.* В индоевропейском праязыке синий цвет символизировал зло [2, с. 67].

В русском языке для номинации перечисленных действий фразеологизмов с компонентом воздух не обнаружено.

Проведенный компаративный анализ фразеологизмов с компонентом *воздух/air/l'air* в русском, английском и французском языках показал, что они представляют собой значимый в лингвокультурологическом отношении пласт лексики, отражающий национальное своеобразие трех народностей.

Список литературы

1. *Кунин А.В.* Англо-русский фразеологический словарь / Лит. ред. М.Д. Литвинова. - 4-е издание перераб. и доп. – М.: Русский язык, 1984.
2. *Маковский М.М.* Историко-этимологический словарь современного английского языка / М.М. Маковский // - М.: Изд. дом "Диалог", 1999. - 416 с.
3. *Маслова В.А.* Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.А. Маслова // – М.: Академия, 2007. - 208 с.

10.02.19

Б.К. Миннуллин канд. филол. наук

Институт языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова,
Академии наук Республики Татарстан,
Казань, bahtiyar1986@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ АНАЛИТИЧЕСКИХ ФОРМ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ НА *-MAQDA IDE* И *-JUR IDE* В ТЕКСТАХ ГАЗЕТ «БОРХАНЕ ТАРАККИ» И «КОЯШ»

Целью данной статьи является научная разработка функционирования аналитических форм прошедшего времени на -maqda ide и -jur ide в текстах татарской периодической печати начала XX века на примере газет «Борхане таракки» (Астрахань, 1906-1911 гг.) и «Кояш» (Казань, 1912-1918 гг.). Научная новизна статьи обусловлена тем, что впервые в татарском языкознании, в рамках изучения грамматической системы текстов, научная разработка проводится на примере текстов указанных органов периодической печати и затрагивает межреволюционный период 1905 – 1917 гг., что позволяет рассмотреть развитие старотатарского письменного литературного языка в диахронии.

Ключевые слова: *старотатарский письменный литературный язык; татарская периодическая печать; язык газеты; грамматическая система; формы прошедшего времени.*

Как известно, начало XX века в плане развития старотатарского письменного литературного языка характеризуется как особый период, когда в текстах одновременно могли функционировать синонимичные друг другу грамматические показатели, часть которых являлась традиционным общетюркским наследием, часть проникла в употребление через османско-турецкое посредство, а некоторые формы пришли из народно-разговорного языка.

В текстах татарской периодической печати рассматриваемого периода, в частности, в текстах газет «Борхане таракки» и «Кояш», для передачи того или иного длительного действия, не приобретающего постоянный, регулярный характер и перенесенного в плоскость прошедшего времени, наблюдается употребление аналитической формы на *-maqda ide*. Она образуется от основы настоящего-длительного времени на *-maqda* в сочетании со вспомогательным глаголом *ide* ‘был’. Функционирование этой формы, характерной для огузских языков [6, с. 175], в рамках старотатарского письменного литературного языка возникает сравнительно поздно, а именно, с конца XIX века [7, б. 539] и обусловлено влиянием османско-турецкого литературного языка рассматриваемого периода [5, с. 139]. Однако окончательного утверждения формы на *-maqda ide* в рамках литературного языка не происходит и к концу второго десятилетия XX века она вытесняется из употребления другими формами, обладающими полисемантическими свойствами.

В текстах исследуемых нами газет форма на *-maqda ide* не получила широкого распространения. При этом, наиболее активно она обнаруживается в форме третьего лица обеих чисел в текстах газеты «Борхане таракки». Для текстов газеты «Кояш» данная форма является лишь вспомогательной. Так, третье лицо единственного числа прошедшего времени на *-maqda ide* не характеризуется наличием какого-либо специального грамматического показателя: *...ğadälät üzrä jaŋğy nizamlar tärtib idär dib härkem* ***ömedläneb tormaqda ide*** [1] / ‘...все надеялись, что они создадут новые законы, нацеленные на справедливость’ (Здесь и далее перевод выполнен автором статьи – Б. М.); *Bu mämurlarğa zur xoquqlar, teläsä nišlärgä ixtijarlar birelgän wä gubernatorlardan bašlab anyŋ qulyndağy palitsija, bu mämurlarğa daima* ***järdäm birmäkdä ide*** [3] / ‘Этим служащим даны большие права, разрешение на совершение всего, что угодно и начиная с губернатора, до полиции, находящейся в его руках, регулярно помогали этим служащим’.

Третье лицо множественного числа в текстах газет оформляется при помощи аффикса множественного числа *-lar/-lär*, который указывает на согласование в числе. При этом, аффикс *-lar/-lär* во всех зафиксированных случаях присоединяется исключительно к вспомогательному глаголу: *Kijem tüšäk uryn palas kebi šäjläre dä šu xajwan jonyndan xajwan tiresendän* ***japmaqda idelär*** [2] / 'Такие предметы, как одежда, перина, лежак, палас, они также делали из меха и шкуры этого животного'; *...awyl fäqyjr bulğandan mäktäbne näübätläb balalar salam jağyb* ***jylytmaqda idelär*** [9] / '... по причине того, что деревня была бедной, дети по очереди отапливали школу, сжигая сено'.

Реже в текстах газет зафиксировано употребление формы на *-maqda ide* в первом лице. Так, в первое лицо множественного числа оформляется посредством аффикса лица *-k,* который присоединяется к вспомогательному глаголу: *Bez Rusija möselmanlary moŋa kadär hič ber närsä sizmičä* ***joqlamaqta idek****...* [8] / 'Мы, мусульмане России, до этого времени спали, ничего не замечая…'.

Аналитическая форма прошедшего времени на *-jur ide*, которая сегодня наиболее активно функционирует лишь в турецком литературном языке [6, с. 181], в текстах газет образуется путем сочетания формы настоящего времени на *-jur*, являющейся характерной особенностью огузских языков, и вспомогательного глагола *ide* 'был'. Данная форма обнаруживается лишь в ряде текстов газеты «Борхане таракки», оформленных на огузо-турецком варианте старотатарского литературного языка и не является ядерной формой их грамматической системы. Ее крайне низкая активность в текстах газет «Борхане таракки» и отсутствие в текстах газеты «Кояш», главным образом, объясняется синонимичностью по отношению к более активной аналитической форме прошедшего времени на *-a ide*.

В целом, в текстах старотатарских письменных памятников функционирование формы на *-jur ide* зафиксировано лишь начиная со второй половины XIX века [7, б. 535]. В этот период она употребляться в качестве элемента функционально-стилистической вариативности при передаче некоторых значений показателя прошедшего времени на *-yr ide.*

Нами было зафиксировано функционирование формы на *-jur ide* только в третьем лице. Реализации третьего лица единственного числа осуществляется без применения какого-либо специального грамматического показателя. При этом, в зафиксированном нами примере рассматриваемая форма употреблена в усеченной форме, характерной для турецкого литературного языка [4, с. 237], состоящей из показателя времени на *-jur* и аффикса сказуемости прошедшего времени *-dy*, образованного от глагола *ide* 'был' в результате его усечения: *Bu soŋ sänälärä qadär islam miläte, äksäri rus gazetalarynda, bağzy jengel fikerlelärneŋ, wä ğarzkarlarnyŋ, töhmät wä iqtiralaryna* ***dučar ulyjurdy*** [10] / 'До последних времен в многочисленных русских газетах мусульманский народ подвергался клевете и противостоянию со стороны некоторых легкомысленных и разжигающих вражду людей'.

Третье лицо множественного числа оформляется посредством аффикса *-lar/-lär*, который присоединяется к основному глаголу: *...din islamija jöklätmädege böhtan wä iftiralary* ***qaldyrmyjurlar ide*** [10] / '...искореняли клевету и инсинуацию, которую не пропускала мусульманская религия'.

Третье лицо множественного числа в текстах газеты «Борхане таракки» также может быть оформлено посредством сочетания аффиксов *-lardy*, которое присоединяется к основному глаголу после показателя настоящего времени на *-jur*, где *-lar* является показателем числа, а *-dy* – аффикс сказуемости прошедшего времени, образованный от глагола *ide* 'был' в результате его усечения: *...vatandašlarymyz ruslar da beze namus wä xisijät kebi mäzijät insanijädan mäxrüm Afriqa jamjamlary kebi* ***täläqyj idijurlardy*** [10] / '...наши соотечественники, русские, тоже встречали нас, как африканские людоеды, лишенные таких человеческих качеств, как честь и чувсто'.

Как видно из материалов, форма на *-maqda ide* наиболее активна в текстах газеты «Борхане таракки», а форма на *-jur ide* и вовсе обнаруживается лишь в текстах указанной газеты. Данный факт объясняется тем, что газета «Борхане таракки» издавалась в первое десятилетие прошлого столетия, когда огузские и традиционные общетюркские языковые

формы еще имели широкое распространение в старотатарском литературном языке. Кроме того, на Астрахань начала XX века, через крымско-татарское посредство, в том числе и через просветительскую деятельность И. Гаспринского, все еще имело определенное влияние османско-турецкая культура, что не могло не отразиться и на формировании языковых особенностей татар, проживающих на данной территории. Обе рассмотренные нами формы вошли в употребление в рамках старотатарского литературного языка во вторую половину XIX века через османско-турецкое посредство. При этом, обе не смогли закрепиться в составе литературного языка и к концу второго десятилетия XX века были полностью вытеснены из употребления формами с более широкой семантической структурой. Определенную роль в этом имела и тенденциия постепенного перехода от использования традиционных общетюркских и огузских языковых форм в сторону употребления народно-разговорных грамматических элементов в рамках старотатарского литературного языка рассматриваемого периода.

Список литературы

1. Гадәләтме? Я золымлыкмы? // Борхане таракки. 29.12.1906. № 56.
2. Казакълар хәлендән // Борхане таракки. 29.04.1911. № 145.
3. Казан губернасындагы мөселманнар съезды // Кояш. 11.07.1917. № 1130.
4. *Кононов А.Н.* Грамматика современного турецкого литературного языка. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – 569 с.
5. *Негматуллов М.М.* Роль и место огузских элементов в истории развития татарского языка: дис. …канд. филол. наук. – Казань: Инст. яз., лит. и ист. им. Г. Ибрагимова КФАН СССР, 1983. – 223 с.
6. *Серебренников Б.*А., *Гаджиева Н.З.* Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Наука, 1986. – 301 с.
7. Татар әдәби теле тарихы (XIII – XX йөз башы). Морфология. Грамматик категорияләрнең структур-субстанциональ үзенчәлеге һәм функциональ-стилистик мөмкинлекләре: язма традицияләр, норма һәм вариантлылык / фән. ред. Х. М. Хисамова. – Казан: ТӘһСИ, 2017. – II т. – 888 б.
8. Яңа мөхәррирдән // Борхане таракки. 24.09.1906. № 28.
9. Әтраф хәбәрләре // Кояш. 20.01.1915. № 613.
10. Җәнаб Амосовка рәддия // Борхане таракки. 30.03.1907. № 89.

10.02.19

Р.Ф. Мирхаев канд. филол. наук

Академия наук Республики Татарстан,
Институт языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова
Казань, mirhaev77@mail.ru

СОЦИАЛЬНАЯ ОСНОВА ТАТАРСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

В статье рассматриваются вопросы теории и истории татарского литературного языка, в частности проблема социальной обусловленности его функционального развития в различные синхронные срезы. Цель исследования – определение социальной основы татарского литературного языка конца XIX – начала XX вв. Новизна работы определяется первичностью исследования указанной подсистемы татарского общенационального языка в социологическом аспекте.

Ключевые слова: *теория и история литературного языка, социологический подход, социальная основа литературного языка, носитель литературного языка, татарский литературный язык конца XIX – начала XX вв.*

На сегодняшний день исследование различных функциональных подсистем общенационального языка только в чисто лингвистическом аспекте не полностью раскрывает их сущность, в частности ту ее часть, которая обусловлена социальными факторами. В результате появились различные трактовки социологического характера отдельных форм существования языка, в том числе и литературной. В рамках нашего исследования в основу было взято предложенное группой ученых во главе с Л. П. Крысином определение, согласно которому современный русский литературный язык определяется как «…подсистема русского национального языка, на которой говорят лица, обладающие следующими тремя признаками: 1) русский язык является для них родным; 2) они родились и / или длительное время (всю жизнь или большую ее часть) живут в городе; 3) они имеют высшее или среднее образование, полученное в учебных заведениях с преподаванием всех предметов на русском языке» [5, с. 35].

Учитывая особенности исторического развития татарского общества, представляется невозможным проецирование данной дефиниции в полном объеме на исследования по истории татарского литературного языка. Здесь неоспоримым является учет лишь первого пункта в соответствующей редакции (татарский язык является для них родным), так как в указанный период татарское общество, не считая представителей отдельно взятых социальных слоев и групп, в силу своей закрытости было моноязычным, соответственно никакой другой язык не мог восприниматься татарами в качестве родного.

Невозможность применения второго пункта определяется тем фактором, что до эпохи индустриализации татары в силу определенных исторических факторов в основной своей массе проживали в селах и деревнях. В результате койне – наддиалектная языковая форма, которая могла бы обеспечить повседневную коммуникацию в различных сферах общественной жизни между носителями разных диалектов и составить основу литературному языку, у татар изначально сложилась в сельской местности. И только с развитием промышленности, которое дало толчок оттоку части крестьян из села, оно заняло свою нишу в сфере городского общения.

Что касается третьего пункта, здесь необходимо учитывать тот факт, что до событий Октябрьского переворота 1917 г. система образования у татар не была государственной. По этой причине отсутствовали единые образовательные нормы и стандарты, а также какая-либо системность в обучении родному языку. В качестве учредителей учебных заведений

(медресе), которые в основном открывались при сельских и деревенских мечетях, выступали частные лица (в основном муллы) или приходское общество. Они нигде не регистрировались и функционировали автономно за счет местного населения. [2, с. 793-795].

До рассматриваемого периода учеба в татарских медресе сводилась обучению чтению и письму на арабской графике, канонам и нормам ислама посредством заучивания религиозно-дидактических произведений, которые издавались большими тиражами и имели широкое распространение среди населения. Присутствовало также чтение художественных произведений, написанных на восходящих к древнетюркскому языку среднетюркском и старотатарском языках, что в определенной степени способствовало усвоению письменно-литературных норм и традиций, т.е. формированию языковой культуры.

В силу конфессиональной направленности образовательного процесса основное место в нем занимало изучение арабского и персидского языков, которые использовались татарами в качестве языков религии, науки, поэзии и суфийско-мистической литературы [4, с. 49]. Вследствие этого многие представители интеллигенции, как духовной, так и светской, были полилингвальными личностями, которые наряду с указанными выше языками владели еще и османско-турецким. Об этом свидетельствуют написанные ими на этих языках научные труды и художественные произведения, а также выполненные ими переводы на татарский язык сочинений восточных авторов [6, б. 35]. Изучение же самого татарского языка и обучение на нем началось лишь в конце XIX в. с появлением новометодных школ [2, с. 808, 812].

Несмотря на то, что ученый, под которым подразумевался человек, сведущий в вопросах веры, пользовался у татар большим уважением [7, с. 113-114], многие после овладения чтением и письмом, а также элементарными религиозными навыками, в силу трудных жизненных обстоятельств, прекращали посещение занятий. Дальнейшее образование, которое предполагало учебу в городских медресе, стоявших на одну ступень выше деревенских, а также в учебных заведениях Средней Азии, Турции и Египта, могли позволить себе лишь дети из состоятельных семей. Среди них основную массу составляли сыновья мулл и ахунов. Поэтому до середины XIX в. большинство татарских поэтов, которые в своих произведениях задавали тон в развитии письменно-литературных норм и традиций, были выходцами из семей, указанных выше священнослужителей. Нередко они и сами занимались религиозной деятельностью [1, с. 88-89].

Само обучение в медресе не подразумевало получение какого-либо филологического образования. Все необходимые для творческой деятельности навыки и знания приобретались самостоятельно. В дальнейшем, в конце XIX – начале XX вв., ряды литературных деятелей стали пополняться и представителями светской интеллигенции, которая объединила в себе выходцев из дворян, купцов, мещан и отчасти крестьян [3, с. 128-129].

Если принять во внимание тот факт, что «к концу XIX в. подавляющее большинство татарского населения относилось к сословию крестьян» [2, с. 55], которые в большинстве случаев уровнем и качеством своего образования не соответствовали статусу носителей татарского литературного языка, его социальная база в этот период на первый взгляд покажется слишком зауженным. Здесь необходимо учесть принцип неодинаковой расположенности членов социума от так называемого «нормативного ядра». Согласно ему «чем глубже языковая культура человека, чем прочнее его профессиональная связь со словом, тем ближе его речь к этому ядру, тем совершеннее владение литературной нормой и, с другой стороны, тем обоснованнее сознательные отступления от нее в практической речевой деятельности» [5, с. 34–35]. Конечно, не все представители отмеченных выше социальных слоев татарского общества владели этими качествами. Однако широко распространенный среди татар культ книги и знания все же позволяет нам утверждать, что они в своей речевой практике в той или иной степени, пусть и не всегда, придерживались письменно-литературным нормам и традициям и тем самым их можно отнести к категории носителей татарского литературного языка.

Таким образом, исходя из выше изложенного, относительно предмета исследования можно сделать следующие выводы:

1) носители татарского литературного языка в конце XIX – начале XX вв. в той или иной степени были представлены во всех социальных слоях и группах общества;

2) татарский язык был для них родным;

3) в основной своей массе они были выходцами из сельской местности и проживали там же;

4) большинство из них имело начальное и лишь часть среднее образование, полученное в учебных заведениях религиозной направленности;

5) их языковая культура в целом формировалась под влиянием древне- и среднетюркских, а также старотатарских письменно-литературных традиций.

Список источников

1. *Гайнуллин М.Х.* Татарская литература XIX века. – Казань: Таткнигоиздат, 1975. – 306 с.
2. История татар с древнейших времен: в 7 т. Т. VI. Формирование татарской нации. XIX – начало XX в. / Акад. наук Республики Татарстан, Ин-т истории им. Ш. Марджани; [гл. ред. Р. Хакимов]. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. – 1172 с.
3. *Мирхаев Р.Ф.* Старотатарский литературный язык и социальная структура татарского общества в конце XIX – начале XX вв. // Гуманитарные науки и образование. 2017. № 1 (29) (январь-март). С. 127-130.
4. *Мирхаев Р.Ф., Гумеров И.Г.* Система форм существования татарского языка в конце XIX – начале XX вв. // Филология и культура, 2015. № 1 (39). С. 49-53.
5. Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация / А.В. Занадворова, Е.В. Какорина, М.В. Китайгородская и др.; Отв. ред. Л.П. Крысин. – Москва: Языки славян. культуры, 2003. – 565 с.
6. Татар әдәбияты тарихы: сигез томда. 3 т.: XIX йөз башы / төз. Р. Ф. Рахмани. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2015. – 551 б.
7. *Фукс К.* Казанские татары, в статистическом и этнографическом отношениях. – Казань: Унив. тип., 1844. – 131 с.

10.02.19

Ю.Н. Науменко

Воронежский государственный медицинский университет
им. Н.Н. Бурденко Минздрава России,
кафедра иностранных языков,
Воронеж, naumenko1981@mail.ru

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ГИПОТЕЗЫ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ И РУССКОЯЗЫЧНОМ АКАДЕМИЧЕСКИХ ДИСКУРСАХ

Работа посвящена лингвокультурной специфике вербализации научной категории ***гипотеза*** *в англоязычном и русскоязычном академических дискурсах. Рассматриваются тексты раздела «Введение» ведущих британских и российских медицинских журналов. В результате проведенного исследования сделаны выводы о лексико-семантических и синтаксических особенностях вербализации научной категории* ***гипотеза*** *в англоязычных и русскоязычных медицинских текстах академического дискурса.*

Ключевые слова: *гипотеза, академический дискурс, вербализация, лингвокультурные особенности.*

Вопросу описания научно-методологического аппарата исследования посвящено несколько работ отечественных и зарубежных авторов [3,4,12], однако методологические характеристики научного исследования не конкретизированы и часто находятся вне фокуса внимания авторов при описании методологической основы научного исследования.

Любое научное исследование предполагает определение следующих научных категорий: актуальность, проблема, тема, объект и предмет исследования, цель и задачи, гипотеза, научная новизна, теоретическая и практическая значимость, результаты. Очевидно, что содержание этих категорий зависит от проблематики и отрасли науки. При этом общенаучный характер данных категорий общеизвестен. Особенно остро стоит проблема описании методологической основы научного исследования и вербализации научных категорий перед иноязычными авторами, стремящимися опубликовать результаты своих изысканий на английском языке. Авторы сталкиваются с проблемами не только лингвистического характера, но и что особенно важно, с проблемами дискурсивно-когнитивного и лингвокультурного характера [7, 8]. Актуальность настоящего исследования продиктована необходимостью выявления и анализа национально-специфических способов вербализации научных категорий в англоязычном и русскоязычном академических дискурсах с целью преодоления дискурсивно-когнитивных барьеров в сфере международного академического дискурса, что особенно значимо для иноязычных участников. Гипотеза нашего исследования заключается в следующем. Мы предполагаем, что существуют устойчивые способы вербализации категорий научного анализа, которые используются в академическом дискурсе для их выражения. Их выявление и анализ будет способствовать более глубокому пониманию академического дискурса, а также преодолению дискурсивно-когнитивных барьеров в сфере международного академического дискурса.

Таким образом, цель настоящего исследования состоит в выявлении и анализе способов вербализации научных категорий. Материалом исследования послужили современные англоязычного и русскоязычного медицинские исследовательские статьи (разделы Introduction или Введение). Процедура исследования основана на дескриптивно-сопоставительном методе анализа текста и дискурса [9, 10]. В данной работе мы сфокусировали свое внимание на важной научной категории методологической основы научно-исследовательской статьи – *гипотезе*. Под гипотезой в методологии научного познания понимают предположение о новых законах или причинах объяснения каких-либо вновь открытых явлений, связей и отношений [11, с. 208].

В. П. Огородников пишет: «Гипотеза – это суждение о возможном закономерном характере наблюдаемых явлений, об их причинах» [5, с. 115]. В. И. Курбатов определяет гипотезу как «…форму развития человеческого знания, представляющую собой обоснованное предположение, объясняющее свойства и причины исследуемых явлений» [2, с. 152]. Е. А. Иванов в своем определении гипотезы подчеркивает переход, который осуществляется от вероятных знаний к достоверным [1, с. 280]. Г. И. Рузавин полагает, что в научном смысле «…гипотеза представляет собой такую форму познания, в которой исследуется изменение, движение и развитие именно научного знания. Об этом свидетельствует как сама логическая ее форма, так и результат познания» [6, с. 67].

Научная категория *гипотеза,* как и другие категории научного анализа, такие как *актуальность, цель, предмет, объект*, является важным содержательным компонентом методологической основы научного исследования. Вербализация научной категории *гипотеза* происходит в разделе «Введение» научной статьи. Научно-исследовательская статья является релевантным материалом для выявления и анализа способов вербализации научной категории *гипотеза.*

В ходе анализа раздела «Введение» научно-исследовательских англоязычных и русскоязычных научно-исследовательских статей было выявлено, что вербализация научной категории *гипотеза* осуществляется лексико-семантическими и синтаксическими способами. Приведем наиболее распространенные.

(1) Личные местоимения множественного числа в сочетании с глаголом *hypothesis* в активном залоге, обозначающим мыслительное действие является типичным способом вербализации научной категории *гипотеза.*

We hypothesised that *preterm delivery is associated with increased long term mortality and that this association might be independent of shared familial factors. (BMJ* 2020; 370 doi: https://doi.org/10.1136/bmj.m2533)

A priori, ***we hypothesised that*** *as women are more likely to be the primary caregiver and thus have more direct physical contact with children with varicella, the degree of protection gained from boosting would be greater among women. (BMJ* 2020; 368 doi: https://doi.org/10.1136/bmj.l6987)

In this Danish population based cohort study, ***we hypothesised that*** *intrauterine exposure to maternal diabetes could lead to an excess risk of early onset CVD in offspring from childhood to early adulthood (up to 40 years). (BMJ* 2019; 367 doi: https://doi.org/10.1136/bmj.l6398)

Our hypothesis is that *in a simplistic model of three year survival, healthcare process variables will have stronger predictive value than patient pathophysiology variables. (BMJ* 2018; 361 doi: https://doi.org/10.1136/bmj.k1479)

Мы предполагаем, что *можно выделить три группы факторов, влияющих на нормальное течение беременности, на течение родов у женщины и состояние новорожденного ребенка: внутренние (психоэмоциональное состояние и личностные особенности женщины), мезофакторы (качество жизни женщины) и макрофакторы (качество городской среды).* (https://doi.org: 10.20538/1682-0363-2019-2-6–15)

В приведенных выше примерах вербализация научной категории *гипотеза* осуществляется прямо или эксплицитно с помощью аналогичных языковых средств – одноименных лексем как в англоязычном, так и в русскоязычном академическом дискурсах.

(2) Синтаксические конструкции страдательного залога являются еще одним распространенным способом вербализации категории *гипотеза.*

It has been hypothesised that *smoking during pregnancy compromises accrual of fetal bone mass by decreasing intestinal calcium absorption and the supply of oxygen and nutrients to the developing fetus. (BMJ* 2020; 368 doi: https://doi.org/10.1136/bmj.l7057)

Была сформулирована гипотеза о том, что *в результате восстановительных процедур, помимо того, что улучшается физическое состояние пациента (наступает терапевтический эффект), также улучшается его общее психологическое состояние и, в частности, отношение к телу.* (https://doi.org: 10.20538/1682-0363-2019-2-44–51)

В русскоязычном дискурсе отмечено также употребление глагольных форм страдательного залога, образованных с помощью аффикса – *ся*, в грамматической форме настоящего времени:

Предполагается, что *эозинофильные гранулоциты в опухолевой ткани желудка и толстого кишечника могут влиять на трансформированные клетки посредством продукции ростовых полипептидов, обеспечивающих самоподдержание, гиперпролиферацию и инвазивный рост опухоли, а также усиливающих процессы формирования в ней локальной сосудистой сети.* (https://doi.org: 10.20538/1682-0363-2019-1-211–219)

Вариантом данного способа вербализации гипотезы является синтаксическая конструкция активного залога с глаголом *предположить,* где роль подлежащего выполняет неодушевленное существительное, например,

Полученные результаты позволили авторам предположить, что *церебральная гипоперфузия НБВ развивается у больных РС уже на ранних стадиях заболевания независимо от типа течения и, возможно, является одним из важных патогенетических звеньев развития РС.* (https://doi.org: 10.20538/1682-0363-2019-4-102–109)

На наш взгляд, это сделано для «объективизации» гипотезы путем ссылки на некие объективные данные, которые подкрепляют авторские предположения.

(3) Следующим распространенным способом вербализации научной категории *гипотеза* в обоих дискурсах является использование модальных глаголов и наречий в разнообразных синтаксических структурах.

Так, при вербализации научной категории *гипотеза* в англоязычном дискурсе было отмечено использование некатегоричных сдержанно-уклончивых способов оформления высказываний при помощи модальных глаголов семантики возможности выполнения действия – *could* и условных предложений с союзом “if” (если), *if… it would….*

It could be hypothesised that *patients with severe immunosuppression might not experience the same degree ... (BMJ* 2020; 368 doi: https://doi.org/10.1136/bmj.l6987)

We hypothesised that if *platelet rich plasma accelerated tendon healing and improved mechanical properties of the healing tissue****, it would*** *result in improved muscle tendon function of participants. (BMJ* 2019; 367 doi: https://doi.org/10.1136/bmj.l6132)

Такой способ оформления высказываний является нормативным и соответствует национально-культурной традиции англоязычного академического дискурса.

Русскоязычный дискурс также демонстрирует тенденцию некатегоричного оформления высказываний при вербализации научной категории *гипотеза* с помощью синтаксических конструкций с модальным наречием *возможно*, модальным глаголом *можно,* а также безличных конструкций использованием возвратного глагола *предполагается*. Приведем следующие примеры.

Возможно, использование *гидрофильных трековых мембран с дополнительным наслоением на их поверхность пренатальных стромальных клеток человека при лечении ЭЭД роговицы* ***позволит*** *стабилизировать течение заболевания. (*https://doi.org: 10.20538/1682-0363-2019-2-157–164)

Можно предположить, что *при моделировании ишемии (реперфузии) введение диборнола-ГЭК непосредственно за 5 мин перед восстановлением кровотока будет уменьшать дисперсию реполяризации миокарда, т. е. снижать его аритмогенность, возникающую при ишемии.* (https://doi.org: 10.20538/1682-0363-2018-4-6–15)

Предполагается, что *эозинофильные гранулоциты в опухолевой ткани желудка и толстого кишечника могут влиять на трансформированные клетки посредством продукции ростовых полипептидов, обеспечивающих самоподдержание, гиперпролиферацию и инвазивный рост опухоли, а также усиливающих процессы формирования в ней локальной сосудистой сети.* (https://doi.org: 10.20538/1682-0363-2019-1-211–219)

Хотелось бы отметить, что использование некатегоричных способов оформления высказываний является конвенциональной нормой англоязычного академического дискурса. Наш русскоязычный корпус демонстрирует схожие тенденции. Возможно, это проявление

кросс-культурного взаимодействия в научной сфере или результат влияния англоязычного академического дискурса на русскоязычный.

Необходимо отметить еще один способ вербализации категории *гипотеза* в англоязычном дискурсе, а именно использование одноименной лексемы *hypothesis*, которая затем наполняется предметным содержанием. Рассмотрим следующие примеры.

***The key hypotheses included**: programme acceptance would decrease in groups that offered refundable deposits and increase in groups that offered a bonus, with greater increases for larger bonus amounts; and smoking abstinence would increase in groups offered a refundable deposit or bonus, with greater increases for larger bonus amounts and for team versus individual bonuses. (BMJ* 2020; 371 doi: https://doi.org/10.1136/bmj.m3797)

*In a general population of older adults aged 70-77 years in Norway, **we tested the primary hypothesis that** systematic exercise training lowers all cause mortality compared with giving advice to follow the national guidelines for physical activity. (BMJ* 2020; 371 doi: https://doi.org/10.1136/bmj.m3485)

По результатам анализа можно сделать следующие выводы. При сопоставительном изучении англоязычных и русскоязычных научных текстов отмечаются сходства и различия в способах вербализации научной категории *гипотеза,* причем выявленные сходства представляют особый интерес. Так, в англоязычном и русскоязычном академическом дискурсах, вербализация научной категории *гипотеза* происходит за счет схожих синтаксических конструкций таких как: личные местоимения множественного числа (*we, мы*) в сочетании с глаголом *hypothesise* в активном залоге, обозначающим мыслительные действия; синтаксические конструкции страдательного залога. На лексическом уровне используются сходные языковые средства – одноименная лексема *hypothesis*. Также в обоих дискурсах выявлено активное употребление модальных глаголов и наречий в сочетании с инфинитивами со значением *предположения.* Такой способ демонстрирует прагматическую «сдержанность» авторов при выражении своего научного вопроса.

Выявленное сходство англоязычного и русскоязычного академических дискурсов в некатегоричных способах оформления высказываний при вербализации научной категории *гипотеза* является отражением взаимодействия и взаимовлияния языковых культур в сфере академического дискурса.

Выявленные различия в способах вербализации научной категории *гипотеза* демонстрируют более широкий спектр выбора языковых средств при вербализации научной категории *гипотеза* в англоязычном академическом дискурсе.

Список литературы

1. *Иванов Е.А.* Логика. М.: Волтерс Клувер, 2007. 416 с.
2. *Курбатов В.И.* Логика. Ростов н/Д: Феникс, 2005. 283 с.
3. *Новиков А.М.* Методология / А.М. Новиков, Д.А. Новиков. – М.: Синтег, 2007 – 668 с.
4. *Новиков А.М., Новиков Д.А.* Методология научного исследования. Москва: Либроком, 2010. 280 с.
5. *Огородников В.П.* Логика. Законы и принципы правильного мышления. СПб.: Питер, 2004. 176 с.
6. *Рузавин Г.И.* Методология научного исследования. М.: ЮНИТИ-ДАТА, 1999. 317 с.
7. *Стеблецова А.О.* Метапрофессиональный деловой дискурс: типология и национальная специфика. – Воронеж : «Истоки», 2017. – 312 с.
8. *Стеблецова А.О.* Прагмалингвистический подход к описанию дискурса: модель дескриптивного анализа и практика применения. // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2014. № 1. С. 90-93
9. *Стеблецова А.О., Науменко Ю.Н.* Заголовки английских и русских научных статей: дискурсивно-когнитивные особенности/А.О. Стеблецова, Ю.Н. Науменко// Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. №4 (820). С.161-179.
10. *Стеблецова А.О., Торубарова И.И.* Лингвистические несоответствия при переводе медицинского текста как проявление интерференции русского языка Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018.№10-2(88). С.351-355.
11. *Стерелюхин, А.И., Старцева, Н.И., & Федоров, В.А.* О подготовке будущих преподавателей естественнонаучных дисциплин к использованию метода выдвижения гипотез в преподавании курса физики. Вестник российских университетов. Математика. 2009.14 (1), 208-209.
12. *Swales, J.M.* Research genres: Explorations and applications. Cambridge, UK: Cambridge University Press.2009.260 p.

10.02.19

Е.Е. Сафронова

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный медицинский университет» Минздрава РФ, Краснодар, e.e.safronova@mail.ru

ТИПЫ ЭКСПЛИКАЦИИ НАРРАТОРА В РОМАНЕ ДАНИЭЛЯ КЕЛЬМАННА «DIE VERMESSUNG DER WELT»

В статье рассматриваются типы манифестации нарратора посредством тематических, оценочных и иных признаков в рамках фикционального немецкоязычного дискурса. Описываются способы взаимодействия текста нарратора и персонажей романа, приводящие к возникновению текстовой интереференции. Подобное грамматико-семантическое оформление романа обусловлено стилистической потребностью автора подражать фактуальному повествованию.

Ключевые слова: *нарратор, наррататор, текстовая интерференция, уровни наррации, нарратология.*

Повествовательный текст слагается из двух текстов – текста нарратора и текста персонажей. Если первый формируется в процессе повествования, то под последним подразумевается текст, уже существовавший до повествовательного акта и только воспроизводимый в нём. Включенность речи персонажа в повествовательный текст необязательно влечёт за собой её аутентичную, «объективную» передачу нарратором. Нарратор может изменять текст персонажа тем или другим образом, что становится очевидным, когда он передает одну и ту же речь дважды, но в разных выражениях или с разными акцентами. Даже если нарратор передает текст персонажа, стремясь к строжайшему «подражанию» и тематическим, и оценочным, и стилистическим признакам этого текста, сам по себе выбор отдельных отрывков из текста того или другого персонажа придает передаче некоторый «субъективный» характер. В целом можно с уверенностью заявить, что, подбирая слова персонажа, нарратор использует чужой текст в своих повествовательных целях.

Ниже предлагается набор признаков, по которым тексты нарратора и персонажей могут различаться [2, с. 203].:

1. Тематические признаки.
2. Оценочные признаки.
3. Грамматические признаки лица и времени глагола.
4. Признаки указательных систем.
5. Признаки языковой функции [3], т.е. изображающей, экспрессивной или апеллятивной.
6. Лексические признаки.
7. Синтаксические признаки.

Таким образом, текстовая интерференция – это комплексное явление, в котором совмещаются две функции: передача текста персонажа и собственно повествование. Это явление, характерное для художественной прозы, возникает вследствие того, что в одном и том же отрывке повествовательного текста одни признаки отсылают к тексту нарратора, другие же – к тексту персонажа. Одновременная отсылка к двум разнородным текстам создает эффект их сосуществования.

Текстовая интерференция названа у М. Бахтина «гибридной конструкцией»: «Мы называем гибридной конструкцией такое высказывание, которое по своим грамматическим (синтаксическим) и композиционным признакам принадлежит одному говорящему, но в котором в действительности смешаны два высказывания, две речевые манеры, два стиля, два «языка», два смысловых и ценностных кругозора» [1, с. 118].

Речь персонажа, принимая нарративную роль, в известной мере замещает текст нарратора. Вольф Шмид в своем трактате «Протонарратология» указывает на то, что нарратор, воспроизводя тексты персонажей, использует персональные знаки и значения как обозначающие, выражающие его нарраториальные значения [5]. На этом основании Шмид утверждает, что все попытки исключить «прямые» речи и диалоги из повествовательного текста и из круга предметов нарратологии оказываются несостоятельными. Однако, на наш взгляд, Шмид не принимает во внимание возможность передачи диалогов без использования прямой речи.

Данную технику, которую можно вполне назвать новаторской, мы и наблюдаем на страницах романа Даниэля Кельманна „Die Vermessung der Welt“. Все встречающие в тексте диалоги переданы автором при помощи грамматической структуры Konjunktiv I: *„Er beruhigte sich nicht einmal, als Eugen von der einen und Minna von der anderen Seite ihre Hände auf seine Schultern legten und beteuerten, man werde gut für ihn sorgen, er werde bald wieder daheim sein, es werde so schnell vorbeigehen wie ein böser Traum”* [4, с. 8]. Как видно из приведённого отрывка, интерференция текста нарратора и героев довольно сильна, и всё же тексты легко разделить по грамматическим признакам: прежде всего, это наклонение, кроме того время повествования (настоящее время Präsens Konjunktiv I для текста героев и прошедшее повествовательное Präteritum Indikativ для текста нарратора).

В своём стремлении отказаться от диалогов Кельманн порой доходит до крайности и нарушает внутреннюю связность текста. *„Der Diener legte vier tote, sorgsam gereinigte Frösche auf Humboldts blutigen Rücken. Aber jetzt reiche es, sagte er, sie seien doch Christenmenschen“* [4, с. 31]. В данном примере мы можем наблюдать явное нарушение темарематического членения текста. Согласно правилам немецкой грамматики, выделенное *«er»* должно относиться к Гумбольдту, однако далее нарратор продолжает: *„Der Diener legte vier tote, sorgsam gereinigte Frösche auf Humboldts blutigen Rücken. Aber jetzt reiche es, sagte er, sie seien doch Christenmenschen. Humboldt ignorierte ihn und befahl: Wieder das Silber!“* [4, с. 31]. Таким образом, становится очевидным, что местоимение «er» означает слугу, а не Гумбольдта, как следовало бы по правилам. Перед нами яркий пример так называемой внутренней интерференции (то есть смешения текста двух и более персонажей), которую Кельманн активно использует наряду с интерференцией текста нарратора и персонажей.

Особенно сильна описываемая интерференция в случаях, когда переданный в Konjunktiv I микротекст (как правило, речь идёт о кратких репликах, зачастую имеющих форму эллиптических предложений) лишён сопровождающих пояснений вроде *„erklärte“, „flüsterte“, „sagte“, „äußerte“* и т.д. *„Diese Schlucht hier, sagte Humboldt, sei doch eine Schlucht, oder? Bonpland sah hinab. Vor ihren Fußen fiel ein Spalt wohl vierhundert Fuß in die Tiefe. Da kämen sie nie hinüber!“* [4, с. 173].

„Das mache sie zu den Menschen, die am weitesten nach oben vorgedrungen seien. Keiner habe sich je so weit von der Meereshohe entfernt. Aber der Gipfel? Mit oder ohne Gipfel, es sei der Weltrekord. Er wolle auf den Gipfel, sagte Bonpland“ [4, с. 174].

Зачастую понять отнесённость реплики к тому или иному персонажу можно лишь после ознакомления с общим контекстом. Однако существует также ряд экстралингвистических факторов, призванных помочь разделению текста. *„Humboldt erstarrte. Das sei Herr Daguerre, flüsterte er, ohne die Lippen zu bewegen, bitte auf keinen Fall bewegen! Gauß sagte, er wolle nach Hause. Nur einen Augenblick, flüsterte Humboldt, fünfzehn Minuten etwa, man sei schon recht weit fortgeschritten“* [4, с. 15]. Как отчётливо видно из приведённого выше отрывка, авторская ирония является неотъемлемой частью текста. В тексте весьма часто встречаются оценочные эпитеты, которые далеко не всегда принадлежат собственно героям повествования. В данном отрывке предложение *„man sei schon recht weit fortgeschritten“* безусловно иронично, а потому весьма сомнительно, чтобы поборник прогресса Гумбольдт подобным образом отзывался об одном из величайших изобретений своей эпохи. Подобное логическое заключение даёт нам основание полагать, что приведённая сентенция является авторской. Ранее было представлено внедрение авторского текста в текст персонажа, однако нередко в

романе встречается и обратная интерференция, т.е. привнесение оценочных суждений персонажа в текст автора. *„Im September 1828 verließ der größte Mathematiker des Landes zum erstenmal seit Jahren seine Heimatstadt, um am Deutschen Naturforscherkongreß in Berlin teilzunehmen. Selbstverständlich wollte er nicht dorthin“* [4, с. 7]. Учитывая естественную дистанцию между нарратором и повествуемым им миром, оценочное суждение *„selbstverständlich“* не может принадлежать тексту рассказчика, несмотря на то, что в предложении использовано прошедшее повествовательное время Präteritum Indikativ, характерное для текста нарратора романа. Разбираясь в причинах возникновения интерференции подобной силы, следует упомянуть практически бесконечное стремление автора к экономии лексических средств и сжатию текста без повреждения его смысловой составляющей. Всё это объясняется желанием Кельманна при создании фикционального текста подражать тексту фактуальному, предполагающему максимально нейтральное, лишённое эмоций, «сухое» повествование. Экспериментальная основа романа делает его не только приятным для чтения, что доказывают переводы на многие языки и завоёванные литературные премии, но и весьма интересным в качестве основы научного исследования.

Список литературы

1. *Бахтин М.М.* Слово в романе / М.М. Бахтин. – М.: Изд - во НИИ ОПП АПН СССР, 1975.
2. *Шмид В.* Заметки о парадоксе / В. Шмид. – СПб.: «Искусство - СПБ», 2001.
3. *Bühler K.* Sprachtheorie. Die Darstellungsfunktion der Sprache / Bühler K. – Frankfurt a. M.: Klostermann, 1978.
4. *Kehlmann D.* Die Vermessung der Welt / Kehlmann D. – Hamburg: Rowohlt Verlag, 2005.
5. *Schmid W.* Die narrativen Ebenen «Geschehen», «Geschichte», «Erzählung» und «Präsentation der Erzählung» / Schmid W. – Stuttgart: Ernst Klett, 1982.

10.02.19

И.В. Щербак

Военный университет Министерства обороны Российской Федерации,
кафедра английского языка (основного),
Москва, sherbak91@rambler.ru

ОБРАЗ ВРАГА В ПУБЛИЧНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЯХ АМЕРИКАНСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ

Статья посвящена исследованию лингвостилистических приемов и средств, используемых американскими политическими деятелями для формирования в сознании массовой аудитории образа врага.

Ключевые слова: *политический дискурс, публичное выступление, ценности, образ, речевое воздействие.*

Анализ текстов публичных выступлений политиков США свидетельствует о важной роли учета национально-ценностного компонента языковых средств для достижения максимального уровня персуазивности выступления. В своем выступлении политический деятель использует как средства для прямой номинации агентов лексемами с пейоративной семантикой, но и эпитеты, метафоры, антитезы, повторы, инверсии, позволяющие создать в сознании массового адресата образ вражеского американскому этносу государства.

В основе человеческого мышления заложены образы, под которыми понимаются устойчивые представления и когнитивные структуры, которые координируют и регулируют взаимодействие индивида с объектами окружающей действительности. Понятие «образ врага» относится к древнейшим архетипам сознания, оказывающим влияние на социально-политические процессы на протяжении всей истории человечества. Г.И. Козырев указывает на появление понятия «враг» еще в первобытном обществе, в котором возникла необходимость самоидентификации социальной группы и ее различия по принципу «свой-чужой» и выяснения потенциальной опасности для существования группы [2, с. 4].

Внешнеполитический курс государства предполагает выделение «врага» на мировой политической арене. Г.И. Козырев подчеркивает, что актуализация образа врага является основным способом консолидации общества: «это «единственный способ мобилизации общества перед лицом внешней угрозы и внутренней дезорганизации» [3, с. 25].

Основные проблемы, представляющие угрозу для Соединенных Штатов, традиционно излагаются в документе, подготавливаемом исполнительной властью для Конгресса один раз в несколько лет – Стратегии национальной безопасности (The National Security Strategy). На разных этапах развития американского государства стратегия неоднократно меняла свой облик. Так, во времена Второй мировой войны главной задачей США являлась мобилизация усилий для нанесения поражения нацизму и японскому милитаризму, в годы Холодной войны – политика сдерживания стран социалистического лагеря. Новым этапом для развития стратегии национальной безопасности США выступили события 11 сентября 2001 года, актуализировавшие проблему безопасности и борьбы с международным терроризмом [15].

Обнародованная министерством обороны США в январе 2018 года очередная Стратегия рассматривает в качестве главной проблемы национальной безопасности стратегическое соперничество между государствами, а основными угрозами безопасности американского государства называет Китай, Россию, Корейскую Народно-Демократическую Республику, Иран и терроризм [13].

На страницах официальных документов противники США называются открыто, даются четкие обоснования причин, по которым они представляют угрозу безопасности государства. Придерживаясь заданного правительством курса, американские политические деятели в своих публичных выступлениях используют в рамках персуазивной стратегии языковые средства для создания в сознании массовой аудитории образа врага.

Ключевой антиценностью США выступает тирания. В публичных речах американских политических деятелей дихотомия «демократия» - «тоталитаризм» заключена в семантику высказываний, посвященных ведущим (по мнению США) мировым диктатурам.

В речах американских политических деятелей одной из главных угроз всему человечеству выступает Иран:

«Every solution to the humanitarian crisis in Syria must also include a strategy to address ***the brutal regime*** *that has fueled and financed it:* ***the corrupt dictatorship in Iran»*** **[**8] («Любое решение гуманитарного кризиса в Сирии должно также включать стратегию борьбы с жестоким режимом, который его подпитывал и финансировал: коррумпированной диктатурой в Иране», - здесь и далее перевод наш, - И.Щ.)

Приведенные выше примеры содержат яркие эпитеты *radical regime* ‘радикальный режим’, *brutal regime* ‘жестокий режим’, *corrupt dictatorship* ‘коррумпированная диктатура’, позволяющие политику создать в сознании массового адресата образ вражеского американскому этносу государства.

Дихотомии «демократия» - «тоталитаризм», «республика» - «тирания», «капитализм» - «коммунизм» пронизывают риторику американских политических деятелей со времен Холодной войны, которую отличает неприятие стран социалистического блока [6, с. 35]. События начала 2019 г., связанные с резким обострением политического кризиса в Венесуэле, привели к появлению многочисленных пейоративных номинаций режима президента Николаса Мадуро в публичных выступлениях президента США Д. Трампа:

«The ***dictator*** *Maduro is a Cuban puppet, protected by Cuban bodyguards, hiding from his own people while Cuba plunders Venezuela’s oil wealth to sustain its own* ***corrupt communist rule»*** **[**10] («Диктатор Мадуро - кубинская марионетка, защищенная кубинскими телохранителями, скрывающаяся от собственного народа, в то время как Куба расхищает нефтяные богатства Венесуэлы, чтобы поддерживать собственное коррумпированное коммунистическое правительство»).

В публичных выступлениях американского президента Н. Мадуро именуется диктатором, а политический режим Южноамериканского государства – репрессивным и коррумпированным.

Основанием для создания образа врага в сознании аудитории выступает определенный факт его разрушительной деятельности. Таким образом, в образе противника важную роль играют не столько черты рассматриваемого этноса, сколько та опасность, вину за которую приписывают этому народу [5, с. 82]. Например, в своем обращении к американской нации по поводу проводимой правительством политики в отношении Китая вице-президент М. Пенс неоднократно «демонизирует» Поднебесную, иллюстрируя свою речь примерами из политики коммунистической партии в отношении верующих:

«Last month, Beijing ***shut down*** *one of China’s largest underground churches. Across the country, authorities are* ***tearing down*** *crosses,* ***burning*** *bibles, and* ***imprisoning*** *believers»* [14] («В прошлом месяце Пекин закрыл одну из крупнейших в Китае подземных церквей. По всей стране власти срывают кресты, сжигают библии и сажают в тюрьмы верующих»).

Таким образом, приводя примеры нарушений правительством Китайской Народной Республики прав верующих, американские политические деятели апеллируют к одной из основных ценностей, формирующих аксиологическое ядро американской нации, - вере в Бога, усиливая негативную реакцию аудитории на проводимую противником политику.

Примером признака-реакции на образ врага выступает и идентификация со злом: система ценностей врага всегда противопоставляется собственной системе ценностей. Приведем пример из публичного выступления вице-президента США М. Пенса: *«And **no threat looms larger** in the Baltic states than **the spectre of aggression** from your **unpredictable neighbour to the east**»* [9] («В Прибалтике нет большей угрозы, чем агрессия со стороны вашего непредсказуемого соседа на востоке»). Создание зловещего образа России, как главной угрозы странам Прибалтики, происходит с помощью приемов метафоры *no threat looms larger*, эпитета *unpredictable neighbor,* иносказания *unpredictable neighbour to the east.*

Мировым агрессором, представляющим угрозу безопасности США, остаются террористические группировки и Иран, как «главный спонсор международного терроризма». В обращении к 73-ей сессии Генеральной ассамблеи ООН 25 сентября 2018 г. Д. Трамп использует лексические повторы: «*We cannot allow **the world's leading sponsor of terrorism** to possess the planet's most dangerous weapons. **We cannot allow a regime that chants "Death to America"…*** » [8] («Мы не можем допустить, чтобы ведущий мировой спонсор терроризма обладал самым опасным на планете оружием. Мы не можем допустить, чтобы режим, провозглашающий "Смерть Америке"…»).

Продолжению нагнетания обстановки вокруг «главного мирового спонсора терроризма» в выступлении Д. Трампа способствует инверсия: *«Not only is Iran the **world's number one state sponsor of terrorism**, but Iran's leaders **are fueling the tragic wars** in both Syria and Yemen»* [10] («Иран не только является ведущим в мире государственным спонсором терроризма - лидеры Ирана разжигают трагические войны как в Сирии, так и в Йемене»). Помимо инверсии, позволяющей оратору акцентировать внимание аудитории на роли Ирана в качестве спонсора международного терроризма, в цитате присутствует метафора, создающая в сознании публики образ вражеского государства, разжигающего трагические войны в других регионах Ближнего Востока.

Анализ публичных выступлений американских политических деятелей позволяет сделать вывод о высокой частотности отсылок к образам крови для характеристики деятельности террористических организаций, предполагающей насилие и убийства: *«**We're putting** America first again, and **we are seeing** the incredible results. **We're destroying** the **bloodthirsty killers** known as ISIS - almost gone»* [11] («Мы снова ставим Америку на первое место, и мы видим невероятные результаты. Мы уничтожаем кровожадных убийц, известных как ИГИЛ, и они уже почти разгромлены»). Усиленный синтаксическими повторами *We're putting, we are seeing, We're destroying* персуазивный эффект достигает пика в публичной речи Д. Трампа благодаря эпитету *bloodthirsty killers* 'кровожадные убийцы'.

Приведем цитату из публичного выступления Д. Трампа, которая служит примером усиления персуазивности речи обращением к образам телесного кода культуры: сжатой в кулак руки и крови: *«When I took office, ISIS controlled more than 20,000 square miles in Iraq and Syria. Today, we have liberated virtually all of that territory **from the grip of these bloodthirsty killers»*** [12] («Когда я вступил в должность, ИГИЛ контролировала более 20 000 квадратных миль в Ираке и Сирии. Сегодня мы освободили практически всю эту территорию от власти этих кровожадных убийц»). Соматический культурный код представляет собой универсальный для всех языков мира код, ввиду стремления человека познавать оружающий мир проекцией на него специфики строения собственного тела [1, с. 5]. Наделенные значимыми в пространстве культуры смыслами и стереотипами мышления этноса, части тела человека выступают в культуре и языке в роли символов.

Кровь в культурах различных народов – часть божественной энергии, дух личности, символ жизненной силы [7, с. 37]. Отталкиваясь от положения Ю. Лотмана о том, что символ «никогда не принадлежит какому-либо одному синхронному срезу культуры – он всегда пронзает этот срез по вертикали, приходя из прошлого и уходя в будущее. Память символа всегда древнее, чем память его несимволического текстового окружения» [4], мы можем говорить о важной роли ассоциаций с древнейшими символами культуры – крепко сцепленными пальцами руки *grip* и крови *bloodthirsty* в направленной на достижение

максимального эффекта убеждения риторике действующего президента США Д. Трампа.

Обращение к национально и культурно обусловленным символам для характеристики деятельности террористов в публичных речах политиков США способствует сплочению нации перед лицом угрозы и достижению максимального уровня персуазивности выступления.

Подводя итог, следует отметить, что для достижения максимального персуазивного эффекта публичного выступления в арсенале политика имеются не только лингвостилистические средства для прямой номинации агентов и ассоциируемых с врагом видов деятельности частотными идеологическими и прагматически-заряженными лексемами с пейоративной семантикой, но и эпитеты, метафоры, антитезы, повторы, инверсии, позволяющие создать в сознании массового адресата образ вражеского американскому этносу государства.

Список литературы

1. *Букулова М.Г.* Соматическая фразеология тюркских языков: на материале турецкого языка: автореф. дис. … канд. филол. наук. –М., 2006. –21 с.
2. *Козырев Г.И.* «Враг» и «Образ врага» в общественных и политических отношениях // Социологические исследования. 2007. № 1. –С. 1–19.
3. *Козырев Г.И.* Основы социологии и политологии. – М.: ИД «ФОРУМ»: ИНФРА-М, 2008. – 240 с.
4. *Лотман Ю.М.* Символ в системе культуры. Избранные статьи. Т. 1. – Таллинн, 1992. – С. 191 – 199.
5. *Поршнев Б.Ф.* Социальная психология и история. – М., 1966. – С. 82.
6. *Романов А.С., Лупанова Е.В.* Дихотомические диады фразеологических единиц как средство выражения ключевых ценностей армейской субкультуры // Филологические науки в МГИМО. 2020. № 1 (21). – С. 34-40.
7. *Рошаль М.В.* Энциклопедия символов. – М.; СПб.: АСТ, Сова, Харвест, 2008. – 204 с.
8. Address at the 73rd Session of the United Nations General Assembly [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-73rd-session-united-nations-general-assembly-new-york-ny/и
9. Mike Pence reassures Baltic states over Russia 'threat' [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.bbc.com/news/world-europe-40779184
10. Remarks at the United Nations General Assembly [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/sg/en/content/sg/speeches/2019-09-24/address-74th-general-assembly
11. Speech at the Veterans of Foreign Wars National Convention [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/july-24-2018-speech-veterans-foreign-wars-national-convention
12. State of the Union Address [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/president-donald-j-trumps-state-union-address-2/
13. US National Security Strategy [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.defense.gov/Explore/News/Article/Article/1419045/dod-official-national-defense-strategy-will-rebuild-dominance-enhance-deterrence/
14. Vice President Mike Pence's Remarks on the Administration's Policy Towards China [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.hudson.org/events/1610-vice-president-mike-pence-s-remarks-on-the-administration-s-policy-towards-china102018
15. Wikipedia [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://en.wikipedia.org/wiki/National_Security_Strategy_(United_States).

АННОТАЦИИ
ABSTRACTS

Н.В. Бараханова
ИДЕЯ ПОСТРОЕНИЯ «ГРАДА БОЖЬЕГО» В РОМАНЕ А. ПЛАТОНОВА «ЧЕВЕНГУР»

Ключевые слова: спасительный мир, «Град Божий», Китеж, мифопоэтические анализ, реминисцентный фон.

В работе представлены результаты осмысления идеи построения спасительного мира на земле и ее художественного воплощения в романе А. Платонова «Чевенгур».

N.V. Barakhanova
THE IDEA OF "THE CITY OF GOD" ESTABLISHMENT IN THE NOVEL "CHEVENGUR" WRITTEN BY A. PLATONOV

Keyword: heaven-sent world, "The City of God", Kitezh, mythopoetic analysis, reminiscence.

The results of idea's interpretation of the heaven-sent world creation and its artistic realization are revealed in the paper by the example of Platonov's "Chevengur".

Ю.С. Баскова, М.В. Безрукавая
СОВРЕМЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС И ПРОБЛЕМЫ ЕГО ИЗУЧЕНИЯ

Ключевые слова: литературный процесс, современная литература, литературная критика.

В работе представлены результаты изучения современного литературного процесса, который сейчас вряд ли можно представить целостно силами традиционной филологической науки. В этом плане гораздо мобильнее литературная критика, ставшая в последнее десятилетие формой фиксации, анализа и даже синтеза тех художественных явлений, до которых часто не добирается университетский ученый.

Y.S. Baskova, M.V. Bezrukavaya
MODERN LITERARY PROCESS AND PROBLEMS OF ITS STUDY

Keywords: literary process, modern literature, literary criticism

The work presents the results of studying the modern literary process, which now can hardly be presented in a holistic manner by the forces of traditional philological science. In this regard, literary criticism is much more mobile, which in the last decade has become a form of fixing, analyzing and even synthesizing those artistic phenomena that a university scientist often does not have time to analyze.

Л.А. Берсенева, А.В. Федорова
ОБРАЗ ВРЕМЕНИ В ПОВЕСТИ В.И. БЕЛОВА «ПРИВЫЧНОЕ ДЕЛО»

Ключевые слова: художественное время, В.И. Белов, «Привычное дело», народный календарь.

Статья посвящена проблеме художественного времени в повести В.И. Белова «Привычное дело». Рассматриваются особенности его представления, в том числе реальное время в биологическом и календарном аспектах, анализируется культурно-исторический контекст повести. На основании проведенного исследования сделан вывод о значимости природного и народного календаря в идейной структуре произведения.

L.A. Berseneva, A.V. Fedorova
THE IMAGE OF TIME IN THE NOVEL BY V.I. BELOV «AN ORDINARY AFFAIR»

Keyword: artistic time, V. I. Belov, "Regular Affair", national calendar.

The article is devoted to the problem of artistic time in V. I. Belov's story "Regular Affair". The features of its representation, including the notion of real time in biological and calendar aspects, are considered; the cultural and historical contexts of the story are analyzed. Current research presents evidence of the significance of the natural and folk calendars within the ideological paradigm of the literary work.

Ф.Ф. Гилемшин, А.Г. Гилемшина
ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ В СКАЗКАХ «ТЫСЯЧА И ОДНА НОЧЬ»

Ключевые слова: сказка, Шахрезада, «Тысяча и одна ночь», Харун ар-Рашид, Зумурруд, Далила.

В данной статье рассматриваются особенности изображения некоторых женских образов в произведении «Тысяча и одна ночь». В рассказах Шахрезады повествуется о различных типах женщин. Женские образы раскрываются по свойственным им чертам: это мудрость, ум, хитрость, преданность, воинственность, праведность, коварство и др. В сказках, наряду с попыткой создания оригинальных образов, прослеживается четкое следование стандартным клише.

F.F. Gilemshin, A.G. Gilemshina
THE IMAGE OF A WOMAN IN THE FAIRY TALES "ONE THOUSAND AND ONE NIGHTS"

Keywords: fairy tale, Shahrezada, "A Thousand and One Nights", Harun ar-Rashid, Zumurrud, Delilah.

This article examines the features of the image of some female images in the work "A Thousand and One Nights". Shahrezada's stories tell about different types of women. Female images are revealed according to their characteristic features: wisdom, intelligence, cunning, devotion, belligerence, righteousness, deceit, etc. In fairy tales, along with an attempt to create original images, there is a clear adherence to standard clichés.

Е.П. Лынова
ТРАНСФОРМАЦИЯ ТЕМЫ ДВОЙНИЧЕСТВА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Ключевые слова: двойничество, фольклор, романтизм, реализм, трансформация, трагическое двоемирие, раздвоенность сознания.

В статье рассматриваются трансформационные процессы в развитии темы двойничества в русской литературе, начиная с фольклорных образов до наиболее сложных форм, сформировавшихся под непосредственным влиянием романтических идей и представлений, видоизмененных в результате воздействия новых реалистических принципов отражения действительности.

E.P. Lynova
TRANSFORMATION OF THE THEME OF DUALITY IN RUSSIAN LITERATURE

Keywords: duality, folklore, romanticism, realism, transformation, the tragic, the real and imaginary worlds, the duality of consciousness.

The article examines the transformation processes in the development of the theme of duality in Russian literature, starting from folklore images to the most complex forms formed under the direct influence of romantic ideas and ideas, modified as a result of the impact of new realistic principles of reflection of reality.

Н.И. Николаев, Т.В. Швецова
«МАРТИНГАЛ» В.Ф. ОДОЕВСКОГО В КОНТЕКСТЕ «ПЕТЕРБУРГСКОГО СБОРНИКА»

Ключевые слова: литературный альманах, «Петербургский сборник», В.Ф. Одоевский, литературный герой, поступок, картина мира.

Статья посвящена анализу малоизученного произведения В.Ф. Одоевского «Мартингал» (1846) в контексте историко-литературных процессов 40-х годов XIX века. Это произведение отражает в своих установках общие тенденции, характеризующие в целом «Петербургский сборник», в котором оно было опубликовано, а также тенденции, определяющие вектор движения русской литературы эпохи. В основе этого процесса лежит глобальное изменение художественной картины мира.

N.I. Nikolaev, T.V. Shvetsova
THE MARTINGALE BY V.F. ODOEVSKY IN THE CONTEXT OF THE PETERSBURG COLLECTION

Keywords: literary almanac, The Petersburg Collection, V.F. Odoevsky, literary character, act, picture of the world.

The article is devoted to the analysis of The Martingale (1846), the little-studied work by V. F. Odoevsky, in the context of the historical and literary processes of the 1840s. This work reflects in its attitudes the overall trends that characterize in general The Petersburg Collection in which it was published, as well as the trends that characterize the development vector of Russian literature of that era. This process is based on a global change in the artistic picture of the world.

С.Н. Патапенко
БИБЛЕЙСКАЯ ТЕМА В ПОВЕСТИ В.И. БЕЛОВА «ПРИВЫЧНОЕ ДЕЛО»

Ключевые слова: В. И. Белов, повесть «Привычное дело», библейская тема, Библия, Книга Ионы, притча о блудном сыне.

В статье выявляется значимость библейской темы для понимания проблематики повести В. И. Белова «Привычное дело». Присутствие этой темы рассматривается на эксплицитном и имплицитном уровнях произведения. Эксплицитно тема представлена как прямое упоминание Библии, молитвы, чей текст восходит к ветхозаветной Книге Ионы, имплицитно она обнаруживается в использовании мотива блудного сына.

S.N. Patapenko
BIBICAL THEME IN STORY OF V. BELOV "HABITUAL DEAL"

Keywords: V.I. Belov, the story "Habitual deal", biblical theme, Bible, the Book of Jonah, Parable of the Prodigal Son.

This article reveals the significance of the biblical theme for understanding the problems of V.Belov's story "Habitual deal". The presence of this topic is considered at the explicit and implicit levels of the work. Explicitly, the theme is presented as a direct mention of the Bible, the prayer, which text dates back to The Old Testament Book of Jonah. Implicitly it is found in the use of the motive of the prodigal son.

А.Н. Тушев
ЛЕВ ТОЛСТОЙ И МЕРЕЖКОВСКИЕ: К ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

Ключевые слова: Дмитрий Мережковский, Зинаида Гиппиус, Лев Толстой, русская литература, русский модернизм

Статья посвящена истории общения Л.Н. Толстого с Д.С. Мережковским и З.Н. Гиппиус, а также мемуарным, дневниковым и эпистолярным свидетельствам об их контактах. Их встреча произошла в 1904 г. в Ясной Поляне. Гиппиус и Мережковскому было важно подчеркнуть расположение к ним Толстого. На это указывает написанная Мережковским автобиографическая заметка, а также глава из мемуарной книги Гиппиус «Живые лица» (1925).

A.N. Tushev
LEO TOLSTOY AND MEREZHKOVSKY'S: TO THE HISTORY OF THEIR RELATIONSHIPS

Keywords: Dmitry Merezhkovsky, Leo Tolstoy, Russian literature, Russian modernism, Zinaida Gippius.

The article deals with the history of L.N. Tolstoy's relationships with D.S. Merezhkovsky and Z.N. Gippius, as well as memoir, diary and epistolary evidence of their contacts. Their meeting took place in 1904 in Yasnaya Polyana. It was important for Gippius and Merezhkovsky to emphasize Tolstoy's affection for them. This is indicated by an autobiographical note written by Merezhkovsky, as well as by a chapter from Gippius's memoirs «The Living faces» (1925).

В.А. Гапутина, Е.А. Будник, В.В. Богуславская
ХЭШТЕГ НА СТРАНИЦАХ ГЛЯНЦЕВЫХ МЕДИА

Ключевые слова: массмедиа, глянцевые журналы, хэштег.

Настоящая статья посвящена рассмотрению хэштега как элемента офлайн-пространства. Материалом для исследования послужили русскоязычные глянцевые журналы «Cosmopolitan», «Glamour» и «Marie Claire» и журналы-каталоги косметических и парфюмерных магазинов «Подружка» и «Л'Этуаль». Выявлено, что хэштеги в печатной периодике выполняют различные функции: маркетинговую, интегративную, директивную. Кроме того, использование хэштега становится модной языковой тенденцией в силу заложенного в него фасцинативного потенциала, способствующего аттрактивности транслируемой информации.

V.A. Gaputina, E.A. Budnik, V.V. Boguslavskaya
HASHTAG ON GLOSSY MEDIA PAGES

Keywords: mass media, glossy magazines, hashtag.

The article describes the hashtag as an element of the offline pattern. The research material was the Russian-language glossy magazines "Cosmopolitan", "Glamor" and "Marie Claire" and catalogs of cosmetic and perfume stores "Podruzhka" and "L'Etoile". It was revealed that hashtags in printed periodicals perform various functions: marketing, integrative, directive. In addition, the use of a hashtag is becoming a fashionable linguistic trend due to its inherent fascial potential, which contributes to the attractiveness of the transmitted information.

Т.Т. Сидельникова
ФОРМИРОВАНИЕ ГЕОБРЕНДИНГА В МЕДИАСРЕДЕ

Ключевые слова. Геобрендинг, СМИ, территория, брендинг.

В современном мире признание и инвестиции требуются не только известным личностям и организациям, производителям и международным корпорациям. На данный период рассматриваемая потребность есть и у стран, регионов и также городов. Первым и самым важным этапом продвижения является создание образа и имиджа лица, компании, территории. Таким образом является бренд, совмещающий в себе общую картину продвигаемого объекта и

T T. Sidelnikova
FORMATION OF GEO-BRANDING IN THE MEDIA ENVIRONMENT

Keywords. Geo-branding, media, territory, branding.

In the modern world, recognition and investment are required not only for well-known personalities and organizations, manufacturers and international corporations. For this period, the considered need is also in countries, regions and also cities. The first and most important stage of promotion is the creation of the image and image of a person, company, territory. Thus, there is a brand that combines the general picture of the promoted

закрепляющий определенные ассоциации в сознании потребителя. Геобрендинг позволяет интегрировать экономические, социальные, культурные и политические аспекты управления территориями с целью создания привлекательного образа территории. Такой результат помогает донести до широкой общественности уникальность данной местности.

object and fixes certain associations in the mind of the consumer. Geo-branding allows the integration of economic, social, cultural and political aspects of territory management in order to create an attractive image of the territory. This result helps to convey to the general public the uniqueness of the area.

З.Ш. Шукурджиева
ГАЗЕТА «ТЕРДЖИМАН» КАК ЯВЛЕНИЕ КРЫМСКОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРЕССЫ И ЕЕ РОЛЬ В ТЮРКО-МУСУЛЬМАНСКОМ МИРЕ

Ключевые слова: этническая пресса, газета, Гаспринский, тюркский мир, Крым.

В работе рассматриваются некоторые аспекты зарождения и развития этнической прессы Крыма конца XIX – начала XX вв. На примере газеты «Терджиман» («Переводчик») показывается влияние печатного слова в крымском регионе в частности, тюркском мире в целом в данный период, а также оценивается роль педагога-реформатора, просветителя, издателя, публициста Исмаила Гаспринского в его распространении.

Z.Sh. Sukurdziyeva
NEWSPAPER "TERDZIMAN" IS A PHENOMENON OF THE CRIMEAN ETHNIC PRESS AND ITS ROLE IN THE TURKO-MUSLIM WORLD

Keywords: ethnic press, newspaper, Gasprinsky, Turkic world, Crimea.

The work examines some aspects of the origin and development of the ethnic press of the Crimea in the late 19th - early 20th centuries. Using the example of the newspaper "Terdzhiman" ("Translator"), the influence of the printed word in the Crimean region, in particular, the Turkic world as a whole in this period is shown, and the role of the teacher-reformer, educator, publisher, publicist Ismail Gasprinsky in its dissemination is assessed.

Г.М. Боваева, Т.В. Бураева, Н.Л. Овшиева, О.В. Салынова
СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НОМИНАЦИЙ ПРАЗДНИЧНОЙ ПИЩИ В КАЛМЫЦКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Ключевые слова и фразы: номинация, пищевые знаки, семантические особенности, свадебная, новогодняя, весенняя обрядность, этноспецифичные.

Данная статья посвящена исследованию номинаций праздничной пищи в свадебной (Хурм), новогодней (Зул) и весенней (Цаһан Сар) обрядностях калмыцкого языка. Научному анализу подвергается семантический пласт рассматриваемых пищевых знаков. В результате авторами были выявлены этноспецифичные и культурномаркированные пищевые номинации, репрезентированные в гастрономическом дискурсе калмыцкоязычного этноса.

G.M. Bovaeva, T.V. Buraeva, N.L. Ovshieva, O.V. Salynova
SEMANTIC FEATURES OF NOMINATIONS OF FESTIVE FOOD IN KALMYK LINGUOCULTURE

Keywords and phrases: nomination, food signs, semantic features, wedding, New Year's, spring rite, ethnospecific.

This article is devoted to the study of nominations of festive food in the wedding (Хурм), New Year's (Zul) and spring (Tsahan Sar) rites of the Kalmyk language. The semantic formation of the food signs in question is subjected to scientific analysis. As a result, the authors revealed ethnospecific and culturally marked food nominations, reprised in the gastronomic discourse of the Kalmyk-speaking ethnic group.

М.В. Сунцова
КОННОТАЦИЯ И ЕЕ СТРУКТУРА В ТЕКСТЕ

Ключевые слова: термин коннотация, структурные элементы, лингвистика.

В данной статье приводится исследование коннотации. Дается определение термина «коннотация», описываются структурные элементы коннотативного значения слова, так как несмотря на большое количество работ по данной теме эти вопросы до сих пор остаются открытыми.

M.V. Suntsova
CONNOTATION AND ITS MEANING IN THE TEXT

Keywords: term connotation, structural elements, linguistics.

This article is devoted to the research of connotations. There is the definition of the term «connotation», the structural elements of the connotative meaning of the word are since despite the large number of works on this topic, these issues still remain open.

П.Е. Топорков
ОЦЕНОЧНЫЕ ИМЕНА В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ ПРЕДИКАТИВА КАК КЛАССА СЛОВ

Ключевые слова: предикатив, оценочное имя, оценка, состояние.

В статье рассмотрены оценочные имена как составляющая часть класса предикативов. Рассмотрен семантико-грамматический параллелизм оценочных имён и словообразовательно связанных с ними признаковых слов. Выделены основные референтные зоны оценки, а также основные лексико-семантические и грамматические характеристики оценочных имён различных структурных типов.

P.Y. Toporkov
EVALUATIVE NOUNS IN THEIR RELATION TO PREDICATIVES AS A SPECIFIED CLASS

Keywords: predicative, evaluative name, assessment, state.

The article discusses evaluative nouns as a constituent part of the predicatives as a specified semantic/ grammatical class. The author considers semantic and grammatical parallelism of evaluative names and derivationally related attributive words. The paper also establishes main reference zones of the evaluation, as well as the main lexical-semantic and grammatical characteristics of the evaluative nouns of various structural types.

П.А. Якимов
РЕЛИГИОЗНЫЙ ОНОМАСТИКОН В ПОЭЗИИ: УРОВНИ АНАЛИЗА (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

Ключевые слова: религиозный ономастикон, лексическая структура, функции онимов, поэтические модели воплощения религиозной картины мира.

В данной статье представлена попытка описания уровневого анализа религиозного ономастикона в поэзии. Автор

P.A. Yakimov
RELIGIOUS ONOMASTIKON IN POETRY: ANALYSIS LEVELS (TO STATEMENT OF THE PROBLEM)

Keywords: religious ономастикон, lexical structure, functions of onim, poetic models of the embodiment of a religious picture of the world.

The attempt of the description of the-level analysis of a religious onomastikon in poetry is presented in this article. The author

предлагает три уровня анализа: изучение лексического состава (тематических групп) религиозно-поэтического ономастикона и семантической структуры онимов; описание функции религиозных имен, выявление потенциальных возможностей религиозных топонимов и антропонимов для воплощения поэтических моделей религиозной картины мира.

М.И. Аветисян
КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ ПРОСТЫХ ОТГЛАГОЛЬНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ С СУФФИКСОМ-ER

Ключевые слова: простые отглагольные существительные с суффиксом –er, семантическая/концептуальная деривация, когнитивная метафора, когнитивная метонимия.

В статье представлены и проанализированы ментальные механизмы расширения значения английских отглагольных существительных с суффиксом –er. Результатом проведенного когнитивно-семантического анализа эмпирического материала становится вывод о том, что разветвленная семантическая структура данных лексем формируется в ходе концептуальной деривации метонимического или метафорического типа.

M.I. Avetisyan
SEMANTIC DERIVATION OF SIMPLEX DEVERBAL NOUNS WITH–ER: COGNITIVE FOUNDATIONS

Keywords: simplex deverbal nouns with –er, semantic/conceptual derivation, cognitive metaphor, cognitive metonimy.

This paper presents the results of the study into mental mechanisms which trigger the meaning extension of English deverbal nouns with -er. Due to the cognitive-semantic analysis of the empirical data it has been found out that the branchy semantic structure of such lexical units is formed via conceptual derivation of metonymic and metaphoric type.

К.Н. Антонова, Ю.В. Буль
ТРАНСФОРМАЦИИ РУССКОГО ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО КОНЦЕПТА БРАК И АНГЛИЙСКОГО ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО КОНЦЕПТА MARRIAGE В РОМАНЕ Л.Н. ТОЛСТОГО "АННА КАРЕНИНА" И ДИЛОГИИ Д.Г. ЛОРЕНСА "РАДУГА" И "ВЛЮБЛЕННЫЕ ЖЕНЩИНЫ"

Ключевые слова: трансформация лингвокультурного концепта, индивидуально-авторский концепт, образная составляющая концепта, ценностная составляющая концепта.

В статье анализируются трансформации лингвокультурных концептов БРАК/MARRIAGE в соответствии с личным мироощущением Л.Н.Толстого и Д.Г.Лоренса и обосновывается, что именно трансформации лингвокультурных концептов в индивидуально-авторском художественном дискурсе могут рассматриваться как источник приращения дополнительных смыслов лингвокультурных концептов национальных картин мира и одновременно способствуют субъект-субъектной и субъект-объектной коммуникации в рамках интерсемиотического и межъязыкового перевода.

K.N. Antonova, Yu.V. Bool
TRANSFORMATION OF THE RUSSIAN AND ENGLISH PERCEPTION OF MARRIAGE IN THE NOVEL "ANNA KARENINA" BY L. N. TOLSTOY AND THE NOVELS "RAINBOW" AND "WOMEN IN LOVE" BY D.H. LAWRENCE

Keywords: transformation of the linguistic and cultural concept, individual author's concept, figurative component of the concept, value component of the concept.

The article analyzes the transformation of linguistic and cultural concepts of MARRIAGE in accordance with the personal worldview of L. N. Tolstoy and D. H. Lawrence and proves that it is the transformation of linguistic and cultural concepts in the individual author's artistic discourse that can be considered as a source of increment of additional meanings of linguistic and cultural concepts of national worldviews and at the same time contribute to subject-subject and subject-object communication in the framework of intersemiotic and interlanguage translation.

Т.С. Василенко, Е.И. Шеваршинова
ЯЗЫКОВОЙ КОМПОНЕНТ СОВРЕМЕННОГО АНГЛОЯЗЫЧНОГО ТЕЛЕРЕПОРТАЖА

Ключевые слова: телерепортаж, информационная функция, прагматическое воздействие, лексико-грамматические особенности, стилистические приемы, эмоционально-оценочная лексика.

Предметом исследования статьи являются особенности языковой реализации современного событийного телерепортажа. В качестве материала исследования было рассмотрено десять телерепортажей канала BBC News на общественно-политическую тематику. В работе рассмотрена структура телерепортажа и выделены его основные компоненты, описаны основные языковые средства на лексико-грамматическом уровне, направленные на реализацию целей информирования и воздействия.

T.S. Vasilenko, E.I. Shevarshinova
THE LINGUISTIC COMPONENT OF THE MODERN ENGLISH TELEVISION REPORTAGE

Keywords: television reportage, informational function, pragmatic impact, lexical and grammatical features, stylistic devices, emotional vocabulary.

The article deals with the linguistic features of the modern television news reportage. Ten TV reportages of BBC News Channel on social and political issues are used as research material. In the article the author covers the structural features of the reportage pointing out its main components, also lexical and grammatical means which are aimed at fulfilling the informational and pragmatic functions.

А.М. Горохова, А.В. Ольнева
БРИТАНСКИЙ МИКРОБЛОГИНГ КАК ИНСТРУМЕНТ ЛЕКСИКО-ИКОНОГРАФИЧЕСКОГО КАРТИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПАНДЕМИИ COVID-19

Ключевые слова: британская национальная идентичность, блогосфера, картирование, пандемия COVID-19, этноконстанта.

В работе представлены результаты ассоциативного моделирования матрицы этноконстант британской

A.M. Gorokhova, A.V. Olneva
BRITISH MICROBLOGGING AS A TOOL FOR LEXIS-ICONOGRAPHIC MAPPING OF BRITISH NATIONAL IDENTITY IN THE CONTEXT OF THE COVID-19 PANDEMIC

Keywords: British national identity, blogosphere, mapping, COVID-19 pandemic, ethno constant.

The present article sheds light upon the results of associative modeling of British national identity constituents in the dynamic scope based on their representation in the authentic blogosphere.

национальной идентичности в динамической проекции актуального языкового слоя аутентичной персонифицированной блогосферы. Приводятся некоторые выводы относительно ядерного и периферийного потенциала выявленных компонентов «английскости» на основе количественной репрезентации; анализируются их лингвоаксиологические трансформации, обусловленные пандемическими реалиями.

Nuclear and peripheral components of 'Englishness' are extrapolated. Linguistic-axiological pandemic-predetermined transformations of the value charts are considered.

М.А. Кузина
ОСОБЕННОСТИ АВТОРСКИХ ПРИЁМОВ РАСКРЫТИЯ СЕМАНТИКИ ЭКЗОТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В МУЛЬТИКУЛЬТУРНОМ РОМАНЕ

Ключевые слова: экзотизм, экспликация, мультикультурная литература.

Анализ экзотической лексики в тексте романа Б. Мукерджи «Желанные дочери» (2002) позволяет говорить о наиболее частотных стратегиях ввода экзотизмов в текст романа – внутритекстовых объяснениях посредством однословного перевода, при помощи пояснительного комментария, через гипероним и ко-гипонимы – как о составной части идиолекта писателя-мультикультуралиста.

M.A. Kuzina
IDIOLECTAL STRATEGIES TO EXPLICATE EXOTICISMS IN MODERN ENGLISH-LANGUAGE MULTICULTURAL NOVEL

Keywords: exoticism, explication, multicultural literature.

The analysis of the exotic loanwords employed by B. Mukherjee in the novel "Desirable Daughters" (2002) prompts to regard explication as a means of introducing exotic vocabulary into the English-language text as a part and parcel of the author's idiolect.

М.В. Матюхина
ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕКСТОВ АНГЛИЙСКИХ ТРАНСГУМАНИСТИЧЕСКИХ БЛОГОВ С ТЕГОМ «ANTI-AGING»

Ключевые слова: лексические особенности, грамматические особенности, трансгуманизм, английские блоги, Anti-aging.

В работе представлены результаты исследования корпуса английских трансгуманистических блогов с тегом «Anti-aging» на предмет лексических и грамматический особенностей их текстов, которые представлены в форме статей и комментариев.

M.V. Matyukhina
LEXICAL AND GRAMMATICAL FEATURES OF THE TEXTS OF ENGLISH TRANSHUMANIST BLOGS WITH THE TAG "ANTI-AGING"

Keywords: lexical features, grammatical features, transhumanism, English blogs, Anti-aging.

The paper presents the study results of the corpus of English transhumanist blogs with the tag "Anti-aging" on the subject of lexical and grammatical features of their texts, which are presented in the form of articles and comments.

О.А. Мелентьева
СЛОВАРИ РИФМ ЧОСЕРА: ПРИНЦИПЫ ПОСТРОЕНИЯ

Ключевые слова: чосеровская лексикография, словарь рифм, конкорданс.

В статье рассматриваются принципы построения мега-, макро- и микроструктуры словарей рифм Чосера, которые могут быть рекомендованы лингвистам и литературоведам для изучения системы стихосложения писателя. В качестве материала исследования выступает справочник «A Rhyme Concordance to the Works of Geoffrey Chaucer», объединяющий свойства словаря рифм и конкорданса.

O.A. Melentyeva
CHAUCER RHYME DICTIONARIES: PRINCIPLES OF COMPILATION

Keywords: Chaucer lexicography, rhyme dictionary, concordance.

The author discusses the principles of compilation of Chaucer rhyme dictionaries that can be used by a wide range of users to carry out research work of various kind. The author focuses on the lexicographic analysis of A Rhyme Concordance to the Works of Geoffrey Chaucer by A. Oizumi (1994) that combines features of a rhyme index and a concordance. Integration of the given lexicographic forms enables users to get maximum information about Chaucer's versification from a single reference book.

В.М. Насртдинова
КАТЕГОРИИ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ И РЕЧЕВЫХ ОБРАЗЦОВ (ЛЕ И РО), РЕЛЕВАНТНЫХ ДЛЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕМ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА ВО ВРЕМЯ TEACHER TALKING TIME

Ключевые слова: *время разговора учителя, речевые образцы, лексические единицы, аутентичные коллокации.*

В работе рассмотрено лексико-семантическое содержание времени разговора учителя (TTT) при проведении занятия по английскому языку. На основе предложенной дихотомии auxiliary vocabulary – notional vocabulary представлена классификация ЛЕ и РО, используемых преподавателем, а также выделены категории ЛЕ, способствующих устойчивому росту языковых компетенций обучающихся.

V.M. Nasrtdinova
THE CATEGORIES OF LEXICAL UNITS AND SPEECH PATTERNS, RELEVANT FOR BEING APPLIED BY ENGLISH LANGUAGE TEACHERS DURING TEACHER TALKING TIME

Keywords: TTT, speech patterns, lexical units, authentic collocations.

This paper considers lexical and semantic saturation of TTT in the English language classroom. The author submits a dichotomy "auxiliary vocabulary" and "notional vocabulary" and comes up with a classification of lexical units and speech patterns, being used by a teacher and puts forth comprehensible guidelines on the categories of lexis that are to be used for fruitful teaching.

Л.Г. Юсупова
ЯЗЫКОВАЯ И КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ КАРТИНЫ МИРА СКВОЗЬ ПРИЗМУ АНТРОПОМОРФИЗМА

Ключевые слова: языковая картина мира, концептуальная картина мира, концепт, когнитивные механизмы, антропоморфная языковая картину мира.

L.G. Yusupova
LINGUISTIC AND CONCEPTUAL WORLDVIEWS THROUGH THE PRISM OF ANTHROPOMORPHISM

Keywords: language picture of the world, conceptual picture of the world, concept, cognitive mechanisms, anthropomorphic language picture of the world.

Данная статья посвящена вопросам описания картины мира с помощью пространственных, временных, количественных, этических и других параметров. Автор убедительно доказывает, что на формирование картины мира влияют язык, традиции, природа, воспитание, обучение и другие социальные факторы. В статье делается акцент на тот факт, что каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации мира. Выражаемые в нем значения складываются в некую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка. Автор отмечает, что языковая картина мира организована по законам языка, а концептуальная – по законам физического мира. Автор выделяет также и антропоморфную языковую картину мира как составляющую целостной концептуальной языковой картины мира, очерченную и переданную средствами метафор, метонимий и фразеологических единиц

This article is devoted to the description of the world picture with the help of spatial, temporal, quantitative, ethical and other parameters. The author convincingly proves that language, traditions, nature, upbringing, training, and other social factors influence the formation of the world's map. The article focuses on the fact that each natural language reflects a certain way of perception and organization of the world. The meanings expressed in it form a system of views, a kind of collective philosophy that is imposed as mandatory on all native speakers. The author notes that the linguistic picture of the world is organized according to the laws of language, and the conceptual picture is organized according to the laws of the physical world. The author also highlights the anthropomorphic language picture of the world as a component of an integral conceptual language picture of the world, outlined and conveyed by means of metaphors, metonymies and phraseological units

А.В. Абрегова, Р.Б. Кенетова, Р.А. Теуважукова

СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ

Ключевые слова: *русский язык, английский язык, глаголы движения, сопоставительный анализ, семантико-сопоставительный анализ, когнитивно-сопоставительный анализ.*

В настоящей статье проведено сопоставительное исследование глаголов движения в русском и английском языке в семантическом и когнитивном аспекте. Выделены их обобщающие и отличительные признаки. Проанализировано сходство и различие в выражении направленности действия глаголов движения. Перспектива решения проблемы изучения глаголов движения кроется в систематизации их морфологических характеристик.

A.V. Abregova, R.B. Kenetova, R.A. Teuvazhukova

VERBS OF MOVEMENT IN THE COMPARATIVE ASPECT ON THE MATERIAL OF THE RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES

Keywords: Russian language, English language, verbs of movement, comparative analysis, semantic-comparative analysis, cognitive-comparative analysis.

In the present article a comparative study of verbs of motion in Russian and English languages in the semantic and the cognitive aspect is conducted. Their generalizing and distinctive features are highlighted. The similarity and difference in the expression of the direction of action of movement verbs is analyzed. The prospect of solving the problem of studying verbs of movement lies in the systematization of their morphological characteristics.

Е.Н. Азначеева, А.Г-Б. Салахова

АНАЛОГИЯ КАК РИТОРИЧЕСКИЙ ПРИЕМ В РЕЛИГИОЗНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Ключевые слова: аналогия; церковно-религиозный стиль; риторика; сравнение; метафора.

В статье анализируется использование аналогии и особенностей ее функционирования в религиозной коммуникации на материале православных богословских текстов. Аналогия рассматривается как риторический приём, в основе которого лежит рассуждение по аналогии и основными формами реализации которого являются развернутое сравнение и метафорический образ. Выявляется роль аналогии при разъяснении и назидании в религиозном дискурсе.

E.N. Aznacheeva, A.G.-B. Salakhova

ANALOGY AS A RHETORICAL DEVICE IN RELIGIOUS COMMUNICATION

Keywords: analogy; church and religious style; rhetoric; comparison; metaphor.

The article analyzes the use of analogy and the peculiarities of its functioning in religious communication based on the material of Orthodox theological texts. Analogy is viewed as a rhetorical technique. It is based on reasoning by analogy and its main forms of implementation are a detailed comparison and a metaphorical image. The role of analogy in clarification and edification in religious discourse is revealed.

С.З. Анохина, Г.В. Вахитова

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ И ПРЕДСТАВЛЕНИЕ СИТУАЦИЙ ЗРИТЕЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ

Ключевые слова: языковое сознание, зрительное восприятие, фразеологизмы.

В статье рассматриваются ситуации зрительного восприятия во фразеологии и их роль в выражении культурной идентичности представителей английской и русской лингвокультур. Было выяснено, что фразеологический состав языка отражает культурную идентичность не только как фрагмент реальной действительности отдельного этноса, но менталитет народа в целом. Можно утверждать, что фразеологические единицы считаются своеобразным зеркалом культуры, отображающим общественное сознание людей, обычаи и традиции, и именно поэтому они являются ценным материалом для изучения вопросов языковой культуры. Также в статье исследованы ценностные картины мира англичан и русских, содержащих общие ключевые концепты, которые можно увидеть на примере фразеологических единиц.

S.Z. Anokhina, G.V. Vakhitova

CONCEPTUALIZATION AND REPRESENTATION OF THE SITUATIONS OF VISUAL PERCEPTION IN THE SPHERE OF LANGUAGE CONSCIOUSNESS

Keywords: language consciousness, visual perception, phraseological units.

The article examines the situations of visual perception in phraseology and their role in expressing the cultural identity of the representatives of the English and Russian linguocultures. It has been found out that the phraseological composition of the language reflects cultural identity not only as a fragment of the reality of a separate ethnic group, but the mentality of the people in whole. It can be asserted that phraseological units are considered as a kind of a mirror of culture, reflecting the public consciousness of people, customs and traditions, and therefore they are the valuable material for studying the issues of linguistic culture. Also, the article explores the value pictures of the world of the British and Russians, containing general key concepts that can be seen in the phraseological units.

Н.В. Арчахова, М.Ю. Дайнеко, И.И. Могилева
ВЛИЯНИЕ ОБУЧЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19 НА МОТИВАЦИЮ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ ВУЗОВ

Ключевые слова: мотивация, иностранный язык, студент, неязыковой вуз, онлайн обучение, пандемия, коронавирусная инфекция,COVID-19.

Пандемия коронавирусной инфекции стала мощным вызовом для высшего образования во всем мире, затронув 90% всех обучающихся и потребовав максимальной адаптации учебного процесса к создавшимся условиям. Остро встала необходимость внедрения абсолютно новой модели образования, что связано с выбором оптимальных дистанционных образовательных платформ. В связи с этим мониторинг процесса обучения в плане удовлетворенности обучающихся представляет собой отдельный интерес.

N.V. Archakhova, M.Yu. Daineko, I.I. Mogileva
TRAINING DURING COVID-19 PANDEMIC AND MOTIVATION IN TEACHING ENGLISH LANGUAGE FOR STUDENTS OF NON-LINGUISTIC HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTION

Keywords: motivation, foreign language, student, non-linguistic university, online education, coronavirus infection, pandemic, COVID-19.

The coronavirus pandemic COVID-19 has become a challenge to higher education worldwide affecting 90% of the students and requiring maximal adaptation of the training process. The necessity to introduce a new model of education has appeared to be an urgent activity, and it is closely connected with a choice of distant training platform. So, the monitoring of satisfaction of our students is of special interest in these conditions of training.

Р.К. Ахметгареева, М.К. Гулканян
ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК КАК ФАКТОР УСПЕШНОЙ АДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ К СОВРЕМЕННЫМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМ УСЛОВИЯМ

Ключевые слова: Инженерное образование, профессиональное общение, система дистанционного обучения, профессионально значимые учебно-речевые ситуации.

В представленной работе анализируется современная ситуация в системе подготовки современных инженеров. Подчеркивается, что выпускника-инженера необходимо вооружить дополнительным объемом знаний и сформировать новые компетенции, в том числе и умения профессионального общения, включающие иностранный язык. В условиях распространения коронавирусной инфекции «COVID-19» преподавателям необходимо проявить готовность к работе в «онлайн» формате, освоить и уметь работать в системах дистанционного обучения (СДО) «Moodle», платформе «Zoom».

R.K. Akhmetgareyeva, M.K.Gulkanyan
FOREIGN LANGUAGE AS A FACTOR OF SUCCESSFUL ADAPTATION OF STUDENTS TO MODERN EDUCATIONAL CONDITIONS

Keywords: Engineering education, professional communication, distance learning system, professionally significant educational and speech situations.

This paper analyzes the current situation in the system of training modern engineers. It is emphasized that a graduate engineer should be equipped with an additional amount of knowledge and form new competencies, including professional communication skills that involve a foreign language. In the context of the spread of the COVID-19 coronavirus infection, teachers need to be ready to work in the "online" format, master and be able to work in the distance learning systems (EDS) such as "Moodle" and the "Zoom"platform.

Д.Р. Гайнанова
ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО КОНЦЕПТА «АКЧА» (ДЕНЬГИ) В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: концепт, акча (деньги), вербализация, лингвокультурология, татарский язык.

Обзор современной научной литературы по языкознанию указывает на все более возрастающее количество трудов, посвященных изучению понятия концепт. Данная статья посвящена выявлению особенностей языковой реализации концепта «акча» (деньги) в татарском языке. Изучение этого концепта позволит определить культурные ценности татарской общности, вербализованные семантикой языковых единиц.

D.R. Gaynanova
VERBALIZATION OF THE LINGUOCULTURAL CONCEPT “AKCHA” (MONEY) IN TATAR LANGUAGE

Keywords: concept, akcha (money), verbalization, cultural linguistics, Tatar language.

A review of modern scientific literature on linguistics indicates an ever-increasing number of works devoted to the study of the notion of concept. This article is devoted to identifying the features of the linguistic implementation of the concept "akcha" (money) in the Tatar language. The study of this concept will make it possible to determine the cultural values of the Tatar community, verbalized by the semantics of linguistic units.

А.Н. Гуров, А.В. Пахарь
ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИСПАНСКИХ ВОЕННЫХ ТЕКСТОВ

Ключевые слова: военные тексты, военные термины, военные аббревиатуры, подстиль военных текстов.

В работе рассматриваются особенности подстиля военных текстов как особой функциональной разновидности языка, исследуются его дифференциальные признаки. Основной акцент сделан на военных терминах испанского языка и их отличиях от русских военных терминов.

A.N. Gurov, A.V. Pakhar
FUNCTIONAL AND STYLISTIC FEATURES OF SPANISH MILITARY TEXTS

Keywords: military texts, military terms, military abbreviations, substyle of military texts.

The paper deals with the features of substyle of military texts as a special functional type of language and examines its differential features. The main focus is on the military terms of the Spanish language and their differences from Russian military terms.

Ю.И. Детинко
МУЛЬТИМОДАЛЬНЫЙ ТЕКСТ КАК ПРЕДМЕТ АНАЛИЗА

Ключевые слова: мультимодальный текст, мультимодальный анализ, семиотические ресурсы, модус коммуникации, анализ изображения.

В статье представлены подходы к изучению мультимодальности, в частности подробно рассматривается социально-семиотический подход. Раскрывается механизм анализа мультимодального текста с учетом разных семиотических ресурсов, или модусов коммуникации,

Iu.I. Detinko
MULTIMODAL TEXT AS THE OBJECT OF ANALYSIS

Keywords: multimodal text, multimodal analysis, semiotic resources, mode of communication, analysis of the image (picture).

The paper presents three approaches to the study of multimodality, in particular dealing with the social semiotic approach. The author shows the mechanism of multimodal text analysis, considering different semiotic resources, or modes of communication. The paper indicates the parameters that must be

обозначаются параметры, которые необходимо учитывать при анализе изображения. В качестве примера представлен анализ мультимодального текста из британской газеты Daily Mail.

taken into account when interpreting a visual image (picture). As an example, the analysis of the multimodal text from the British newspaper Daily Mail is presented.

Н.В. Зотова
ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОЦИИ СТРАХА В РАССКАЗЕ R. BRADBURY «THE ELECTROCUTION»

Ключевые слова: эмотивность, эмоция, синтаксис, эмотивный текст.

Работа посвящена рассмотрению особенностей использования лексических и синтаксических средств для иллюстрации вербального и невербального выражения эмоции страха в художественном тексте на английском языке. В качестве материала исследования использовано художественное произведение R. Bradbury «The Electrocution». В рамках исследования выявлены наиболее активно используемые языковые средства выражения эмотивности.

N.V. Zotova
LINGUISTIC MEANS OF EXPRESSING THE EMOTION OF FEAR IN R. BRADBURY'S SHORT STORY «THE ELECTROCUTION»

Keywords: emotiveness (emotivity), emotion, syntax, emotive text.

The paper considers the features of using lexical and syntactic means to illustrate the verbal and non-verbal expression of the emotion of fear in a literary text in English. Literary text «The Electrocution» by R. Bradbury used as the research material. The analysis identified the most actively used linguistic means of expressing emotiveness.

Л.В. Иванова, Г.С. Стренадюк, Т.С. Талалай
СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ТАКСИСНЫХ ОТНОШЕНИЙ НЕСТРОГОЙ РАЗНОВРЕМЕННОСТИ И НЕОПРЕДЕЛЕННО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

Ключевые слова: таксис, таксисные отношения, отношения нестрогой разновременности, неопределенно-хронологические отношения.

Статья посвящена исследованию таксисных отношений нестрогой разновременности и неопределенно-хронологических отношений. На сегодняшний день эти отношения представляют особый интерес в современной лингвистике, так как в немецком и русском языках способы выражения временных отношений отличаются ввиду особенностей грамматического строя языков.

В ходе исследования, проведенного на материале произведений художественной литературы, удалось выявить наиболее частотные способы и средства выражения таксисных отношений нестрогой разновременности и неопределенно-хронологических отношений в немецком языке. Авторы приходят к выводу, что формирование таксисных отношений нестрогой разновремённости и неопределенно-хронологических отношений происходит в результате сложного взаимодействия разноуровневых языковых единиц.

L.V. Ivanona, G.S. Strenadiuk, T.S. Talalai
MEANS OF EXPRESSING TAXIS RELATIONS OF NON-STRICT DIVERGENCE AND INDEFINITE-CHOROLOGICAL RELATIONS (ON MATERIAL OF THE GERMAN LANGUAGE)

Keywords: taxis, taxis relations, relations of non-strict divergence, indefinite-chronological relations.

The article is devoted to the study of taxis relations of non-strict divergence and indefinite-chronological relations. Today, these relations are of particular interest in modern linguistics, since in German and Russian languages the ways of expressing temporary relations differ because of the peculiarities of the grammatical structure of languages.

In the course of a study conducted on the basis of works of fiction, it was possible to identify the most frequent ways and means of expressing taxis relations of non-strict divergence and indefinite-chronological relations in the German language. The authors come to the conclusion that the formation of taxis relations of non-strict divergence and indefinite-chronological relations occurs as a result of the complex interaction of multilevel language units.

А.В. Кириллова, С.В. Маслечкина, Д.Е. Меренкова, М.В. Шурупова
К ВОПРОСУ О КОМПОЗИЦИОННОЙ СПЕЦИФИКЕ НЕОЛОГИЗМОВ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСА

Ключевые слова: неологизм, композиционная структура, Интернет-дискурс.

В статье рассматриваются наиболее частотные способы образования новых слов английского языка в рамках молодежного Интернет-дискурса. Авторы отмечают разнообразие структурного оформления неологизмов, однако подчеркивают определенную степень их стандартизированности и клишированности.

A.V. Kirillova, S.V. Maslechkina, D.E. Merenkova, M.V. Shurupova
ON THE QUESTION OF STRUCTURAL PECULIARITY OF NEOLOGISMS IN INTERNET DISCOURSE

Keywords: neologism, structure, Internet discourse.

The article deals with the most commonly used word-forming methods of new English words in Internet discourse. The authors underline the structural types diversity, but emphasize some certain degree of new words standartization.

Е.А. Коломейцев
ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ БИЛИНГВА: КОГНИТИВНАЯ СЛОЖНОСТЬ И ИНТЕЛЛЕКТ

Ключевые слова: прогрессивные матрицы Равена, билингв, билингвизм, психометрический интеллект, полезависимость, поленезависимость, когнитивная простота, когнитивная сложность.

В статье рассматриваются две гипотезы, касающиеся знания иностранных языков и его корреляции с усложнением структуры ментального опыта, рассматриваемой как система взаимосвязанных и взаимозависимых структур, с помощью которых личность отражает и перерабатывает поступающую информацию. В исследовании применен тест «Прогрессивные матрицы Равена» для определения уровня

E.A. Kolomeytsev
THE LANGUAGE COMPLEXITY OF A BILINGUAL PERSON: COGNITIVE ADVANTAGE AND INTELLECT

Keywords: Raven's progressive Matrices, bilingual person, bilinguism, psychometric intelligence, field dependence, field independence, cognitive simplicity, cognitive complexity.

The article deals with 2 hypotheses concerning the knowledge of foreign languages and its connection with the complication of the structure of mental experience. The test "Raven's progressive Matrices" has been used in the group of bilingual students aged 17 to 22 years old to define the level of psychometric intelligence of bilingual persons who study at University. We have managed to determine the level of psychometric intelligence of test suspects and, together with the use of free association test, we have

психометрического интеллекта (ПИ) билингвов, обучающихся в вузе. Делается вывод о том, что не знание языка влияет на интеллект, а интеллект влияет на то, как человек использует язык, и не знание языка усложняет человека, а его когнитивная сложность.

Е.А. Линева, Е.Г. Котова, М.В. Овчинникова, Е.Б. Савельева, Т.Г. Юсупова

КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТОМ ВОЗДУХ/AIR/L'AIR В РУССКОМ, АНГЛИЙСКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ

Ключевые слова: фразеологические средства языка, национальная ментальность, языковое сознание, лингвокультурная общность, национально-культурная специфика, фразеологическая интерпретация мира.

В данной статье представлен компаративный семантический анализ фразеологических единиц с компонентом воздух/air/l'air в русском, английском и французском языках который позволяет раскрыть национальную ментальность, лингвокультурную специфику трех народностей.

Б.К. Миннуллин

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ АНАЛИТИЧЕСКИХ ФОРМ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ НА *-MAQDA IDE* И *-JUR IDE* В ТЕКСТАХ ГАЗЕТ «БОРХАНЕ ТАРАККИ» И «КОЯШ»

Ключевые слова: старотатарский письменный литературный язык; татарская периодическая печать; язык газеты; грамматическая система; формы прошедшего времени.

Целью данной статьи является научная разработка функционирования аналитических форм прошедшего времени на -maqda ide и -jur ide в текстах татарской периодической печати начала XX века на примере газет «Борхане тараккы» (Астрахань, 1906-1911 гг.) и «Кояш» (Казань, 1912-1918 гг.). Научная новизна статьи обусловлена тем, что впервые в татарском языкознании, в рамках изучения грамматической системы текстов, научная разработка проводится на примере текстов указанных органов периодической печати и затрагивает межреволюционный период 1905 – 1917 гг., что позволяет рассмотреть развитие старотатарского письменного литературного языка в диахронии.

Р.Ф. Мирхаев

СОЦИАЛЬНАЯ ОСНОВА ТАТАРСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

Ключевые слова: теория и история литературного языка, социологический подход, социальная основа литературного языка, носитель литературного языка, татарский литературный язык конца XIX – начала XX вв.

В статье рассматриваются вопросы теории и истории татарского литературного языка, в частности проблема социальной обусловленности его функционального развития в различные синхронные срезы. Цель исследования – определение социальной основы татарского литературного языка конца XIX – начала XX вв. Новизна работы определяется первичностью исследования указанной подсистемы татарского общенационального языка в социологическом аспекте.

Ю.Н. Науменко

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ГИПОТЕЗЫ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ И РУССКОЯЗЫЧНОМ АКАДЕМИЧЕСКИХ ДИСКУРСАХ

Ключевые слова: гипотеза, академический дискурс, вербализация, лингвокультурные особенности.

Работа посвящена лингвокультурной специфике вербализации научной категории гипотеза в англоязычном и русскоязычном академических дискурсах. Рассматриваются тексты раздела «Введение» ведущих британских и российских медицинских журналов. В результате проведенного исследования сделаны выводы о лексико-семантических и синтаксических особенностях вербализации научной категории гипотеза в англоязычных и русскоязычных медицинских текстах академического дискурса.

analyzed, which component prevails among the associations given by respondents. We have concluded that it is not the knowledge of language that influences one's intellectual level, but it is the intellect that effects the way a person uses his language. It is not the knowledge of language that makes a person more complex, but his cognitive advantage.

E.A. Lineva, E.G. Kotova, M.V. Ovchinnikova, E.B. Saveleva, T.G. Yusupova

COMPARATIVE ANALYSIS OF PHRASEOLOGICAL UNITS WITH LEXICAL UNIT ВОЗДУХ/AIR/L'AIR IN RUSSIAN, ENGLISH AND FRENCH

Keywords: phraseological linguistic means, national mindset, language consciousness, linguistic and cultural community, cultural identity, phraseological interpretation of the world.

The article represents comparative semantic analysis of phraseological units with the word воздух/air/l'air in the Russian, English and French languages that can reveal some aspects of the national mindset, linguistic and cultural peculiarities of the three nationalities.

B.K. Minnullin

FEATURES OF THE FUNCTIONING OF THE *-MAQDA IDE* AND *-JUR IDE* ANALYTICAL FORMS OF THE PAST TENSE IN THE TEXTS OF "BORKHANE TARAKKI" AND "KOYASH"

Keywords: old Tatar literary language, Tatar periodical press, newspaper language, grammatical system, past tense forms.

The purpose of this article is to study the functioning of -maqda ide and -jur ide analytical forms of the past tense in the texts of the Tatar periodical press of the beginning of the XXth century on the example of the newspapaers "Borkhane tarakki" and "Koyash". The scientific innovation of the article lies in the fact that the functioning of the analytical forms of the past tense in the texsts of the newspapaers "Borkhane tarakki" and "Koyash" is studied in the Tatar linguistics for the first time.

R.F. Mirkhayev

SOCIAL BASIS OF THE TATAR LITERARY LANGUAGE OF THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES

Keywords: theory and history of the literary language, sociological approach, social basis of the literary language, native speaker of the literary language, Tatar literary language of the late XIX – early XX centuries.

The article deals with the theory and history of the Tatar literary language, in particular the problem of social conditionality of its functional development in various synchronous sections. The purpose of the research is to determine the social basis of the Tatar literary language of the late XIX – early XX centuries. The novelty of the work is determined by the primary research of this subsystem of the Tatar national language in the sociological aspect.

Yu.N. Naumenko

'HYPOTHESIS' VERBAL REPRESENTATION IN ENGLISH AND RUSSIAN ACADEMIC DISCOURSES

Keywords: hypothesis, academic discourse, verbal representation, linguacultural features.

The paper discusses linguistic and cultural features of hypothesis verbal representation in English and Russian academic discourses. The 'Introductions' of research articles from the leading British and Russian medical journals are investigated. The results demonstrate lexical and syntactic peculiarities of hypothesis verbal representation in English and Russian medical research papers of academic discourse.

Е.Е. Сафронова

ТИПЫ ЭКСПЛИКАЦИИ НАРРАТОРА В РОМАНЕ ДАНИЭЛЯ КЕЛЬМАННА «DIE VERMESSUNG DER WELT»

Ключевые слова: нарратор, наррататор, текстовая интерференция, уровни наррации, нарратология.

В статье рассматриваются типы манифестации нарратора посредством тематических, оценочных и иных признаков в рамках фикционального немецкоязычного дискурса. Описываются способы взаимодействия текста нарратора и персонажей романа, приводящие к возникновению текстовой интереференции. Подобное грамматико-семантическое оформление романа обусловлено стилистической потребностью автора подражать фактуальному повествованию.

И.В. Щербак

ОБРАЗ ВРАГА В ПУБЛИЧНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЯХ АМЕРИКАНСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ

Ключевые слова: политический дискурс, публичное выступление, ценности, образ, речевое воздействие.

Статья посвящена исследованию лингвостилистических приемов и средств, используемых американскими политическими деятелями для формирования в сознании массовой аудитории образа врага.

E.E. Safronova

TYPES OF EXPLICATIONS OF THE NARRATOR IN THE NOVEL BY DANIEL KEHLMANN "DIE VERMESSUNG DER WELT"

Keywords: narrator, narratee, textual interference, levels of narration, narratology.

The article is devoted to the types of manifestation of the narrator by means of the thematic, evaluative and other signs within the framework of a fictional German-language discourse. The ways of interaction between the narrator's text and the one of the characters in the novel lead to the emergence of textual interferences. Such a grammatical and semantic design of the novel is used due to the author's stylistic need to imitate the factual narrative.

I.V. Shcherbak

ENEMY IMAGE IN PUBLIC SPEECHES OF AMERICAN POLITICIANS

Keywords: political discourse, public speaking, values, image, speech impact.

The article explores the linguistic methods and means used by American politicians to create an enemy image in the minds of mass audiences. The analysis of texts of public speeches of US politicians shows the important role of considering the national-valuable component of language means to achieve the maximum level of persuasiveness of speech. In his speech the politician uses as means for direct nomination of agents by lexemes with peiorative semantics, but also epithets, metaphors, antithesis, repetitions, inversions that allow to create the image of an enemy of the American ethnos of the state in the consciousness of the mass addressee.

Публичный лицензионный договор-оферта

Редакция журнала «Казанская наука» предлагает Вам присылать свои статьи для публикации на страницах журнала, а также на сайте Научной электронной библиотеки (НЭБ). Предоставление Автором своего произведения является полным и безоговорочным акцептом, т.е. данный договор считается заключенным с соблюдением письменной формы. Присылая для публикации произведение, Автор также предоставляет Редакции журнала права на использование произведения и гарантирует, что он обладает достаточным объемом прав на передаваемое произведение. Также Автор предоставляет редакции журнала право переуступить на договорных условиях частично или полностью полученные по настоящему Договору права третьим лицам без выплаты Автору вознаграждения. Все авторские права регулируются в соответствии с действующим законодательством России.

Договор публичной оферты по обработке персональных данных

В процессе осуществления выпуска журнала «Казанская наука» ООО «Рашин Сайнс» осуществляется обработка персональных данных, предоставленных авторами статей в рамках сообщения своих регистрационных данных для осуществления публикации в журнале (имя, фамилия, отчество, адрес автора, контактный телефон и e-mail приводятся в регистрационной форме, заполняемой авторами при отправке статьи в журнал). Обработка осуществляется редакцией журнала для целей надлежащей отправки журнала автору и возможности связи с автором лиц, заинтересованных в результатах труда автора статьи. Под обработкой персональных данных в контексте настоящего согласия понимаются действия редакции по сбору, систематизации, накоплению, хранению, использованию, распространению, уничтожению персональных данных, а также действия по их дальнейшей обработке с помощью автоматизированных систем управления базами данных, и иных программных средств, используемых редакцией журнала. Настоящее согласие автора на обработку персональных данных является бессрочным и может быть отозвано в любой момент путем отказа автора от получения журнала и дальнейшей обработки его персональных данных.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

К А З А Н С К А Я Н А У К А

№10 2020

www.kazanscience.ru

Реестровая запись от 08.05.2019 серия ПИ № ФС 77 - 75730

Подписано в печать 09.11.2020 Формат А4. Печать цифровая.

Дата выхода в свет 09.11.2020

15,4 усл.печ.л. 17,8 уч.изд.л. Тираж 500 экз. Заказ 3770.

Учредитель: ООО "Рашин Сайнс":

420111, г. Казань, ул.Университетская, 22, помещение 23.

Адрес редакции, издательства, типографии – ООО "Рашин Сайнс":

420111, г. Казань, ул.Университетская, 22, помещение 23.

Цена - договорная

© Рашин Сайнс

тел.(843) 216-30-35

Отпечатано с готового оригинал-макета

ООО «Рашин Сайнс»